

Дорогие ребята!

Вы держите в руках очень интересную и умную книгу. Такой книги еще никогда не было не только в нашей стране, но и за рубежом. Сострудники Центральной Российской Универсальной Биржи и Акционерного Общества "Торговый дом "Аксела" считают своим долгом ускорить издание этой книги, чтобы она быстрее попала к вам, ибо сведения, содержащиеся в ней, очень полезны, они могут в дальнейшем избежать многих ошибок и сократят путь к успеху.

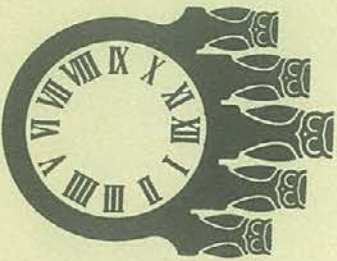
Мы уверены, что этой книге вы будете по-настоящему благодарны, и мы рады, что это произойдет с нашей помощью.

Президент Центральной Российской
Универсальной биржи

В. Кешян

Генеральный директор Акционерного
общества Торговый дом "Аксела"

В. Темиров

Зачем людям деньги?

Кто правит теневой экономической?

Можно ли обойтись без биржи?

Можно ли торговать без обмена? Хорошо ли жить без долгов?

Как поменять кока-колу на Крейгер?

Скорько стоит семья?

За что платят за дивиденды?

Чьи привилегии существуют? Кто правит утопия?

Кому нужны профсоюзы?

Выбавет ли Ройва? Выгодной...

И ещё много-много вопросов

КАК ПОЧЕМУ?
И ЗАЧЕМ?

и ответов на них

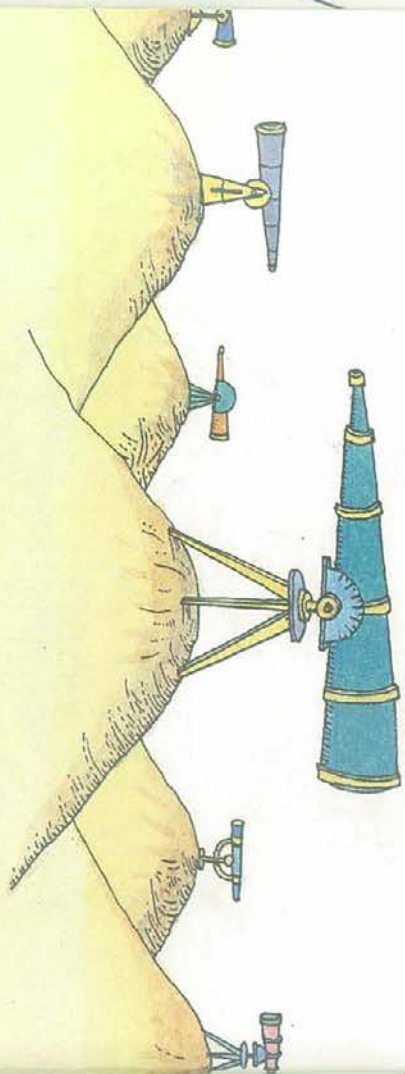
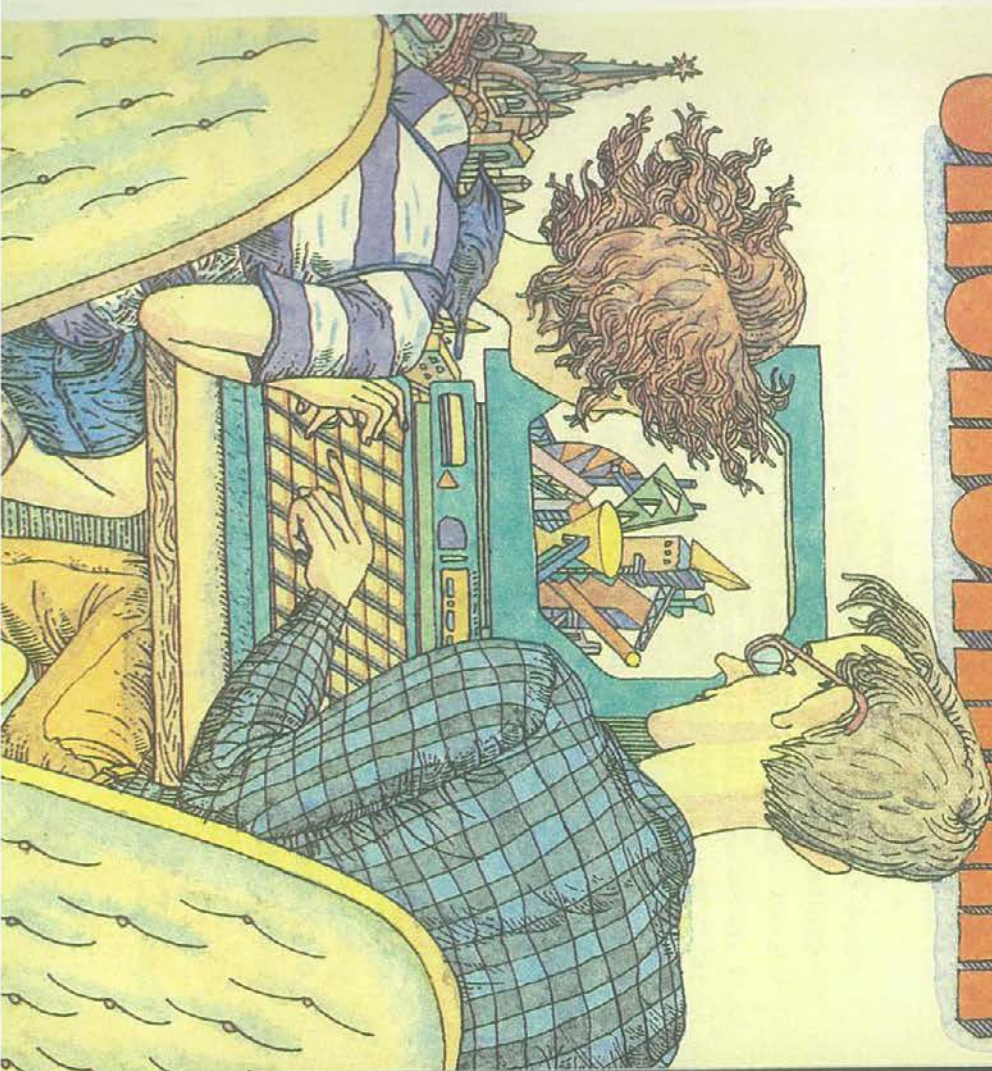
ТЫ НАЙДЕШЬ В ЭТОЙ КНИГЕ

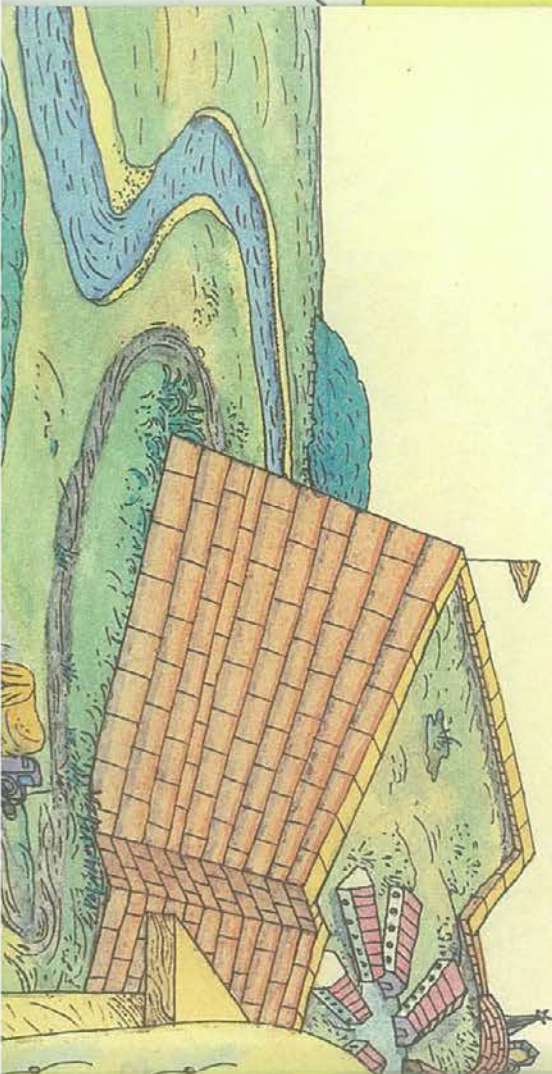
УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

в смраке

ЭКОНОМИКА

иллюстрации
Андрея Давидина

ББК 65
Л 61

48M
1618

Для детей младшего и среднего школьного возраста

Липсиц И.В.

Л 61 Удивительные приключения в стране экономика: Для детей мл. и сред. шк. возраста / Худож. А.В.Балдин. — М.: фирма "Нивекс", изд-во "Трида", 1992. — 336 с.: 130 ил. ISBN 5—88600—001—1

Можно ли увлекательно рассказать юному читателю об экономике?

Трудная задача, скажут многие. Да, трудная, но решаемая.

Это подтверждает книга И.В.Липсица. Для того, чтобы объяснить юному читателю такие сложные категории экономики как цены и заработная плата, торговля и валютные курсы, конкуренция и инфляция, автор отправляет своих героев — отца и дочь — в фантастическое и полное приключений путешествие по стране Экономика.

Эта книга, практически не имеющая аналогов, может быть использована и как основа школьного курса по экономике для детей 10—13 лет.

Л 4306020000 без объявления
103(03)

ISBN 5—88600—001—1

- © Липсиц И.В., автор текста, 1992.
- © Балдин А.В., художник, 1992.
- © Антонова Л.В., редакторская версия, 1992.
- © Витторчик Е.А., редакторская версия, 1992.

Отзывы, пожелания и заявки на книгу направляйте по адресу:
Москва 125183, абонентский ящик 45

ЗДРАВСТВУЙ!

Спасибо, что ты взял в руки мою книгу. И не спеши ее откладывать! Она тебе пригодится, поверь мне. Я не знаю, кем ты хочешь стать и что тебе интересно больше всего — автомобили, дикие животные или истории о всеведущих сыщиках.

Но я знаю другое — кем бы ты ни стал, когда вырастешь, и где бы ты ни жил, тебе обязательно придется столкнуться с законами страны Экономика. Если ты будешь их знать — это пойдет тебе на пользу и ты сможешь устроить свою жизнь интересно и разумно, а стране сможешь стать богатой и уважаемой. Если же законы эти тебе будут неизвестны, ты будешь удивляться: почему это другие живут так хорошо, а мне вечно ни на что денег не хватает?

Нет, эта книжка не о деньгах, хотя в ней и об этом поговорится. Она о другом — о том, как устроена жизнь в мире взрослых, о том, почему одни страны такие богатые, а другие — постоянно борются с голодом, о том, как экономика соединяет между собой такие разные вещи, как авианосец и дымящаяся труба за твоим окном.

Короче говоря, эта книжка о том, без чего нельзя стать взрослым. В нашей стране таких книжек до сих пор не было, и если у меня что-то не получилось, ты меня извини, пожалуйста. Ну, а если тебе все же что-то будет непонятно — попроси папу или маму почитать ее вместе с тобой. Я думаю, что им это будет даже интересно, потому что эта книга — рассказ об удивительных приключениях, которые нам с дочерью довелось пережить, когда нас чудом занесло в дремную и вечно молодую, знаменитую и таинственную страну Экономика. И чего мы только там не пережили!

Но об этом речь впереди...

Твой Автор

Нет ничего коварнее простых вопросов, особенно когда тебе задают их внезапно.

— Папа, ты экономист, значит, ты занимаешься экономикой. А что это такое — экономика?

— Экономика — это очень просто, — бодро начал я и тут же осекся. Я, конечно, знал, как ответить, но поймет ли меня дочка? Уж больно сложен тот язык, на котором разговаривают между собой профессиональные экономисты, и я решил предложить Оле отправиться в путешествие по стране Экономика.

— Путешествие? — недоверчиво переспросила Оля. — А как и на чем?

— Как? Понарошке. На чем? На экране персонального компьютера. Это, конечно, не ковер-самолет, но он сможет показать нам с тобой все пути-перепутья страны Экономика. Годится?

— Годится, — ответила Оля. — А где мы возьмем компьютер?

— В компьютерном клубе. Если ты согласна, то поехали.

— Согласна, конечно, согласна, — улыбнулась Оля.

И вот мы в клубе. Уютно устроившись в кресле перед экраном компьютера, Оля с любопытством смотрела, как я набираю команды на клавиатуре, чтобы приготовить все к началу нашего путешествия. Наконец компьютер негромко заурчал и на экране появилась крупная надпись:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СТРАНУ ЭКОНОМИКА !!!

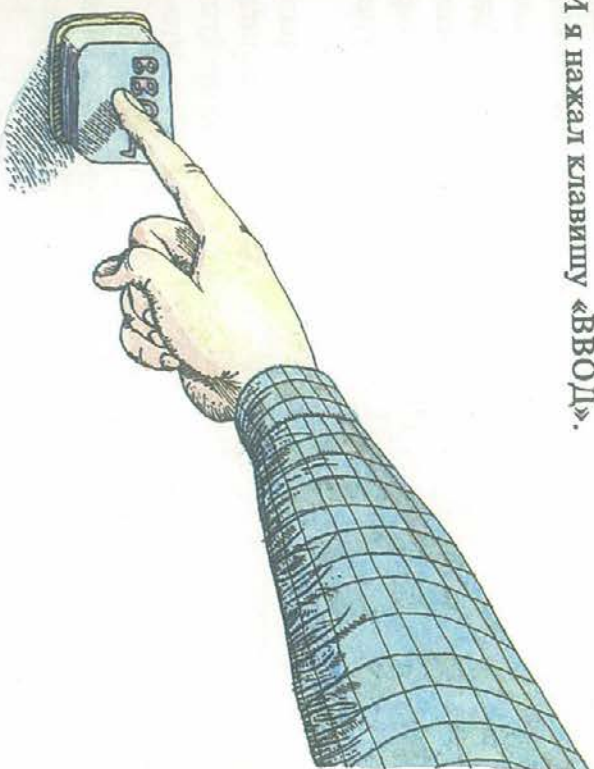
Еще одно прикосновение к клавише пульта управления компьютером — и надпись исчезла, но зато на экране возникла картинка, изображающая два пограничных столба и между ними шлагбаум. Ниже было написано:

ДЛЯ ПЕРЕХОДА ГРАНИЦЫ НАЖМИТЕ КЛАВИШУ «ВВОД»

— Что это, папа? — спросила Оля, придвигаясь ближе к экрану компьютера.

— Это граница страны Экономика. За этим пограничным пунктом начинается единственный путь в эту страну — шоссе Экономических Интересов. По нему мы с тобой и поедем. Готова? Нажимать?

— Готова! Нажимай!
И я нажал клавишу «ВВОД».

*В которой
происходит
совсем не то,
чего мы ожидали,
а мы лишь чудом избежали
СЧАСТИ ОНО ОТ ГИБСАИ.*

Едва я коснулся клавиши «ВВОД», как изображение на экране начало мерцать все быстрее и быстрее, из динамика компьютера раздавалась странно-тревожная мелодия, и вдруг нас окутала непроницаемая тьма. Честно говоря, я решил, что где-то переторела лампочка и произошло короткое замыкание. Но тогда отключился бы и компьютер! А он продолжал работать, и лившаяся из него мелодия не замолкала ни на секунду. Но вот она затихла, и вокруг снова стало светло. С непривычки мы зажмурили глаза, а когда, наконец, медленно их открыли...

Компьютерный клуб исчез! Непонятным образом мы перенеслись по ту сторону экрана и оказались у въезда в страну Экономика. Вокруг не было ни души, лишь ветер шелестел в листве деревьев да что-то распевала неведомая птица.

— Мы так не договаривались, папа! Ты обещал, что это будет путешествие понарошку! Как мы теперь вернемся домой?

Оля почти плакала.
— Да я и сам не ожидал такого поворота, — честно признался я.

— И что же нам теперь делать?

— Не знаю. Я предлагаю все-таки пересечь границу страны Экономика, а там посмотрим.

Оля испуганно посмотрела на меня, но промолчала, и мы прошли под поднятым шлагбаумом. В ту же секунду раздался резкий звонок, и мы невольно замерли на месте. И правильно сделали.

Прямо перед нами вдруг обнаружился огромный лок, створки которого плавно начали разъезжаться в стороны. Снизу же медленно поднималась большая платформа, на которой стоял... автодом! Я видел такие на фотографиях и поэтому сразу его узнал. Такие дома монтируют на раме автобусов. В нем есть все необходимое для жизни: кровать, стол, душ — в общем, все-все. А что самое удивительное — на крыше этого автодома я увидел крупную антенну спутникового телеви-

дения. Наконец автодом полностью поднялся из подземелья, и мы прочли текст, написанный на двери:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ К ВАШИМ УСЛУГАМ!»

— Отлично! — сразу повеселел я (честно говоря, мне всегда хотелось путешествовать в таком автодоме).

— Теперь можно отправляться в путь.

Я распахнул дверь, и Оля, уже раздумывая плакать, поднялась в наш домик. Я последовал за ней, и мы начали оглядывать убежище, в котором предстояло провести неведомо сколько времени. Судя по тому количеству продуктов, которое я обнаружил в здоровенном холодильнике, наши неизвестные хозяева предполагали, что мы проведем в стране Экономика не один день. Я нашел место водителя, осмотрел его и понял, что смогу вести автодом без особых проблем. Удивление у меня вызвал только компьютер, встроенный в панель управления. Я попытался его включить, но не смог найти нужной клавиши. В это время Оля осмотрела все закоулки дома на колесах и зачем-то даже открыла дверь микроволновой печи, в которой нам, похоже, предстояло готовить себе еду и разогреть хлеб. В одном из ящиков шкафа она обнаружила перелетевшую в кожу тетрадь с золоченой надписью «Штурманский дневник» и сразу заявила, что заполнение этой тетради берет на себя. С моей стороны возражений не было.

Я протянул руку и повернул ключ зажигания. К моему удивлению, я не услышал привычного урчания мотора, но зато вирту ожил компьютер, и на его экране появилась надпись:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

АВТОДОМ «ЭКОС» ГОТОВ К ПУТЕШЕСТВИЮ.

ДЛЯ ЗАПУСКА ДВИГАТЕЛЯ ОТДАЙТЕ СНАЧАЛА ЗАГЛДКУ

«КАКОЙ ДЕВИЗ ВСЕГО ВАЖНЕЕ ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ СТРАНЫ

ЭКОНОМИКА?»

1. ЛЕГЧЕ ПРОЖИТЬ ДЕНЬГИ, ЧЕМ НАЖИТЬ
2. НИЧТО НЕ ДАЕТСЯ ДАРОМ
3. СВОЯ РУБАХА БЛИЖЕ К ТЕЛУ
4. БЕРЕЖЛИВОСТЬ ЛУЧШЕ БОГАТСТВА

— Ну что, Оля, — сказал я, — выбирай. Набери номер того девиза, который кажется тебе самым важным, и нажми клавишу «ВВОД».

— А какой важнее?

— Давай обсудим, — уклончиво ответил я. — Ты-то сама как думаешь?

— Та-ак... — задумчиво протянула Оля, вглядываясь в экран. — Ну, первый и четвертый девизы очень схожи и, по-моему, важны лишь для транжир, у которых деньги торят в руках. А вот второй и третий... Они, конечно, очень важные, но третий уж очень какой-то противный — не хотела бы я жить в стране, где все думают только о себе! Я выбираю второй...

Она оказалась права — экран потас, но мягко и басовито заурчал двигатель. Я нажал на педаль, и мы плавно тронулись с места. Правда, ехали мы недолго — минут через пятнадцать мне пришлось затормозить на красный сигнал светофора. Тут же на экране нашего компьютера появился новый вопрос:

ЧТО ЧЕЛОВЕКУ НАДО ДЛЯ ЖИЗНИ?

— Я думаю, — неуверенно сказала Оля, — что человеку надо, чтобы его любили, чтобы у него были друзья и, наверное, интересная работа. Так?

— Не знаю, — уклонился я от ответа. — Попробуй сообщить свое мнение компьютеру. Напечатать с помощью

клавиатуры слова: «любовь, дружба, работа» и нажми клавишу «ВВОД».

Ответ компьютеру не понравился. На экране снова появился тот же вопрос, но снизу было написано:

«ПОПЫТКА № 2».

— По-моему, Оля, — сказал я, — ты начала с конца. Во всяком случае, когда ты возвращаешься из школы, то сначала бежишь на кухню, чтобы поесть, а уж потом берешься за книжку или звонишь подружкам. Разве не так? — А-а, — протянула Оля разочарованно, — так вот он о чем спрашивает. Ну, понятно — для жизни человеку много чего надо: и еда, и одежда, и где жить...

— Так и ответь компьютеру, — посоветовал я. Похоже, что набор из слов «еда, одежда, жилье» понравился компьютеру, потому что он сразу переклочился на зеленый свет, и мы продолжили путь. Вскоре перед нами появился первый дорожный указатель:

— Папа, — спросила Оля, — а почему нам ни с того ни с сего задали такой вопрос?

— Почему «ни с того ни с сего»? По-моему, очень уместный вопрос. Ты на указатель-то внимание обратила? Мы же с тобой въехали на шоссе Экономических Интересов. Вот компьютер и решил проверить — понимаем ли мы, откуда вообще берутся экономические интересы?

— Ой, — засмеялась Оля, — это значит, когда я лезу в хлебницу за булочкой, то это экономический интерес? А я-то думала, что это просто чувство голода.

— Это как посмотреть. Конечно, тянуться за булочкой тебя побуждает чувство голода. Но вот появление булочки в хлебнице — это уже дело совсем другое, и без экономики оно невозможно.

— А я думала, что оно невозможно без муки и дрожжей, — хитро улыбаясь, ответила моя спутница.

— Не спорю. Но экономист смотрит на ту же булочку совсем по-иному...

— Он что — смотрит на булочку, а видит торт? — попыталась скаламбурировать Оля.

— Это не самая блестящая острота в твоей жизни, поверь. Ты лучше сообрази: ведь для того, чтобы ты могла съесть пирожок и запить его чаем, необходим труд очень многих людей самых разных профессий. Крестьяне должны вырастить пшеницу, из которой на мельничном комбинате делают муку, чтобы хлебопекам было из чего выпекать плюшку. А ведь еще надо, чтобы чаеводы вырастили чайные кусты, из молодежьких листьев которых потом готовят заварку для чая. Чтобы работники водопроводной службы подали воду в кран на нашей кухне, а работники газовой службы — газ к нашей плите. Я уж не говорю о шоферах, которые должны перевезти все необходимые для этого грузы, о строителях, которым надо было построить предприятия и трубопроводы, о машинно-

стропелевках, которые изготовили тестомесильные машины, водопроводные краны и газовые плиты, и так далее, и так далее... Такую цепочку я могу построить для любой твоей потребности, будь то новые коньки или интересный фильм, захватывающая книжка или поездка на дачу.

Но вот вопрос — а почему все эти люди готовы работать для тебя?

— Наверное, потому, что когда я вырасту, я тоже буду работать для них.

— Это ты, конечно, очень хорошо сказала. Да вот только будет это еще очень нескоро, а ведь всем этим людям уже сегодня надо на что-то жить — есть, одеваться, платить за квартиру и проезд в метро. И ждать, пока ты из благодарности что-то сделаешь для них в будущем, никто не может!

— Но взрослые-то уже сегодня могут заплатить за мою булочку — ты же платишь за нее в магазине?

— О, вот это уже ближе к истине. Конечно, мне и всем людям, чтобы мы могли жить, надо много разных вещей и услуг. Но никто не в состоянии сделать все — будь он хоть самый знаменитый мастер на все руки! Значит, приходится меняться людьми своих трудов. Де-

лать это по справедливости очень трудно, пришлось создать целую страну — Эконо-

мика, жители которой только тем и занимаются, что помогают человечеству не умереть от голода и холода. Здепшие жители не пишут картин, не сочиняют музыку. Им некогда:

они — как легендарные атланты, что держали на своих плечах Землю, —

держат в руках судьбы всех народов нашей пла-

неты. И если бы не их повседневные труды, то случилось бы то, о чем поется в песне:

*Во тьме заплачут едовы,
Повыгорят поля,
И останет груб лиловый,
И кончится Земля!*

— Ну уж ты и страху напустил! — недоверчиво покосилась на меня Оля. — Это же про войну написано, а не про экономику!

— Интересно ты говоришь! — развел я руками. — А представь себе, что в какой-то стране люди будут так глупы, что запустят свои экономические дела. Что тогда случится? Да голодать они начнут, вот что! Но голод не тетка, и в поисках пищи и богатства они, скорее всего, пойдут войной на соседние страны. Вот и будет «триб лиловый» и горы трупов! Почитай книжки по истории — увидишь, что в девяти случаях из десяти люди начинали войны из-за экономических интересов — чтоб захватить поля с плодородными землями, реки, богатые рыбой, горы с полезными ископаемыми, которые можно выгодно продать и разбогатеть...

— Так, значит, вся экономика нужна только для того, чтобы человек мог себя прокормить?

— Ничего себе «только»! Обеспечить миллиарды жителей Земли едой, одеждой, жильем, духовной пищей — книгами и развлечениями, организовать их лечение, обучение, наконец, похороны — все это задачи огромной сложности! Человеческое общество веками мучительно искало, как сделать все это лучше, и в результате этих поисков и родилась современная страна Экономика. И основа основ жизни в этой стране то, что удовлетворить свои потребности можно только заработав достаточное количество денег, и думать об этом надо абсолютно всем.

Это и означает, что все наши с тобой потребности в конце концов превращаются в экономические интересы. Их смысл очень прост: каждый человек должен всю жизнь думать о том, как заработать для себя и своей семьи на жизнь. Да еще сделать это как можно быстрее и легче. Если бы в стране Экономика устраивали экономические олимпийские игры, то девиз их так бы, наверное, и звучал: «Быстрее, быстрее, легче!»

— Тебя, папа, послушать, так можно подумать, что все люди только и думают, как бы получить денег побольше и побыстрее! — с возмущением прервала меня Оля.

— За всех людей ручаться не стану, — пожал я плечами, — но большинство охотно подпишется под таким олимпийским девизом. Если бы это было не так, не было бы никакого прогресса и люди до сих пор жили бы в пещерах, собирали коренья в лесу, жарили мясо на кострах и умирали, не дожив и до 40 лет. А вместо великих произведений искусства мы бы имели только наскальную живопись — потому что нищим людям не до высот поэзии и изысканной музыки!

— Папа, а можно мне задать тебе сразу два вопроса?

— Сразу нельзя, а по очереди можно.

— Вот ты сказал, что все друг другу должны платить. Но если все все равно платят друг другу, то не проще ли обойтись вообще без оплаты?

— Отличный вопрос! Но можно — я не буду пока на него отвечать? Я его запомню и отвечу тебе потом, при более удобном случае. Думаю, что он нам еще представится. Задавай второй вопрос.

— Ладно. Тогда скажи, почему мама нам с тобой готовит обед бесплатно, раз все все все должны делать только за деньги? Ты чинишь дедушке Володе выключатель тоже бесплатно. Значит, вы нарушаете закон страны Экономика?

— Ну, не надо ловить меня на слове. Конечно, есть в жизни любого человека то, что не относится к сфере экономики, — тут ты права. Ни любви, ни дружбы, ни уважения за деньги не купить. Но у нас с тобой разговор-то идет о стране Экономика, а в ней каждый занят своим профессиональным делом и получает деньги именно за это. Ну, например, представить, что наша мама была бы поваром в ресторане. Значит, за борщ, который бы мама варила для посетителя ресторана, она получила бы с посетителем плату. Когда же она приходит домой и варит борщ по тому же самому рецепту, чтобы накормить нас с тобой, — она делает это для собственной семьи, а не для того, чтобы продать его другим. Чтобы ты меня опять не ловила на слове, сразу скажу, что когда мама готовит праздничный обед для наших гостей, это все равно не относится к сфере, где за все надо платить.

— А какая разница между гостями в ресторане и гостями у нас дома? Гости-то — все равно не наша семья?!

— Но в гости-то мы зовем только своих друзей — тех, кто нам дорог и с кем нам приятно быть вместе. Это нужно нам — мы за это и платим, когда покупаем продукты для праздничного стола. Все, что внутри семьи, — это отношения любви. А любовь и деньги — вещи несовместимые, поверь мне. Люди поняли это давным-давно, и поэтому деньги начинают играть свою роль только в отношениях между чужими людьми. Не случайно ведь, что пока люди в древности жили большими семьями-племенами, им и не нужны были деньги. А вот потом...

Но докончить фразу я не успел, потому что пришлось затормозить — шоссе впереди разветвлялось надвое, и надо было выбрать, куда сворачивать.

Указатель у развилки сообщал, что вправо идет шоссе Натурального Хозяйства, а влево — шоссе Товарного Хозяйства.

— Куда будем поворачивать? Выбирай, — повернулся я к Оле.

— Почему я должна выбирать? — удивилась она. — Ты экономист, ты должен лучше знать, куда нам ехать!

— Э-э, нет, — покачал я головой. — Мы отправились в это путешествие из-за твоего вопроса, и теперь тебе придется самой выбирать путь. Мое дело — помочь тебе понять, что к чему в этой необычной стране. Но решения принимать будешь только ты.

— Папа, как же я могу выбрать дорогу, если не знаю, что такое натуральное хозяйство и чем оно отличается от товарного? Как же я могу тебе сказать, куда сворачивать?!

— Это дело поправимое. Натуральное хозяйство появилось у людей издревле, когда каждый сам добывал все, что ему и его семье было нужно для жизни. И уцелело оно до сих пор. Например, если ты разводишь на своем садовом участке пчел, собираешь из ульев мед и потом ешь этот мед зимой — это натуральное хозяйство: ты ведь сам для себя добыл этот НАТУРАЛЬНЫЙ продукт. А вот когда каждый человек стал заниматься изготовлением только тех предметов, которые у него получались лучше, чем у других, а потом стал меняться ими с другими как товарами, то есть как вещами, которые специально изготовлены для продажи, — тогда появилось ТОВАРНОЕ

хозяйство. Ясно? А теперь выбирай шоссе, по которому поедem дальше.

— Лично мне все домашнее нравится куда больше, чем то, что мы покупаем в магазине, — и Оля решительно махнула рукой вправо.

Я послушно повернул руль вправо, и наш «ЭКОС» покатиł по шоссе Натурального Хозяйства. Правда, вскоре дорога сильно ухудшилась. Дорожное полотно все труднее и труднее было разглядеть под слоем песка, в котором вязли колеса. Машина буксовала, мотор все сильнее переревался. Наконец я понял, что рисковать больше нельзя — надо остановиться, чтобы машина немножко остыла. Я выключил мотор.

— Надо разведать дорогу, — повернулся я к до- чери. — Можно ли вообще проехать дальше?

— Я сама, — остановила меня Оля, и прежде чем я успел хоть слово сказать, она открыла дверцу кабины и прыгнула на землю. Но это была не земля, а зыбучий песок, и Оля сразу же провалилась в него по пояс. От неожиданности она даже крикнуть не успела. Я рывком перевалился через сиденье и в последний момент успел ухватить ее за руку. Уцепившись второй рукой за дверцу кабины, я принялся тащить Олю из предельского объятия зыбучих песков. Наконец они уступили, и я из последних сил вытянул мою незадачливую разведчицу на ступеньку кабины. Минут пять мы молчали: я — потому что очень испугался за дочь, да и отдышаться никак не мог, а Оля — потому что боролась со слезами. Я мог ее понять — впервые в жизни она реально оказалась на краю гибели, да еще так неожиданно. Да, начало нашего развле-

НАТУРАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО —
то когда все, что нужно для жизни,
применяется для себя.
А иначе трудно и с трудом.

НЕ

ЗАБЫТЬ!

кательного путешествия по стране Экономика оказалось не слишком веселыми!

Придя в себя, я снова сел за руль и запустил двигатель. Но когда я попытался тронуться с места, то обнаружил, что пески не ждали смириться с поражением. За те десять минут, что мы стояли на месте, колеса нашего автомобиля занесло, и двигаться с места теперь уже было нельзя. Наше положение становилось все более критическим — ведь из-за збыучих песков я не мог вылезти из капоти колес.

Моя мысль лихорадочно металась в поисках

выхода и не находила его. И тут мой взгляд случайно упал на компьютер. Может ли от него быть какой-то толк в такой ситуации, я не знал, но на всякий случай нажал на клавишу F1, которая во многих компьютерных программах используется как сигнал о помощи. И она сработала! На экране высветился столбик «меню» — так обычно называют перечень услуг, которые компьютер готов оказать владельцу. Среди этих услуг была и строчка «Помощь в аварийной ситуации». Текст на экране изменился — компьютер высветил большой список возможных аварийных ситуаций и просил меня сообщить, в какую именно из них мы попали. Я немедленно ответил компьютеру. И вот тут началось неожиданное.

Снова заработал двигатель, наш автодом окутался облаком песка, вылетающего из-под днища. А потом выдурт нас крепко встряхнуло, и наш автомобиль закачался в воздухе. Только тут я понял, в чем дело, — автодом был оснащен устройством для движения на «воздушной подушке»! Я осторожно повернул руль влево, и автомобиль послушно выполнил эту команду, раскачиваясь над поверхностью песков. Уже увереннее я развернул машину, чувствуя себя впервые в жизни пилотом вертолета, и мы двинулись назад к развилке, с которой так беззаботно свернули на шоссе Натурального Хозяйства, едва не ставшее последней дорогой в нашей жизни. Подлетев к ней, я затормозил и выключил двигатель. Автомобиль плавно опустился на дорогу, и в кабине стало непривычно тихо.

— Ну и коварная же эта страна Экономика! — превала молчание моя спутница. — Хотя бы знак установили на шоссе: «Внимание! Збыучие пески». Мы бы и не поехали по этому проклятому шоссе!

— Ну, насчет коварства это ты зря говоришь. Просто здешнему ГАИ, наверное, и в голову не пришло, что кто-то задумает в наше время сворачивать на шоссе Натураль-

ного Хозяйства, когда весь мир давным-давно пользуется только шоссе Товарного Хозяйства.

— А почему?

— Да потому, что люди издревле поняли, что натуральное хозяйство позволяет человеку выжить и прокормить свою семью, но жить легче и несравненно лучше можно только в том случае, если каждый будет заниматься только одним делом, но зато мастерски! Это называется разделением труда, и его можно смело считать одним из самых величайших изобретений человеческого разума. Представь себе, что тебе надо в своем хозяйстве произвести абсолютно все, что нужно для жизни: сажать и пшеницу, и картошку, откармливать скот, выращивать лен, чтобы потом спить себе одежду из ткани, согнанной тобой же или твоими домашними, заготавливать дрова и строить дом... Согласись, что жизнь у тебя будет очень нелегкой, и хорошо, если ты сумеешь все сделать вовремя и обеспечить свою семью пропитанием и одеждой. Во всяком случае излишков у тебя будет очень мало, и малейшая непогода будет грозить тебе несчастьем и голодом — ведь рассчитывать еще на кого-то ты не можешь!

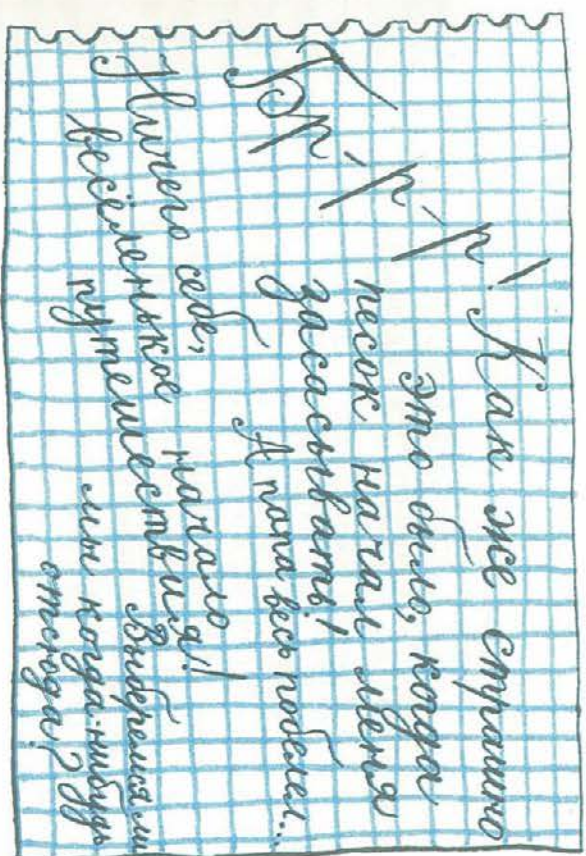
— Подожди, подожди, папа, — перебила меня Оля.

— Ты вспомни про Робинзона Крузо — он-то вел самое настоящее натуральное хозяйство и жил совсем не плохо!

— Во-первых, когда мы вернемся домой, советую тебе снова посмотреть эту книгу, и ты увидишь, как тяжело и много работал Робинзон. А во-вторых, многое из того, чем он пользовался, все же было сделано не его руками, а найдено им после кораблекрушения: то же ружье, порох, обувь. Да и остров, на котором он жил, был расположен в теплых краях, а это здорово облегчало его существование. И все равно, жил он весьма примитивно и убого.

— И все же жить так можно! — упорствовала Оля.

— Можно-то можно, но зачем? Вся история дока-

зывает, что людям куда выгоднее разделить между собой работы, а потом обмениваться товарами или, проще говоря, торговать друг с другом. И чем уже специальность, которую выбирает для себя человек, предприятие или даже страна, тем выше уровень мастерства, которого им удается добиться, тем выше ценят их товары другие люди и тем богаче живут эти искусные мастера.

— Ладно, папа, может быть, ты и прав, но чего мы стоим на месте? Поехали дальше!

— Поехали, — охотно согласился я и повернул ключ зажигания. Но компьютер опять заблокировал двигатель, а на его экране появилась надпись:

ЗА ВЫБОР НЕПРАВИЛЬНОГО МАРШРУТА

НА ВАС НАЛАГАЕТСЯ ШТРАФ.

ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ РАЗРЕШЕНИЕ НА ПРОЕЗД

ПО ТОВАРНОМУ ПУТИ, РЕШИТЕ ЗАДАЧУ:

ХОЗЯИН НАНЯЛ РАБОТНИКА НА ГОД И ОБЕЩАЛ ЕМУ ДАТЬ

12 РУБЛЕЙ И КАФТАН. НО ТОТ, ПРОРАБОТАВ ТОЛЬКО 7

МЕСЯЦЕВ, ЗАХОТЕЛ УЙТИ.

ПРИ РАСЧЕТЕ ОН ПОЛУЧИЛ ОТ ХОЗЯИНА

КАФТАН И 5 РУБЛЕЙ.

СКОЛЬКО СТОИТ КАФТАН?

Нельзя сказать, что Оля решила эту задачу сразу, но, попыхтвев, она все же подсчитала, что кафтан стоит... (а это вы, мой дорогой читатель, найдите сами, а ответ можете посмотреть в конце этой книги). Получив ответы, компьютер позволил нашей машине снова двинуться вперед по дорогам страны Экономика.

Наслаждаясь идеальным шоссе, я гнал автодом вперед со скоростью около 90 км и был очень раздосадован, увидев впереди знак ограничения скорости до 50 км в час. Вскоре появился еще один дорожный указатель:

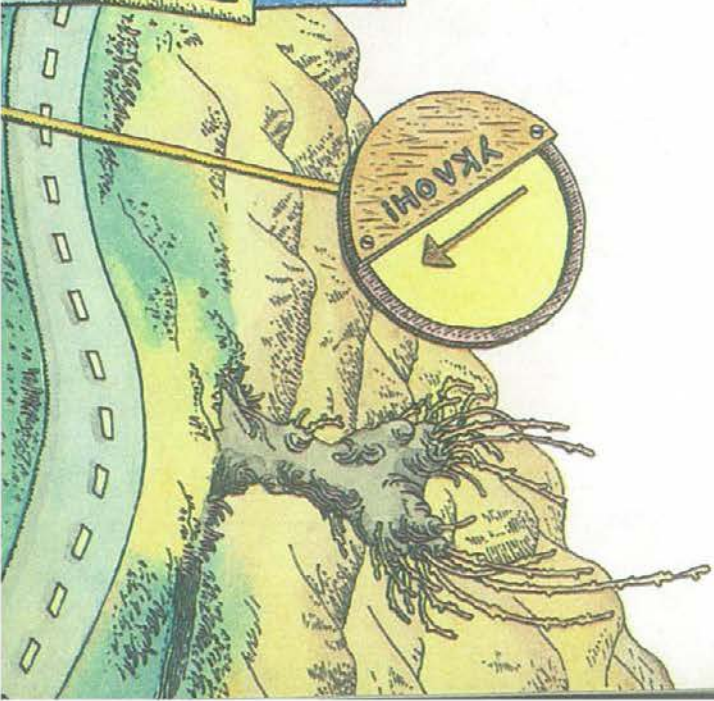

А дальше я увидел знак, предупреждающий о том, что дорога пойдет под уклон. Подъехав к этому знаку, я затормозил, и мы с Олей увидели впереди огромную долину, всю расчерченную сложнейшей паутиной шоссе. По этим шоссе во всех направлениях мчалось множество самых разнообразных грузовиков. Выезд же из долины терялся в дымке от выхлопных газов, и мы никак не могли понять, какой же маршрут нам надо выбрать, чтобы побыстрее пересечь этот автомобильный муравейник.

— Да-а, — почесал я в затылке. — Легко сказать «провести разведку маршрута». Да тут и за год не разберешься. Могли бы хоть какую-нибудь схему дорог повесить!

— Не надо ворчать, — отозвалась Оля. — Лучше спроси у компьютера, может, он что-нибудь знает?

— Это мысль! — обрадовался я и нажал на клавиши снова вызвал на экран перечень возможных услуг бортового компьютера.

Моя юная спутница оказалась права — там действительно была и такая услуга, как «РАЗВЕДКА МАРШРУТА». Знай я об этом раньше, разве утонули бы мы в те проклятые зыбучие пески! Во всяком случае больше я такой ошибки повторять не собирался и запросил у компьютера соответствующую информацию. Экран мигнул, и на нем появилась надпись:

ЖДИТЕ! ИДЕТ СБОР И АНАЛИЗ СПУТНИКОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ

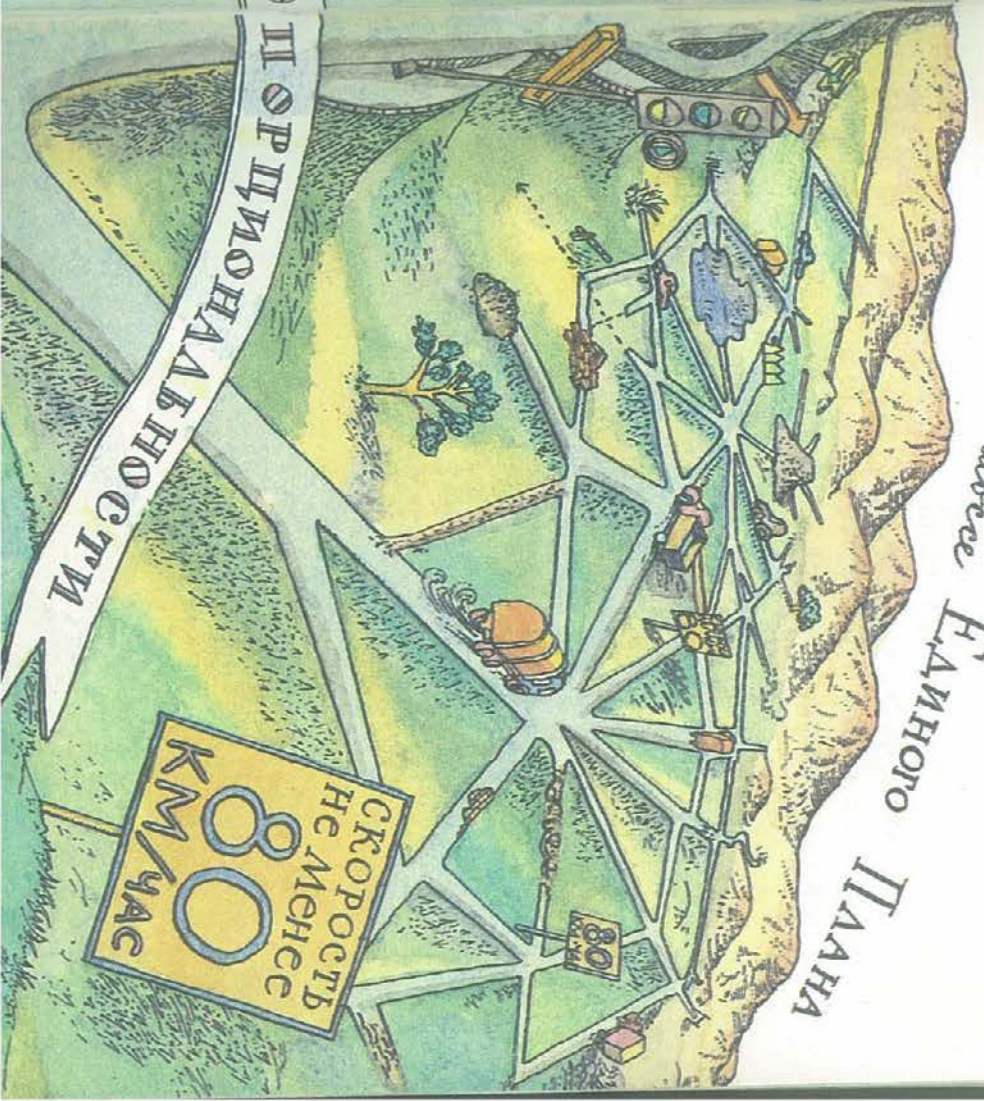
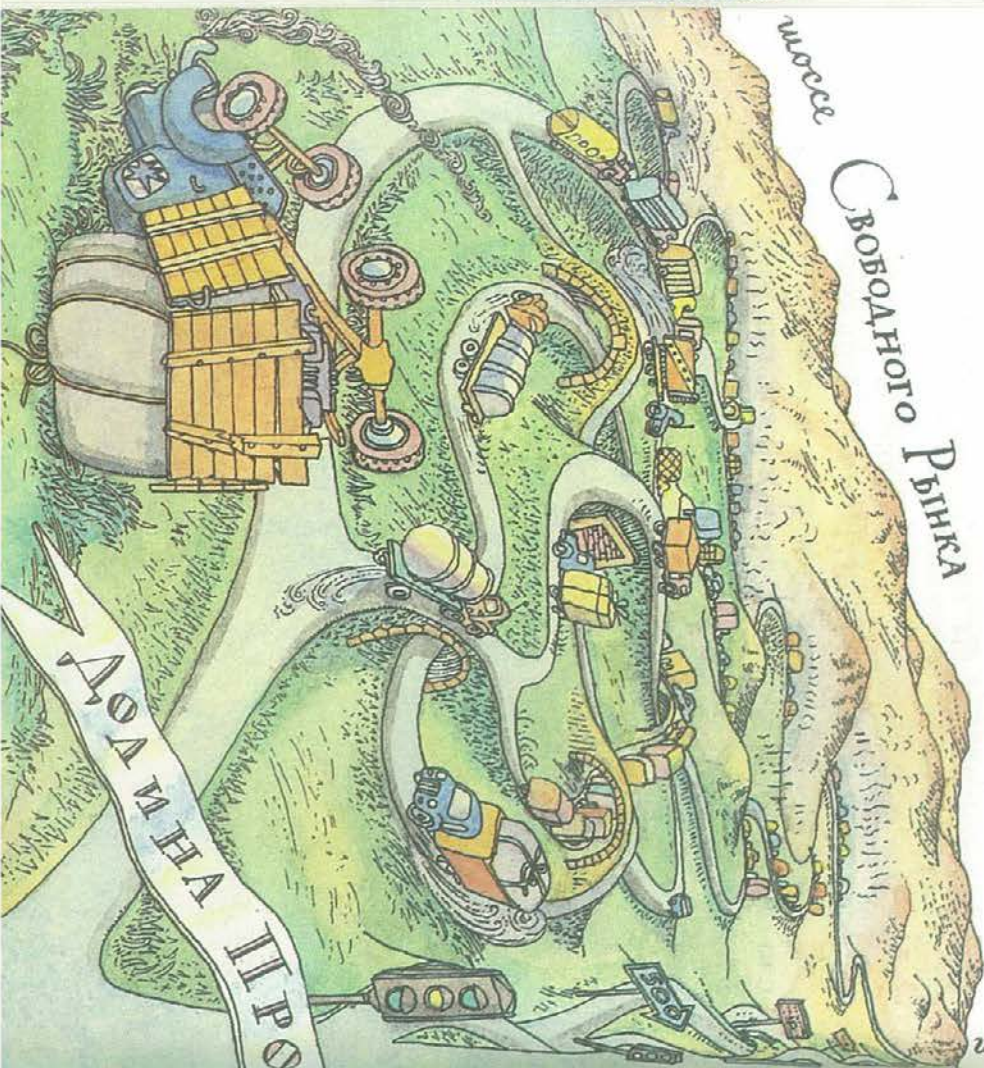
Экономических Регуляторов

Так вот зачем на крыше нашего автодома была установлена спутниковая антенна — наш компьютер мог связаться со спутником и получить от него сведения о дорожной обстановке на много километров вперед! О таком мне до сих пор приходилось только читать в журналах, а вот теперь я и сам мог заглянуть за горизонт, не выходя из кабины.

Минуты через три компьютер издал резкий сигнал, и на его экране вспыхнула схема дорог, бегущих через долину Пропорциональности. Простой ее называть не решился бы никто!

Свободного Рынка

Единого Плана

До и на Пропорциональности

СКОРОСТЬ
Не Менее
80
км/час

У самого въезда в долину главное шоссе разветвлялось на три части. Первую из них компьютер обозначил как шоссе Свободного Рынка, вторую — как шоссе Экономических Регуляторов и третью — как шоссе Единого Плана. Еще дальше каждое из этих шоссе распалось на множество дорог, которые только в самом конце долины вновь сливались в единое широкое шоссе.

— Ну, куда поедем? — повернулся я к Оле. — Выбирай, ты же у меня штурман!

— Поехали по шоссе Свободного Рынка, — решила моя спутница, — если оно так называется, то, наверное, там ехать проще — никто не мешает...

Я послушно тронул машину с места и свернул на выбранную дорогу. Но Оля ошиблась: ехать было очень трудно, так как на этом шоссе не было ни светофоров, ни дорожных знаков, а вскоре я понял, что здесь водители

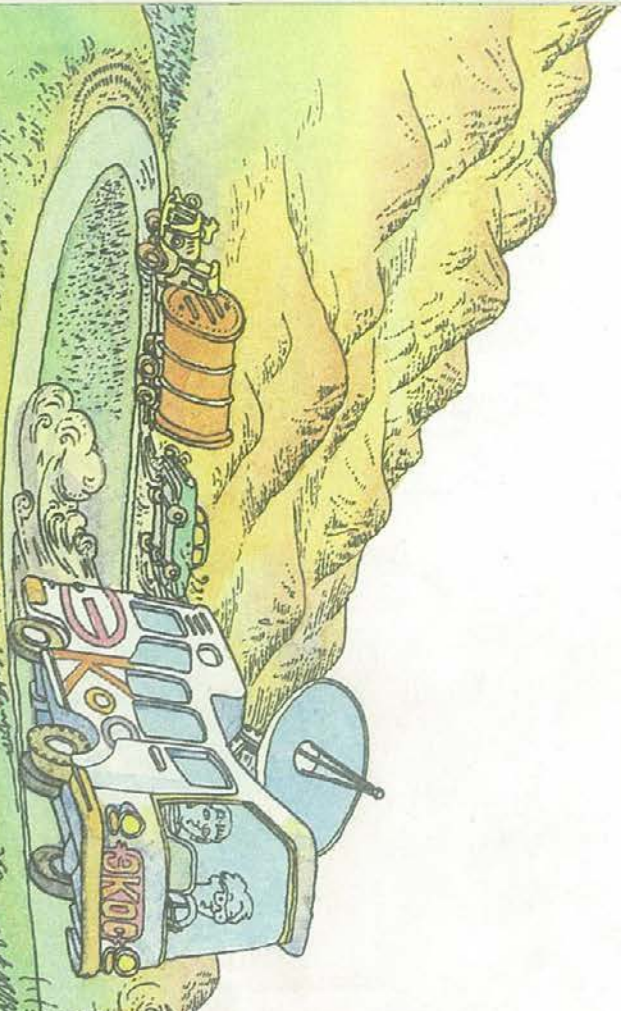
вообще не обращают внимания на правила Дорожного движения!

Чем дальше мы ехали, тем уже становилось наше шоссе, тем плотнее было оно забито машинами и тем медленнее мы двигались. В конце концов мы застряли в огромной пробке и лишь с завистью поглядывали на соседнюю дорогу, где машины мчались со скоростью уж не менее 80 км/ч!

— Эх, — огорченно вздохнула Оля, — нам бы на ту дорогу свернуть, а мы... — и только махнула рукой.

— Зря расстраиваешься, — покачал я головой, — раз мы с тобой поехали с самого начала по шоссе Свободного Рынка, то такая неприятность — кризис перепроизводства — могла нас ожидать на любом из ответвлений. Такое уж это шоссе!

— Как ты сказал? — переспросила Оля. — «Кризис

перепроизводства»? А это что еще такое? Я-то думала, что мы попали в обычную дорожную пробку.

— Ну да, — усмехнулся я. — Это же все-таки страна Экономика, тут все не просто так. Судя по всему, по нашему шоссе повезли слишком много товаров — больше, чем готовы купить покупатели, и теперь передние грузовики не могут разгрузиться и перекрывают дорогу всем остальным. На свободном рынке, где покупатели и продавцы ведут себя как им вздумается и никто им не мешает, такое случается постоянно.

— Почему?

— Да очень просто. Представь себе, что какая-то фирма придумала новый цветной телевизор — допустим, со стереоскопическим изображением. Покупатели восхитились и бросились покупать эту новинку. Ради отличного изображения они готовы и заплатить подороже, а поэтому фирма-изготовитель получает большой доход от продажи этого товара. Об этом, конечно, мигом узнают другие предприятия, изготовляющие телевизоры, и заставят своих конструкторов тоже разработать подобные телевизоры. И вскоре...

— ...такие телевизоры начинают продавать уже несколько фирм, правда? — подхватила Оля.

— Совершенно верно. Телевизоров продается все больше, но становится все меньше и меньше тех, кто не обзавелся этой новинкой и у кого недостаточно денег на такую покупку. Возможно даже про-

дажи уменьшаются, и наступает момент, когда для того, чтобы продать телевизор, надо много снизить его цену. Но изготовители не знают, когда наступит этот момент, а до тех

пор, пока дополнительный телевизор приносит им больше денег, они стараются произвести их все в большем количестве, даже расширяют свои предприятия...

— И что тогда? — не вытерпела Оля.

— Что тогда? Да очень просто — наступает кризис перепроизводства телевизоров или какого-нибудь другого товара. Магазины полны, а никто не покупает. Приходится либо резко снизить цены, либо сокращать производство, а все это связано для изготовителей с большими убытками! А дальше начинается действовать «принцип домино»...

— Какой-какой принцип? — удивилась Оля.

— Принцип домино. Сейчас объясню. Тебе, наверное, доводилось в жизни строить «заборчики» из фишек домино, а потом рушить их, толкнув только первую фишку. Падая, она сбивает следующую, и «волна падений» мигом прокатывается вдоль всего забора. То же самое случается и в стране Экономика.

— А как это?

— А вот так. Допустим, что ты — директор телевизионного завода, выпускающего стереотелевизоры. Подчиненные каждый день докладывают, что продажи растут и доходы завода становятся все больше. И тогда ты принимаешь решение построить еще один цех, чтобы увеличить выпуск. Ты договариваешься со строителями, и они немедленно начинают стройку. Потом ты заказываешь станки для нового цеха, металл, пластмассу, провода и так далее — все, что нужно для изготовления телевизоров.

Все это делают и другие предприятия, и они тоже начинают увеличивать производство, расширять свои цеха, нанимать новых рабочих... И вдруг твои телевизоры перестают покупать! Ты в панике. И первым делом, конечно, приостанавливаешь все работы, связанные с увеличением выпуска своего товара, преподносишь, так сказать, сюрпризизем тем, кто принял твои заказы. А дальше пошло и поехало! Порой такой кризис может охватить всю

страну, и это беда не меньше урагана или землетрясения. Ясно?

— Ясно. Ну, а мы-то как будем выпутываться?

— Можно, конечно, пересидеть в машине до тех пор, пока кризис не рассосется и люди снова начнут покупать те товары, что возят по этому шоссе. А можно снова запросить помощь у компьютера.

Так мы и сделали. Наш электронный тид сообщил, что готов оказать помощь, если мы справимся с испытанием. На его экране появилось изображение заводского цеха, в центре которого стоял рабочий, занимающийся сборкой деталей, которые подавались ему по конвейерам с трех сторон. Эти детали изготавливали и клали на конвейеры трое других рабочих, тоже появившихся на экране. Суть испытания состояла в том, что мы должны были с помощью клавиш компьютера управлять скоростью работы трех поставщиков деталей. Если они работали слишком медленно и сборщик, повернувшись в очередной раз к конвейеру, не находил там нужной детали — компьютер сразу останавливал игру и все приходилось начинать сначала. Если же поставщики деталей работали слишком быстро и сборщик не успевал повернуться к нужному конвейеру, детали сваливались на него, экран вспыхивал красным светом и... все приходилось тоже начинать снова.

Не бог весть как сложна была эта игра на первый взгляд, но нам никак не удавалось так согласовать скорость работы всех четырех компьютерных рабочих, чтобы из цеха наконец-то вышла машина, которую все никак не мог собрать сборщик. И лишь минут через десять Оле удалось все так подладить, что сборщик без заминки снял все нужные детали с бегущих к нему конвейеров и ловко собрал... вертолет. Он тут же сел в него и, взлетая, прощально помахал нам рукой. В ту же секунду столбики дорожного ограждения рядом с нашей машиной ушли под

землю и за ними обнаружилось потайное шоссе, на которое я и свернул. Увы, это шоссе повело нас не вперед, а назад, и вскоре мы очутились там же, откуда начали свое путешествие по долине Пропорциональности, — у развилки трех дорог.

— Ну, куда теперь поедем? — повернулся я к своему «штурману».

— Не знаю, — пожалла она плечами. — Бог ты лучше скажи: а неужели нельзя заранее узнать, сколько надо товаров, чтобы никто не произвел их больше, чем люди готовы купить?

— У-у, это проблема проблем для всех экономистов в мире! Веками мы бьемся над нею, и до сих пор никто не придумал способ такого «угадывания» для всей страны Экономика в целом. Тот, кто придумает, как точно подсчитать для каждого предприятия, сколько ему стоит производить своих товаров, чтобы не опасаться кризиса, получит все научные премии в мире. Тогда можно будет все товары производить по единому плану и жизнь потечет спокойно-спокойно...

— Ну и что? — нетерпеливо перебила меня Оля.

— А то, что задача эта оказалась пока никому не по зубам, и идеальные планы никто в мире сделать еще не умеет.

— А почему?

— Я думаю, что ты ответишь на этот вопрос сама. Вот давай прокатимся по шоссе Единного Плана и посмотрим, что там происходит.

И мы покатагили направо. Вскоре главное шоссе, так же как и в первый раз, разделилось на множество ответвлений. Правда, теперь они все были прямыми и расходились в стороны равномерным пучком. Между собой эти дороги-стрелы были связаны поперечными шоссе, так что это напоминало какую-то огромную паутину, построенную роботом-пауком. Дорог было так много, что грузовики с

товарами просто терялись на них, и мы могли бы кагить вперед с ветерком, если бы...

Дело в том, что шоссе в этой части долины Пропорции-нальности были проложены как-то странно — кусками. То мы плавно скользили по новенькому асфальту, то тряслись по щебенке, а то вообще буксовали на вдребезги разбитых проселочных дорогах, которые опять сменялись участками скоростных магистралей. В итоге же продвигались мы вперед еще медленнее, чем по шоссе Свободного Рынка. Самое обидное, что вдоль всего шоссе Единого Плана висели дорожные указатели, требовавшие от водителей двигаться со скоростью не менее 80 км/ч!

Такая езда вымотала меня окончательно, и я решительно затормозил у обочины, едва мы выбрались в очередной раз на более-менее приличный участок дороги. Пока Оля занималась приотвлечением еды, я расположилась на диванчике нашего автодома и уже протянул руку за пультом дистанционного управления телевизором, как моя спутница снова подала голос.

— Папа, а почему тут такие плохие дороги? Раз уж это шоссе называется в честь плана, то, наверное, первым делом надо было спланировать прокладку хороших дорог?! Я расхохоталась.

— Чего такого смешного я сказала? — удивилась Оля.

— По-моему, вполне резонный вопрос!

— Вполне, — согласился я, все еще улыбаясь, — просто ты задала именно тот вопрос, который я от тебя ожидал.

— Да? — еще более удивилась Оля.

— Честное слово. Здепшие дороги — самый яркий пример того, к чему приводит желание организовать свою жизнь в стране Экономика по единому плану, составляемому государственными чиновниками.

— А разве так трудно составить такой план? С помощью ЭВМ-то? Опросить людей — кому чего и сколько нужно. Заложить все это в какой-нибудь суперкомпьютер,

и он быстренько подсчитает, сколько и кто каких товаров должен производить, чтобы всем хватало!

— Твоими бы устами да мед пить... Правда, не ты одна такая оптимистка на свете. Лег сто назад жил-был в Германии экономист — Карл Родбертус, вот он тоже верил, что можно из одного центра всем все расписать — что, сколько и какого качества производить и по какой цене продавать. И если все так и будут планировать, то наступит полное благоденствие. Это очень развеселило мудрого Фридриха Энгельса, и он написал такие слова:

...но какие у нас гарантии, что каждый продукт будет производиться в необходимом количестве, а не в большем, что мы не будем нуждаться в хлебе и мясе, задыхаясь под грудями свежловинного сахара и утопая в каршофельной водке, или что мы не будем испытывать недостатка в брюках, чтобы прикрыть свою наготу, среди миллионов пугавиц для брюк?

— Но, папа, Энгельс-то это писал давным-давно, когда еще даже калькуляторов не было.

— Ну и что? Управлять страной Экономика настолько сложно, что никакие ЭВМ не справляются. Однажды специалисты подсчитали, что для составления наилучшего плана на год вперед для такой страны, как СССР, современной ЭВМ требуется... угадай сколько?

— Неделя? — робко предположила Оля.

Я помогал головой.

— Месяц?

— Тридцать тысяч лет! — выпалил я, довольный произведенным впечатлением — глаза у Оли широко распахнулись, а брови поднялись высоко-высоко. Не давая ей опомниться, я быстро продолжил свою речь.

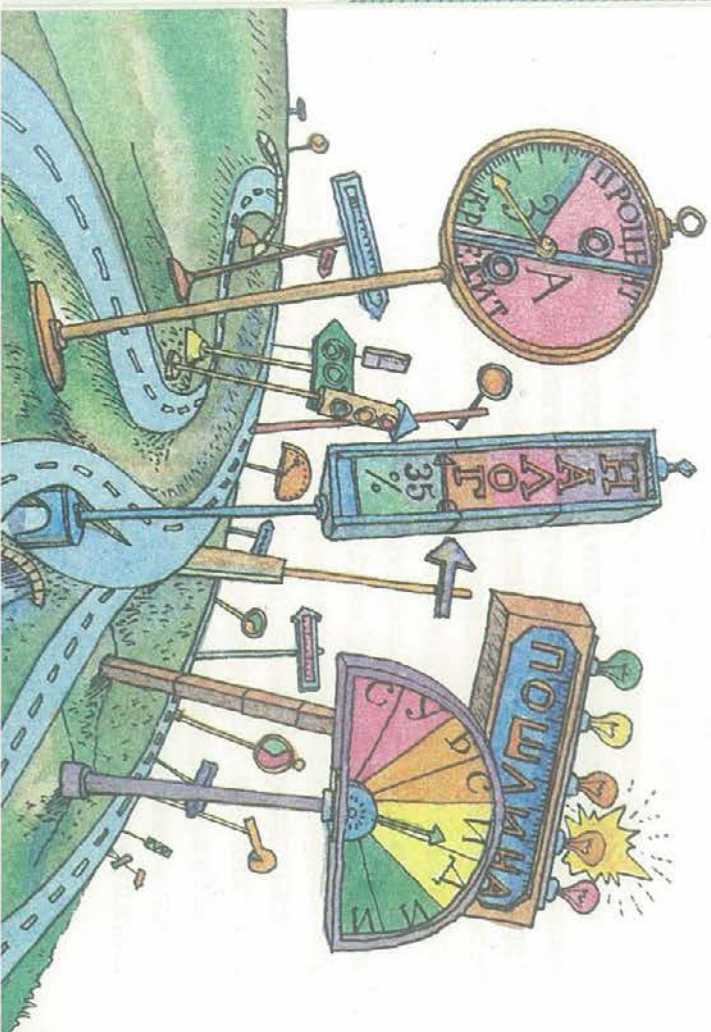
— Так что, сама понимаешь, с идеальным планом ничего не вышло. А план, составленный как бог на душу положит, по принципу: вчера сделали 100 пар тапочек, а

запланируем изготовить на 10 пар больше, Десять, людей-то стало больше, на деле оказалось ничуть не лучше, чем свободный рынок, — он тоже привел к кризисам. Вот только кризисы здесь особые — кризисы недопроизводства. Здесь всего не хватает — даже асфальта. Вот потому и дороги такие, что мы будем ползти по ним до окончания века и невредомо когда вернемся домой!

— Так что же нам делать?

— Прежде всего — поесты! — решительно заявил я, направляясь к столу. — А потом будем выбирать на шоссе Экономических Регуляторов, может, там скорости повыше...

Перекусив, я снова уселся за руль и с помощью компьютера начал пробираться к шоссе Экономических Регуляторов. Наконец передо мной оказался поворот к нему. Что ж, ехать здесь было куда приятнее — машина скользила по гладкому асфальту. Но приятнее — не значит легче. Мне тут было совсем не просто. Дело в том, что это шоссе было так напиперовано дорожными указателями и

светофорами, что я не мог ни на минуту расслабиться — все время надо было следить за тем, чтобы не нарушить правила дорожного движения. Особенно раздражали меня необычные — электронные знаки ограничения скорости.

Указываемые ими предельные скорости движения то и дело менялись, и мне приходилось все время то притормаживать, то выжимать педаль газа чуть-ли не до отказа. Правда, при всем при том средняя скорость движения (как любезно информировал меня компьютер) была все же на 10 км/ч выше, чем при движении по шоссе Свободного Рынка, и на 25 км/ч выше, чем по шоссе Единого Плана.

— Зачем их здесь так много? — жалостливо взглянула на меня Оля.

— Кого? — не понял я, не отрываясь от дороги, чтобы не пропустить очередного светофора или указателя.

— Ну, этих светофоров и дорожных знаков!

— А-а, так это же и есть те экономические регуляторы, в честь которых названо шоссе...

— Да-а-а? — с интересом протянула Оля. — И как же они действуют на экономику-то?

— А очень просто. Ты приглядишься к ним повнимательнее, вспомни наши сегодняшние перипетии на других шоссе — и самаобразишь.

— Что-нибудь понимаешь? — поинтересовалась я через пару минут.

— Кажется, да, — неуверенно ответила моя спутница. — Наверное, светофоры начинают мигать желтым светом, а дорож-

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕГУЛЯТОРЫ
это способ с помощью которых можно управлять или замедлять или ускорять движение.

НЕ ЗАБЫТЬ!

ные указатели — требовать снижения скорости, если появляется опасность изловить товаров слишком много. А зеленый свет и большая скорость — сигналы возможной нехватки товаров. Так?

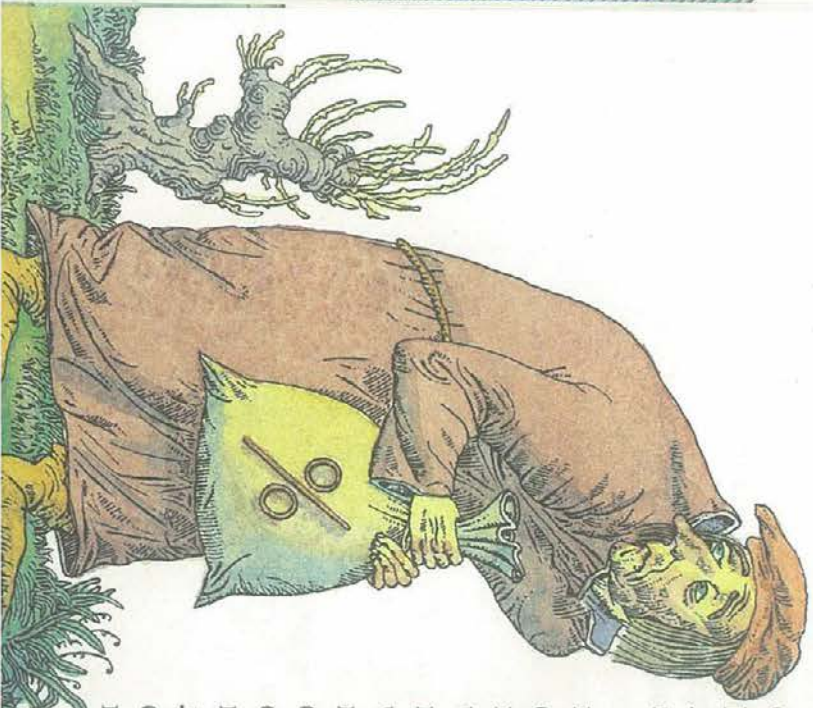
— Совершенно верно, — удовлетворенно кивнул я головой.

— А почему здесь на светофорах нет красного света, а только желтый и зеленый?

— А потому, что это все же не обычные светофоры, а экономические регуляторы. И они никому ничего не запрещают — запрещать может только закон. Их задача в другом — сигнализировать изготовителям товаров, что им самим сейчас выгоднее делать и что выгоднее для всей страны в целом. Ведь не случайно же Дорога, от которой отбывается это шоссе, называется дорогой Экономических Интересов. Ты, похоже, уже забыла об этом, а?

— Вот и нет, — обиженно парировала Оля. — А какое это имеет значение тут-то?

— Первостепенное. Жители страны Экономика все, что им встречается на пути, проверяют — отвечает это их экономическим интересам или нет. Если отвечает, то есть помогает им жить лучше — богаче и спокойнее, то это выгодно и за это

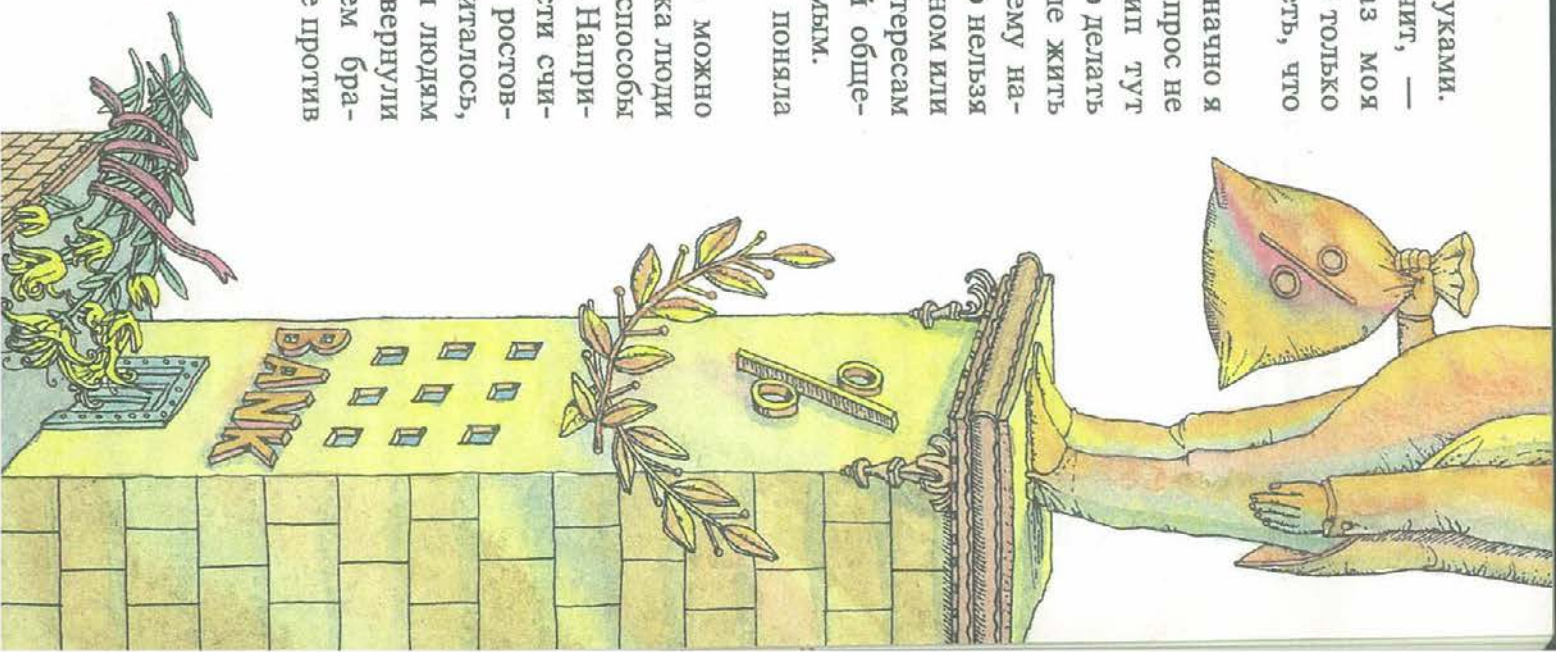

надо хвататься обеими руками. — Это что же значит, — прищурился один глаз моя собеседница, — хорошо только то, что помогает богатеет, что бы это ни было?

— Ты знаешь, однозначно я тебе ответить на этот вопрос не смогу. Общий принцип тут такой — можно и нужно делать все, что помогает лучше жить отдельным людям и всему народу страны в целом, но нельзя того, что связано с обманом или наносит такой ущерб интересам других людей, который обществу считается недопустимым.

— Это как? — не поняла Оля.

— А так. Богатеть можно по-разному, и во все века люди спорили о том, какие способы допустимы, а какие нет. Например, церковь в древности считала страшным грехом ростовщичество. То есть считалось, что одалживать другим людям деньги с тем, чтобы их вернули в большей сумме, чем брали, — это преступление против общества. А сегодня этим занимаются множество банков во всем мире, в том числе и банки, принадлежа-

шие самой перкви. А почему? А потому, что со временем люди поняли, что ссуживание денег в конце концов полезно для всех, лишь бы только не брали за это чрезмерную плату.

— Значит, то, что сегодня нельзя, за что сегодня могут посадить в тюрьму, завтра может быть разрешенным?

— Да, представь себе. Издавна договорились только о том, что нельзя богатеть на обмане других людей, а в остальном вся история страны Экономика — поиск ответа на вопрос о том, какие способы для обогащения отдельного человека, группы людей или даже целой страны допустимы, какие нет. И во многих местах этой страны мы с тобой столкнемся с ограничениями на способы обогащения. Но это все — исключения из общего правила, а само правило, действительно, требует делать только то, что помогает стать богаче человеку и его стране. И учитывая это, можно упреждать поведение людей. Догодываешься, как?

— Наверное, облегчая или затрудняя путь к богатству, который люди выбрали, да?

— Совершенно верно. И способов такого облегчения или осложнения очень много. Я тебе потом о них еще расскажу.

— Дадно, только ты посмотри — хоть светофор и горит желтым светом, хоть скорость и ограничена, а все равно некоторые грузовики не сбавляют скорости и мчатся сломя голову. Вовсе не все слушаются твоих экономических регуляторов!

— Во-первых, они не мои, а государственных, а во-вторых, если человек хочет действовать на свой страх и риск — это его дело, но и жаловаться потом будет не на кого, кроме себя самого.

— Все равно это непорядок! Вот на шоссе Единого Плана так все было четко: есть дорога — грузовики едут, нет дороги — и ехать не могут! Все просто и ясно. А тут?

Все мигает, все меняется, на каждом шагу по три дорожных знака — глаза разбегаются! И все равно некоторые водители ведут себя как хотят, и никакие регуляторы им не указ! Чего ж тут хорошего?!

— Ты у меня максималистка — тебе нужен такой механизм, чтобы работал как часы и чтобы никаких сбоев?

— Конечно, — с явным вызовом в голосе ответила Оля. — А иначе за что же вам, экономистам, Деньги платят?!

— За то платят, что помогаем придумывать, как людям лучше решать свои проблемы, как жить все богаче, да притом еще не губить природу на Земле. Главное же, над чем мы все ломаем головы, — как сделать, чтобы люди с разными экономическими интересами могли мирно и успешно сотрудничать друг с другом, а не брались за оружие и не шли отвоевывать друг у друга хлеб насущный. Вот ты мне ответь — легко ли было тебе упреждать тремя рабочими у конвейеров?

— Трудно, ну и что?

— А то, что это пусть простенькая, но модель тех задач, которые людям приходится решать в стране Экономика каждый день. И не забудь, что живые люди, в отличие от компьютерных человечков, никогда не бывают послушны кнопке управляющего. У каждого человека, чем бы он ни занимался, свои экономические интересы, свои представления о том, что хорошо и что плохо. И думает человек прежде всего о том, как бы сделать лучше жизнь своих родных и свою, а уж потом — как помочь окружающим и как сделать богаче всю свою страну.

— Ну... — возмущенно начала моя спутница, но тут уже я ее перебил.

— Знаю, знаю, что ты мне хочешь сказать — что не все люди эгоисты, что история человечества полна примеров того, как люди жертвовали ради других даже своей жизнью, а не только выгодой, верно?

— Да, — гордо кивнула головой Оля.

— Все так, и все же, увы, такие поступки могут совершать лишь немногие, самые лучшие и благородные люди. Ты подумай — не потому ли люди так чтят героев, что понимают, насколько эти герои отличаются от них самих?!

— Может быть, — задумчиво сказала Оля.

— К сожалению, дело обстоит именно так, и потому экономист всегда должен помнить о том, что людям часто присущ эгоизм, а потому с удовольствием они работают только для собственного блага. Поменять природу целого века невероятно трудно — намного сложнее, чем обеспечить всеобщее благосостояние или долететь до Марса. Вся история человечества подтверждает, что можно командовать одним человеком, можно командовать армией солдат, но нельзя долго командовать жителями целой страны, не думая о том, чего они сами-то хотят. Нет, точнее будет сказать даже так: командовать-то можно, но вот чем это кончится? Как ты думаешь? Попробуй представить себя жителем такой страны.

— Наверное, люди взбунтуются, да?

— Вот именно! Кончается такое правление либо революцией, либо экономическим кризисом и обнищанием народа, что в конце концов тоже выливается в народные волнения. Вспомни историю: во всех странах постоянно происходили либо какие-то восстания, либо революции, кого-то свергали с трона, кто-то вновь приходил к власти. И всегда причина таких событий была одна и та же: люди добивались такого экономического порядка, который был бы для них более выгоден, помогал им легче зарабатывать свой кусок хлеба, да в конце концов — не мешал просто-напросто богаться. Понятно?

— Да вроде, — протянула Оля. — Но если каждый человек думает только о своей выгоде и сколько людей — столько экономических интересов, то как же можно

успешно управлять всеми из одного центра? А если это можно, то почему тогда нельзя сделать для всех просто единый план? Что-то я совсем запуталась!

— Подожди, — удивился я и даже слегка сбросил скорость, хотя дорожный знак рекомендовал ехать не медленнее 70 км/ч, — а я разве тебе сказал, что это шоссе управляется из одного центра?

— Но ведь кто-то же включает и выключает светофоры, меняет цифры на дорожных знаках? Значит, где-то должен быть единый центр управления, который это делает?

— С чего ты это взяла? Вспомни, как управляют светофорами на московских улицах. Где-то стоят автомапы, которые меняют цвет через определенные отрезки времени, а где-то в кабинках сидят регулировщики, которые и выбирают режим работы светофора. Самое лучшее регулирование — это когда на улицах, ведущих к перекрестку, ставятся датчики, собирающие сведения о количестве машин и направлении их движения, а уж потом на основе этих данных компьютер, стоящий на перекрестке, выбирает наилучший режим работы. На научном языке это называется децентрализованным управлением. В нем что хорошо? То, что решение принимается прямо на месте событий и можно успеть принять меры до того, как нарушится нормальный ход дел.

— До того как машины столкнутся на перекрестке, — улыбнулась Оля, начиная, похоже, склоняться к моим доводам.

— Вот-вот, — обрадовался я. — Каждый перекресток — это особый рынок, и он сам себя регулирует...

— А как же это можно? — опять возмутилась Оля. — А если тем, кто торгует на этом рынке, будет выгодно делить то, что плохо для всей страны? Или так не может быть?

— Может, конечно, может, — пожал я плечами, — но

ты опять меня не дослушала. А я как раз и хотел сказать, что при плановом регулировании каждый рынок сам себя регулирует, а государство создает ему такие условия, в которых деловым людям оказывается невыгодно делать то, что вредно для страны, а выгодно — то, что идет на пользу.

— И этого действительно можно добиться? — скептически взглянула на меня Юная спорщица.

— Можно и нужно, хотя и очень сложно. Но многие страны научились делать это очень умело и поэтому живут богатея и не зная таких тяжелых кризисов, какие случались во времена, когда через долину Пропорциональности вело только шоссе Свободного Рынка.

— А кстати, папа. Что такое рынок? Ты все время говоришь о нем, а что это такое, не объясняешь. Ведь это, наверное, не тот рынок, где мы покупаем картошку и зелень?

— Верно. Мы, экономисты, привыкли обозначать этим словом всевозможные способы, которые придумало человечество для того, чтобы было удобнее покупать и продавать товар, причем делать это свободно, что самое главное!

— А почему это так важно — свободно покупать и продавать?

— Видишь ли, долгая история страны Экономика показала, что стоит только лишить продавцов права решать, кому и почему они хотят продать свой товар, а покупателей — права выбора, у кого и за сколько покупать, как дела в этой стране начинают идти наперекосяк и вместо свободного рынка и изобилия товаров появляются бюрократы, которые раздают товары тем, кто им милее. А магазины становятся пустыми и тоскливыми...

Согласно над страной Экономика уже клонилось к закату, когда мы, наконец, оказались у въезда из долины

Пропорциональности. Дорога впереди исчезала в расщелине между двумя большими холмами.

Странные это были холмы! Они все время менялись в размерах: то становились больше, то почти сравнивались с уровнем земли. Да и ширина расщелины между ними то увеличивалась, то уменьшалась. В лучах заходящего солнца они отбрасывали длинные тени, и эти тени, то удлиняющиеся, то укорачивающиеся, казались живыми.

Когда наш автомобиль подкатил поближе, мы увидели на обочине дороги указатель:

— Это еще что за ущелье, папа? — опасно заинтересовалась Оля, глядя мне руку на плечо. — Почему от водителя тут требуют особого внимания?

— О, мы подъехали с тобой к одному из самых таинственных мест в стране Экономика! Но о нем я расскажу тебе завтра, а то мы сегодня так напутешествовали, что у меня глаза словно песком засыпало. Давай-ка свернем на обочину и заночуем, а поутру с новыми силами попробуем прорваться сквозь это коварное ущелье. Так мы и сделали.

ПЛАВА ВТОРАЯ, в которой
*Она присогласилась добывать лавруху точной лавры,
 а мне саживать машинки.*

Второй день нашего путешествия начался там же, где кончился первый, — у въезда в ущелье Рыночного Равновесия, перед двумя все время меняющимися своими размеры загадочными холмами.

— Так что же это за ущелье и почему эти холмы все время... дышат? — заинтересовалась Оля, уютно устроившись на переднем сиденье автомобиля.

— Как-как ты сказала? «Дышат»? — поразился я. — Надо же, какое отличное сравнение — мне бы такое и в голову не пришло! Действительно, «дышат», и их дыхание отзывается по всей стране Экономика. Это ведь одно из самых важных и таинственных мест этой страны — холмы Спроса и Предложения...

— А чем оно такое таинственное?
 — Видишь ли, эти холмы (тот, что слева — холм Спроса, а тот, что справа — Предложения) —

огромные магниты. Но магнитные силы у них совершенно разные. Холм Спроса притягивает товары и отталкивает деньги, а холм Предложения, наоборот, тянет к себе деньги и отталкивает товары.

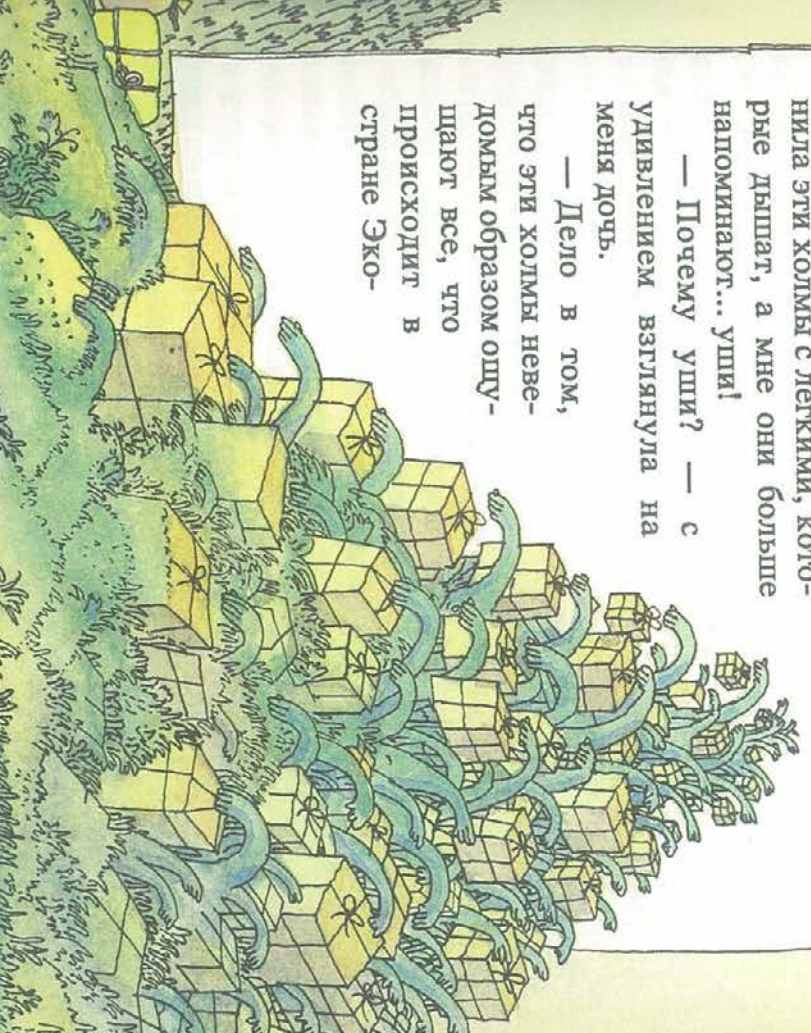
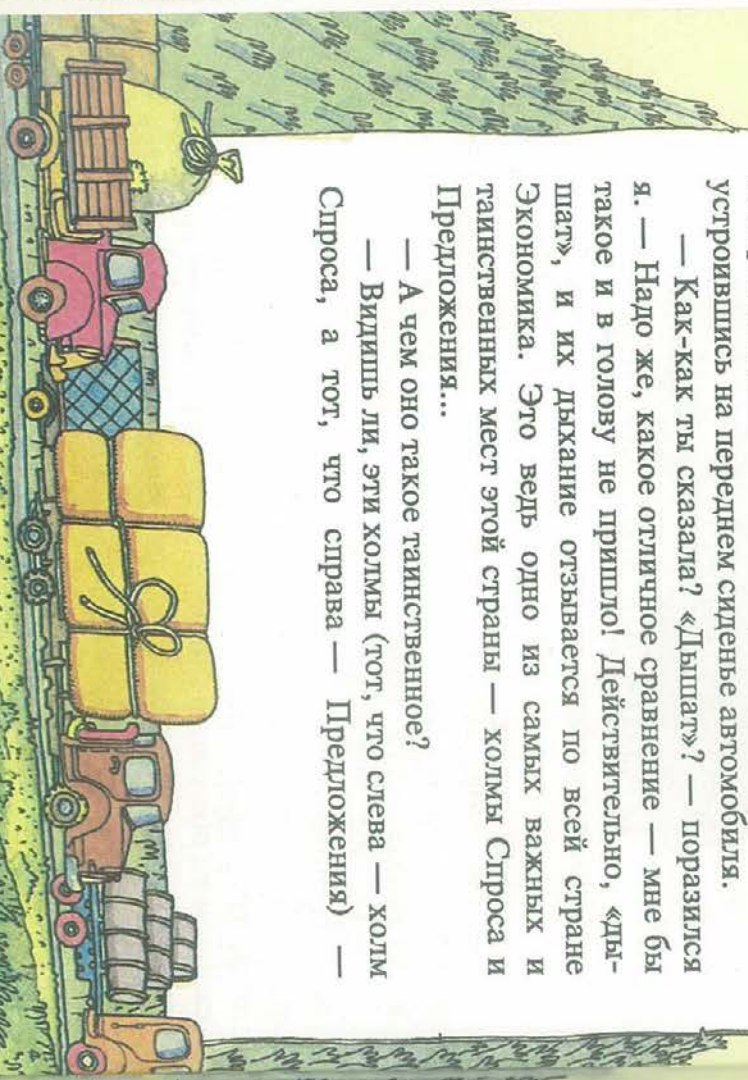
— Как это?
 — Очень просто. Если у тебя есть деньги и ты хочешь купить себе, например, велосипед, ты идешь в магазин и спрашиваешь: «У вас есть велосипеды?» Это и есть спрос. А продавец, узнав, что у тебя хватит денег на такую покупку и ты действительно готов эти деньги заплатить, предлагает тебе велосипед. Это и есть предложение.

— А почему эти холмы все время меняют свою величину? Ты мне так и не ответил, — напомнила Оля.

— Видишь ли, ты вот сравнила эти холмы с легкими, которые дышат, а мне они больше напоминают... уши!

— Почему уши? — с удивлением взглянула на меня дочь.

— Дело в том, что эти холмы неведомым образом ощущают все, что происходит в стране Эко-

номика, и улавливают такие желания жителей, которые связаны либо с деньгами, либо с товарами.

— Это как?

— А вот так. Стоит лишь у жителей страны Экономика завестись в кошелечках лишней монете и возникнуть желанию сделать новую покупку, как холм Спроса мигот начнет расти как на дрожжах. Ну, а если на какой-то фабрике начинается действовать новый цех и она выпускает больше телевизоров, велосипедов или пальто, чем вчера, то сразу начинает расти холм Предложения.

— И какой в этом смысл?

— Громадный! Ведь через это ущелье идет единственная дорога к городу Купцовску, и размеры холмов Спроса и Предложения прямо влияют на то, что происходит с грузовиками, везущими товары мимо них.

— А что с ними случается?

— Сейчас увидишь, — и я направил наш автомобиль ко въезду в ущелье. Правда, в само ущелье я заезжать не стал и загормосил метрах в ста от него, съехав на обочину. Отсюда было как на ладони видно все, что происходило впереди. И на это стоило посмотреть — ничего подобного ни я, ни Оля никогда в жизни еще не видали!

Мало того, что оба холма все время меняли свою высоту и округлость, но они еще вели себя как две огромные волны, то накатывая на шоссе так, что оно суживалось до узенькой расщелины, то разбегаясь в стороны, отчего ширина шоссе сразу намного увеличивалась. Еще более странные вещи происходили в

ущелье Рыночного Равновесия с грузовиками, которые

НЕ
ЗАБЫТЬ!

ежеминутно проносились мимо нас. Они, попав между холмами, начинали... меняться в размерах! Если проезд через ущелье был очень узок, то грузовики начинали стремительно уменьшаться, пока не оказывались в состоянии протиснуться между холмами Спроса и Предложения. Ну а если холмы, расступившись, образовывали широчайший проезд, то грузовики начинали расти в размерах, превращаясь в целые автопоезда на колесах.

Это зрелище было настолько необычным, что мы оба как зачарованные любовались им минут двадцать, совершенно позабыв, что и нам надо двигаться вперед и что нас ждет в ущелье — неизвестно.

Наконец Оля повернулась ко мне.

— Что это, папа?

— Это... — протянул я, приходя в себя (читать мне об этом доводилось не раз, а вот своими глазами я увидел впервые). — Это называется Пляской Цен, и за этой пляской, затаив дыхание, смотрит вся страна Экономика.

— Пляска? — удивленно переспросила Оля. — Да здесь же никто не танцует, только грузовики становятся больше или меньше...

— Верно. Но размер-то их меняется именно потому, что в этом ущелье определяется цена тех товаров, что везет каждый из водителей. Здесь становится ясно, сколько удастся выручить изготовителю за его товар и будет ли он завтра богачом или ему придется закрывать свою фабрику. А покупатель именно отсюда получает сведения о том, хватит ли ему денег, чтобы купить желанную вещь, или она ему будет не по карману и придется копить дальше. Цены здесь меняются постоянно, то приседая, то взмывая к небесам, как будто они пляшут диковинный и вечный танец, а музыкой и танцевальными фигурами им задают эти вот таинственные холмы...

— Холмы? — недоверчиво повторила моя дочка, опять устремив взгляд на холмы Спроса и Предложения.

— Да-да, — кивнул я головой. — Не забывай, что это холмы не простые! За ними стоят интересы и желания людей, а это самая мощная сила в мире.

— Все равно не понимаю. Как это желания людей могут влиять на размеры грузовика или на то, сколько стоят товары, которые он везет?

— Очень просто. Представь себе, что у покупателей сегодня накопилось много денег на покупку какого-то товара, а его не хватает на всех...

— Дефицитен? — подсказала Оля.

— Вот именно, — кивнул головой я. — Если он дефицитен, то есть спрос превышает предложение, тогда самые богатые из людей начинают предлагать изготовителю все более высокую цену, лишь бы купить. Продавец же не спешит товар продать, стараясь выторговать цену повыше. Вот тогда-то грузовичок, который везет этот товар, и начинает расти в размерах, потому что все большей становится сумма денег, которую можно будет получить за эти товары.

— И что — цена может расти бесконечно?

— Интересный вопрос. Вообще-то какой-то верхней границы для цены не существует. Например, во всем мире регулярно устраиваются художественные аукционы, на которых продают картины знаменитых художников. Покупает их тот, кто предложит самую высокую цену. Каждый раз газеты сообщают, что на этот раз был побит мировой рекорд цены за одну картину. Например, недавно за картину Ван-Гога «Портрет доктора Гаше» на одном аукционе заплатили 82 миллиона долларов...

— Ого! — удивленно воскликнула Оля.

— Но могу спорить на что угодно, что пройдет время и этот рекорд тоже будет побит. Ведь работ старых мастеров очень мало, и никогда уже не будет больше, то есть предложение уже никогда не увеличится. А спрос растет все время, вместе с ним безгранично растут цены. Но это,

конечно, уникальная ситуация, а на обычные товары цена растет до тех пор, пока покупатели не скажут сами себе: «Нет, это уж слишком дорого!»

— И что тогда?

— А ты как думаешь?

— Наверное, люди тогда покупают что-нибудь другое, подешевле, да?

— Да. Или не покупают вообще ничего. И тогда продавец волей-неволей уступает товар по той цене, на которую соглашается покупатель. Размер грузовичка перестает увеличиваться, и он спокойно проезжает по улице Рыночного Равновесия. Ну а если товаров выпустили больше, чем люди готовы купить, то есть предложение стало больше, чем спрос, тогда товары начинают залеживаться в магазинах, и цены на них приходится снижать, чтобы их все же раскупили. Конечно, при этом грузовичок «худеет» — не до жиру, быть бы живу! По-настоящему можно ехать?

— Поехали! — наконец решила моя спутница, и я тронул машину с места.

Мы проехали уже больше половины дороги через ущелье, когда холм Предложения вдруг начал стремительно расти и надыгаться на шоссе.

Я выжал педаль газа до упора, и автомобиль прыгнул вперед как подстегнутый.

Но холм Предложения рос еще быстрее.

На наших глазах один из его отрогов накрыл шоссе, раздавив мчавшийся впереди нас грузовик. Я так резко

безопасности больно

впился мне в тело.

НЕ ЗАБЫТЬ!

А это когда спрос превышает предложение, а значит, продавцу придется снижать цену, чтобы продать свой товар. И тогда цена падает, а спрос растет. И так до тех пор, пока не наступит равновесие.

— Пещера! Папа, пещера! — отчаянно закричала Оля, показывая куда-то вбок.

Да, это была пещера. В подножье холма Предложения зияла черная дыра — вход в пещеру. Была ли она достаточно велика, чтобы вместить наш автомобиль? Уверенности у меня не было, но и другого выхода тоже не было. Через минуту нас могла постигнуть судьба того грузовика. Я отчаянно крутанул руль и направил машину прямо в пещеру — это был все-таки какой-то шанс на спасение!

Наша машина влетела в пещеру, чиркнув бортом о каменную стену, и в ту же секунду сзади нас что-то захохотало и вокруг стало темно — холм Предложения обрушился на шоссе, замуравив и наше убежище. Я загормозил и выключил мотор. Вокруг господствовала полная темнота и тишина. И все же мы были живы, а это главное! Оля шумно перевела дыхание и, нащупав в темноте мое плечо, тихо спросила:

— Мы отсюда выберемся?

Во все голове прозвучали близкие слезы.

— Только не плачь! — я постарался, чтобы мой голос звучал как можно бодрее. — Может быть, когда холм Предложения начнет в очередной раз уменьшаться, мы сможем пробить ход наружу.

Но про себя я подумал совсем другое — вместе с холмом могла уменьшиться и наша пещера, и тогда нас просто раздавили бы каменные стены. Во всяком случае надо было хотя бы оглядеть пещеру — может быть, из нее есть какой-то выход. Я запустил двигатель и включил фары. Их свет, наверное, действовал на какие-то спиритические в стенах фотозлементы, и пещера внезапно ярко осветилась. Это сияние было столь неожиданным, что мы с Олей даже зажмурились. Когда же наши глаза привыкли к свету и мы огляделись вокруг, то поняли, что пещера была... музеем!

Ее стены были увешаны рекламными плакатами, зазывавшими покупателей купить самые разные товары — от спортивных автомобилей до детских сосок и консервов для собак. В стены были вмурованы витрины, за стеклами которых красовались манекены в модных нарядах последних десятилетий.

Увидев такое, Оля мигом выскочила из автомобиля и как зачарованная двинулась вдоль стен пещеры, разглядывая рекламные плакаты.

— Зачем здесь этот музей, а пап? — повернулась она ко мне, когда я вылез из кабины и догнал ее у плаката, рекламировавшего плетеную мебель для сада.

— Думаю, что его создали для таких же, как мы, неудачников, которые не сумели попасть в ритм колебаний ушеля Рыночного Равновесия и потому не сумели сбыть свой товар, но все же оказались достаточно ловки, чтобы успеть спастись в этой пещере.

— Какое это опасное ушелье!

— Конечно. Ведь здесь каждого жителя страны Экономика поджидает самая страшная угроза — угроза разорения, а значит, угроза безработицы и нищеты для него самого и тех, кого он нанимает для производства своих товаров. Эта угроза реальна для тех, чьи товары никто не хочет покупать.

— Но это же несправедливо! Люди-то их делали, старались, станки работали, материалы использовали, а им вдруг говорят: «Ваш товар никому не нужен и плакали ваши денежки!»

— А что же ты хочешь? Законы страны Экономика жесткие, но справедливые. Право на оплату своего труда имеет только тот, кто делал вещи, нужные людям. А если человек жег электричество, тратил металлы и свой труд впустую, потому что результат его труда людям не интересен — им ЭТО не нужно! — жалеть его нечего. Если хочешь знать — такой горе-мастер враг общества!

— Ну уж и враг, скажешь тоже, папа!

— Конечно, враг, я не шучу. Сама подумай — людям так много еще не хватает для обеспеченной жизни, а ведь природные богатства нашей планеты не безграничны. А раз так, то из-за того, кто впустую потратил эти богатства — нефть, дерево, металлы, помешал выпустить нужную обществу продукцию, люди завтра будут жить хуже, чем могли бы. И такой производитель-расточитель чужого труда должен быть наказан.

— Ну, не в тюрьму же его сажать?!

— Никто и не говорит о тюрьме. В стране Экономика свой суд — рынок и своя мера наказания — убытки, вплоть до высшей меры — разорения. А если общество оказывается слишком добреньким и берет такого горе-производителя на поруки, убергая его от разорения, то вирус бесхозяйственности и равнодушия к реальным нуждам людей начинает распространяться как смертоносная эпидемия, и вскоре начинает лихорадить всю страну Экономика! А уж тогда лечение оказывается очень тяжелым и долгим...

— Ладно, я не спорю, но ведь изготовитель мог нагрузить свой грузовичок ненужным товаром только из-за того, что не знал — товар этот никому не нужен. Он, бедняга, думал, что люди обрадуются его изделю, стараясь, трудился, а ему вдруг от ворот поворот! Получается, что он без вины виноватый?

— А зачем он брался за дело, не разведав, что сегодня пользуется спросом, или не сделал рекламы своему товару? Недаром здесь любят повторять: «Реклама — двигатель торговли!»

— Не знаю, — пожалала плечами Оля. — Мне лично кажется, что реклама — это всегда немножко обман.

— Ты не права, уже давным-давно люди поняли, что в рекламе можно преувеличивать, но нельзя обманывать. Для того, кто хочет преуспеть, самое дорогое — деловая

репутация. И если ты хоть один раз продашь покупателю плохой товар, задурив ему голову рекламой, второй раз тебе лучше на рынке не появляться — никто у тебя ничего не купит, все пойдут к твоим конкурентам. Так что реклама — штука серьезная, и без нее проскокить ущелье Рыночного Равновесия почти невозможно.

За этими разговорами мы обошли почти всю пещеру и вдруг оказались перед углублением в стене. Оно было не освещено, поэтому, наверное, мы и не увидели его сразу. В углублении, высота которого позволяла Оле стоять в полный рост, а мне пришлось скрючиться, стоял большой сундук весьма странного вида. Его необычность заключалась в том, что нижняя его часть явно была старинной — ее украшали изящные кованые накладки, в одном месте был виден даже какой-то старинный герб. А вот крышка у сундука была совершенно иной. Ее очертания были вполне современными, а главное — в эту крышку был вмонтирован компьютер. Я привычно щелкнул выключателем, и компьютер заработал — на пульте загорелась лампочка, а на экране появилась надпись:

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ МАРКЕТИНГОВОГО ЛАЗЕРА

ВАМ НАДО РЕШИТЬ ЗАДАЧУ

СО СЛЕДУЮЩИМИ УСЛОВИЯМИ:

ВЫ — ИЗГОТОВИТЕЛЬ БРУСНИЧНОГО СОКА И ПРОДАЕТЕ
БУТЫЛКУ СОКА ЗА 1 РУБЛЬ. ВДРУГ НА РЫНКЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ
ЕЩЕ ОДИН ИЗГОТОВИТЕЛЬ ТАКОГО ЖЕ СОКА И ПРОДАЕТ
ЕГО ПО 70 КОПЕЕК ЗА БУТЫЛКУ

ЧТО ВАМ НАДО ДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ПОБЕДИТЬ КОНКУРЕНТА И

СОХРАНИТЬ СВОЕ МЕСТО НА РЫНКЕ?

ПРОСТАВЬТЕ ВАШИ РЕШЕНИЯ В ПУСТЫЕ

МЕСТА И НАЖМИТЕ КЛАВИШУ «ВВОД»,

КОГДА БУДЕТЕ ГОТОВЫ

ИТАК, ВЫ:

СНИЗИТЕ ЦЕНУ НА СВОЙ СОК НА КОПЕЕК

ПОВЫСИТЕ ЦЕНУ НА СВОЙ СОК НА КОПЕЕК

УВЕЛИЧИТЕ РАСХОДЫ НА РЕКЛАМУ СВОЕГО СОКА НА%

БУДЕТЕ ДЕЛАТЬ ПОДАРКИ СТОИМОСТЬЮ РУБЛЕЙ

ТОМУ, КТО СДАСТ ВАМ 50 КРЫШЕЧЕК ОТ ВЫГИТЫХ ИМ

БУТЫЛОК С ВАШИМ СОКОМ

ВЫПУСТИТЕ В ПРОДАЖУ НОВЫЙ СОРТ ВАШЕГО СОКА

ПО ЦЕНЕ РУБЛЕЙ КОПЕЕК

— Ну и что мне тут надо отвечать? — повернулась ко мне Оля.

— Понятия не имею, — честно признался я. — Понимаешь, маркетинг — не моя специальность, так что тут мы с тобой на равных. Попробуй, например, тоже снизить цену на 30 копеек, — тогда у конкурента не будет перед тобой никаких преимуществ...

К сожалению, мой ответ компьютеру не понравился — экран лишь мигнул, и на нем снова всплыли те же условия задачи. Не лучше была реакция и на Олин вариант решения — увеличить расходы на рекламу на 50%. Не открыло сундук и наше предложение делать подарки стоимостью в 10 рублей тому, кто сдаст 50 крышечек от бутылок. То ли мы поспешили, то ли вообще попали пальцем в небо, кто же этот компьютер поймет?!

После десятой неудачной попытки я оторченно махнула рукой и выбрался из углабленин, потому что у меня заняла шея. Конечно, получив лазер, мы быстренько прорезали бы в стене пещеры выход, но уж больно хитрую задачу задал нам компьютер...

Я вернулся в кабину и выключил фары, оставив гореть только подфарники — неизвестно еще, сколько нам предстояло пробыть в этой ловушке, и аккумулятор надо было беречь. Откинувшись на сиденье, я закрыл глаза и

собрался подремать, как вдруг Оля издала боевой клич, эхом прокатившийся по пещере. Судя по всему, ей удалось-таки вскрыть заветный компьютерный замок. Я выскочил из кабины и побежал к ней.

Так и есть — последняя попытка, наконец, оказалась успешной, и теперь крышка сундука медленно поднималась вверх.

— Ну, молодец, — восторженно обнял я Олю за плечи.

— Так что же надо было сделать?

— О-о-о, — хитро протянула Оля, чрезвычайно довольная собой. — Я такое придумала, такое...

— Да что же, не томи, интересно ведь! — наседал я.

— А я предложила повысить цену моего сока на 50 копеек, а кроме того, выпустить в продажу еще один сорт моего сока по цене 70 копеек за бутылку.

— Ничего не понимаю, — пожал я плечами. — Что в этом варианте хорошего-то? С какой стати покупатели будут брать твой сок за полтора рубля, когда рядом стоят бутылки по 70 копеек — и твои, и твоего конкурента?

— А вот и будут, — качнула головой моя спутница. — Люди ведь что подумают — раз мой старей сорт сока стоит почти в 2 раза дороже, чем мой же новый сок и сок конкурентов, значит, этот сок самый лучший, самый вкусный и надо покупать именно его, пусть он и дороже!

— Потоди, потоди, — не унимался я. — А если сок конкурентов на самом деле ничуть не хуже твоего? Тогда покупатели это быстренько раскусят, обидятся и вообще ничего у тебя покупать не будут!

— Ой, папа, сразу видно, что ты в магазинны за продуктами ходишь редко! А то бы заметил, что люди — если у них есть деньги, конечно! — всегда стараются купить то, что дороже, веря, что это и лучше. Разве ты не слышал поговорку — «Мы недостаточно богаты, чтобы позволить себе покупать дешевые товары»?

— Слышал, — признался я, удивленно покачивая головой. — Ну и хитра же ты!

Но Оля уже не слышала моих слов, восторженно уставившись внутрь сундука, крышка которого наконец поднялась полностью. А там, на алом бархате, вышитом торговыми эмблемами самых знаменитых международных фирм, лежал массивный лазер, напоминавший по форме ручной пулемет. Из его ручки начинался длинный провод, исчезающий где-то в днище сундука. Ручка же лазерного «пулемета» была украшена золотой пластинкой с выгравированной на ней надписью:

ПРОИЗВОДИТЬ ТО, ЧТО ПРОДАЕТСЯ,
А НЕ ПРОДАВАТЬ ТО, ЧТО ПРОИЗВОДИТСЯ

— Ух ты! — восторженно протянула Оля, глядя на матово поблескивавшее лазерное оружие. — А почему этот лазер так странно называется, а пап? Марке...? Марке..., нет, даже повторить не могу.

— Маркетинговый, — подсказал я ей. — Это от английского слова «маркетинг», а само оно родилось от слова «маркет» — рынок...

— Знаю, знаю, — хлопнула в ладоши моя дочка. — Большие магазины называют «супермаркет».

— Верно. Так вот, маркетинг — это самый современный способ завоевания рынка, и девиз на ручке лазера — самый главный лозунг специалистов по маркетингу. Тебе понятен его смысл?

— Не очень, — честно призналась Оля.

— Сейчас объясню. Когда-то жизнь

любого нового товара начиналась с его изготовления, и лишь на стадии продажи включались спецы по рекламе. При маркетинге же все происходит наоборот. Сначала специалисты тщательно изучают рынок и определяют, какие товары сегодня имеют шанс на успех у покупателей и по какой цене их можно продавать. И лишь потом начинают ломать голову конструкторы и инженеры, придумывая новый товар, и организовывают его выпуск с такими затратами, которые определили специалисты по маркетингу.

— А как же можно угадать — что и почему люди хотят купить? Это что — телепатом надо быть?

— Совсем не обязательно. Наука о маркетинге придумала массу иных, вполне доступных обычному человеку способов. И те, кто ими владеют, сегодня очень ценятся во всем мире — это одна из самых сейчас престижных профессий в стране Экономика. Ведь, отпавляясь на рынок, надо быть очень хорошо подготовленным, иначе...

МАРКЕТИНГ
М — это когда вы покупаете товар, а продавец знает, что вы купите.
А — это когда вы покупаете товар, а продавец знает, что вы купите.
Р — это когда вы покупаете товар, а продавец знает, что вы купите.
К — это когда вы покупаете товар, а продавец знает, что вы купите.
Е — это когда вы покупаете товар, а продавец знает, что вы купите.
Т — это когда вы покупаете товар, а продавец знает, что вы купите.
И — это когда вы покупаете товар, а продавец знает, что вы купите.
Н — это когда вы покупаете товар, а продавец знает, что вы купите.
Т — это когда вы покупаете товар, а продавец знает, что вы купите.

НЕ
ЗАБЫТЬ

Докопаться фразу я не успел — свод пещеры треснул, и я понял, что холм Предложения опять начал расти, а наше убежище быстро уменьшалось в размерах. Не теряя ни секунды, я выхватил лазер и бросился к засыпанному въезду в пещеру. Легкое прикосновение к курку — и из стержня лазера вырвался ослепительный луч, который начал как масло разрезать каменные глыбы. Потолок трещал все громче, постепенно опускаясь все ниже и ниже, но отверстие, вырезанное лазером, уже светилось дневным светом.

Пока Оля отнесла лазер обратно в сундук, я запустил мотор и, едва она нырнула в кабину, сразу же дал задний ход. Через минуту мы вновь оказались на шоссе. И

возвремя — на наших глазах отверстие пещеры уменьшилось настолько, что теперь в него с трудом пролезла бы и лиса.

Мы помчались вперед, стараясь побыстрее покинуть негостеприимное ущелье Рыночного Равновесия.

— Кстати, папа, — спросила Оля, — а поче-

му это место так называется? Какое здесь может быть равновесие, когда все вокруг все время меняется?

— Вот потому его так и назвали, — усмехнулся я. — Это мечта экономистов — равновесие на рынке, когда размеры спроса и предложения примерно равны и ни покупатель не страдает от роста цен, ни изготовители не боятся, что товары придется продавать себе в убыток.

Больше вопросов дочь не задавала. Все, что произошло с нами, произошло сильное впечатление на Олю. Она загрустила, и мне было очень жаль ее.

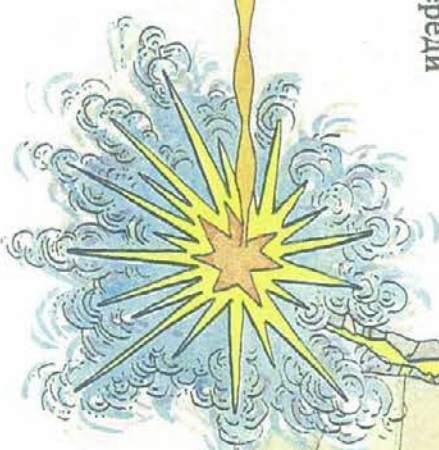
Приходя в себя после только что пережитых приключений, мы замолчали и поэтому, наверное, не сразу обратили внимание на странный шум, который послышался где-то впереди.

Чем ближе мы подъезжали к источнику этого шума, тем более знакомым он казался.

И вдруг я понял, что он мне напоминал: так ревет трасса скоростных автогонок. Я начал подумывать, не свернуть ли с трассы, чтобы полобоваться хотя бы несколькими заездами, как вдруг впереди

МАРКЕТИНГОВЫЙ
ЛАЗЕР

возник знак, предупреждавший о крутом повороте вправо, а над ним — большой дорожный указатель:

Такого поворота событий я не ожидал — любоватьсь автогонками доводилось не раз, но участвовать в них — никогда! И эта перспектива, честно говоря, меня не очень вдохновляла — один тренировочный заезд нелезя было, конечно, считать достаточной подготовкой. Увы, судя по всему, выбора у нас не было, и я послушно направил наш автомобиль туда, куда указывали стрелки. Вскоре наш автодом уже стоял на стоянке, а мы — у столика регистрации участников. Получив номер, я узнал, что участие в гонках придется принять и Оле — гоночные автомобили здесь были двухместными и участие в гонке штурмана являлось обязательным.

Переодевшись в раздевалке в комбинезоны из нетерочей ткани и получив шлемы, мы вышли к трассе автогонок. Собственно говоря, трасс было две — одна для соревнующихся, а вторая для тренировок. Дождавшись своей очереди на тренировочный заезд, мы получили указания от нашего инструктора. Как оказалось, гонки эти были устро-

ены, как и все в стране Экономика, не совсем так, как мы думали.

Первое, что меня удивило, был внешний вид самих гоночных машин. В отличие от тех чудищ, которые были мне знакомы раньше, здешние машины были красивы и имели каплевидную форму.

Оказывается, здешние автомобили могли развивать не очень большую скорость — не более 150 км/ч, но зато они были оснащены ракетным двигателем, который можно было включить во время гонки только один раз, что давало мгновенное увеличение скорости до 220 км/ч и позволяло выиграть гонку, если двигатель был включен в подходящий момент.

Для этого в автомобиле и было предусмотрено место для штурмана, который должен был выбрать наилучший момент для включения.

Куда меньше мне понравилось следующее сообщение инструктора. Дело в том, что возникающая в момент включения порохового заряда реактивная струя обычно сметала с шоссе те автомобили, которые были в тот момент сзади. Правда, каплевидная форма гоночных автомобилей спасала гонщиков от гибели — сброшенные с трассы автомобили просто раскатывались по сторонам, но такое бултыхание в автомобильной «бочке», конечно, трудно было назвать приятным ощущением.

Увы, вскоре мы в этом убедились сами — первые три заезда кончились для нас тем, что мы беспомощно болтались внутри кувыркавшегося автомобиля, крепко прижатые к сиденьям ремнями безопасности. Правда, в четвертом заезде мы на шоссе удержались — Оля включила реактивный двигатель в тот же момент, что и машина впереди нас, и это помогло нам удержаться равновесие. Но кончили мы заезд все равно пятыми из восьми стартовавших машин, и, значит, нам предстояло вновь выходить на старт.

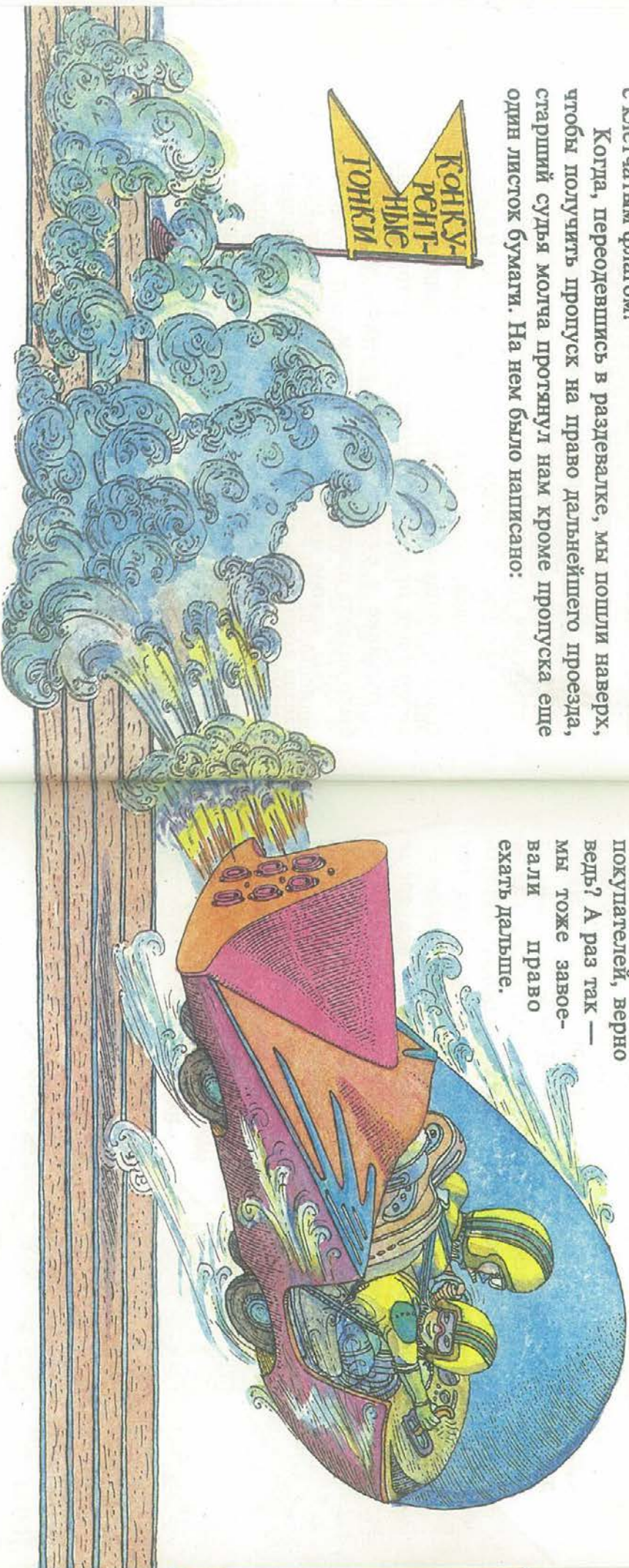
Удачу — и какую! — нам принес лишь девятый заезд. Мне с самого начала удалось вырваться в лидеры и удержаться в этой позиции до последнего поворота перед финишной прямой. Когда же мы в облаке пыли пронеслись мимо сигнального флажка, Оля мигом включила ускоритель. Его струя ударила прямо по наступающему нас автомобилю одного из соперников. Он подскочил, ударил по заднему автомобилю, тот — рикошетом — по следующему, и через миг все наши семь соперников раскатились в разные стороны с шоссе. Гонку мы кончали в торжественности.

Только натужно ревел двигатель, заглушая крики болельщиков, да колотили в днище машины мелкие камушки. И вот наконец — заветная линия финиша и судья с клетчатым флагом!

Когда, передевшись в раздевалке, мы пошли наверх, чтобы получить пропуск на право дальнейшего проезда, старший судья молча протянул нам кроме пропуска еще один листок бумаги. На нем было написано:

ПОЗДРАВЛЯЮ С ВЕЛИКОЛЕПНОЙ ПОБЕДОЙ !!!
ТЕПЕРЬ ВЫ — МОНОПОЛИСТ.
НА ВАШУ МАШИНУ БУДЕТ УСТАНОВЛЕН ПРИЗОВОЙ БАК
С ГОРЮЧИМ, НО ПОЛОВИНУ СОДЕРЖИМОГО БАКА
ВЫ ОБЯЗАНЫ ОТДАТЬ В ВИДЕ ШТРАФА
ЗА МОНОПОЛИЗАЦИЮ РЫНКА!
ЖЕЛАЕМ ВЫСОКИХ ПРИБЫЛЕЙ!

— Что это за челуха! — возмущилась Оля. — Как же можно одновременно поздравлять и штрафовать?! И вообще — зачем все эти гонки, раз мы уже благополучно прорывались мимо холмов Спроса и Предложения? Я так понимаю — проехать через это коварное ущелье может только тот, чьи товары будут пользоваться спросом у покупателей, верно ведь? А раз так — мы тоже завоевали право ехать дальше.

С какой же стати нас заставили еще и здесь терять столько времени?!

— Не горячись. Конечно, если бы товары каждого вида делал бы только один изготовитель, то есть если бы все здесь были, как говорят экономисты, монополистами, тогда, конечно, твое возмущение было бы справедливым и никакие конкурентные тонки не нужны. Но если дела в стране Экономика идут нормально, то чаще всего одинаковую или очень похожую продукцию всегда выпускают много разных фирм, порой даже из разных стран. И потому на рынке всегда идет жесткая конкурентная борьба. И в ней побеждает тот, кто либо сумел разорить своих конкурентов, либо нашел такую приманку для покупателей, до которой не додумались его соперники.

— Приманку? — хихикнула Оля. — Ты так смешно говоришь, можно подумать, что покупатели — это рыбки в пруду, а изготовители — рыболовы: одни ловят на муху, другие — на мотыля, а третьи — на червяка!

— Можешь смеяться сколько хочешь, но на самом деле конкурентная борьба — жестокая повседневность любого нормального рынка, и потому зевать тут некогда: чуть расслабишься — конкуренты победят, не моргнув глазом. И надо все время думать, на чем же их можно обойти. Иногда победу в этой бесконечной схватке приносит более высокое качество продукции, порой — более низкая цена, нередко — хорошо налаженное послепродажное обслуживание (особенно сложной техники), часто — изобретательная и дорогая реклама. Это все честные способы конкурентной

борьбы, а ведь еще существует и масса незаконных способов! И все для того, чтобы захватить как можно большую долю рынка и в идеале стать монополистом, то есть главным или даже единственным поставщиком какой-то продукции.

— Но если все к этому стремятся, значит, это нормально. Тогда за что же нас-то наказали, забрав половину горючего из призового бака?!

— Погоди-погоди, ты начала за здравие, а кончила за упокой! Верно, что все производители стремятся стать монополистами, но совсем не верно, что это нормально и отвечает законам страны Экономика.

— Не понимаю — ведь это же очень разумно. Ты один делаешь какую-то продукцию, значит, ты можешь не волноваться, что ее у тебя не купят, и угроза разорения над тобой не висит. А остальным могут делать другую продукцию и не тратить силы и деньги на конкуренцию с тобой. И вообще это здорово!

— Да почему же? — удивился я.

— А потому, что если каждый товар будет делать только одна фирма, легче будет управлять всей страной Экономикой, да и кризисы перепроизводства не будут возникать, и жизнь здесь будет очень спокойная и хорошая.

— Нет, конечно, какая-то логика в твоих рассуждениях есть, и надо сказать, что такая идея приходила в голову людям до тебя. Вот когда мы приедем в город Деловых Людей и посетим его район под названием «ХОЗРАСЧЕТОВО», ты там увидишь свою идею, воплощенную на практике.

НЕ ЗАБЫТЬ!

НЕ ЗАБЫТЬ!

Эти описания победы и поражения, которые приводят к победе и проигрышу, являются частью рынка, где продаются товары, но для остальных людей, до которых не додумались и не очаривались

тике. Там, действительно, каждый товар изготавливает чаще всего один завод. Было время, когда это казалось очень разумным: и рабочие тут собирались самые квалифицированные, и оборудование использовалось наиболее полно, и проблемы со сбытом продукции не было. Да и в другом районе этого города — «БИЗНЕС-СИТИ» — тоже поначалу решили, что это верное лекарство от кризисов...

— А разве не так?

— Представь себе, все оказалось не так просто. Конечно, конкуренция — штука неприятная и даже опасная, но есть у нее одна полезная черта, которой нет у монополии. Если ты живешь в условиях конкуренции, тебе надо постоянно напрягать свои мозги, надо каждый день искать способы получить лучше организовать дело и поменьше потратить денег на производство своих товаров. И это — в конечном-то итоге — двигает вперед всю страну, способствует технической прогрессу и повышению качества товаров. А коль ты монополист — жизнь твою становится спокойной, как вода в болоте: все равно ведь кроме как у тебя такой товар купить негде. И ты можешь не думать ни о повышении качества, ни о снижении затрат — коль продукция нужна, покупатели возьмут ее по любой цене, да и на недостагки в качестве глаза закроют.

И тогда...

— Вода в болоте покрывается раской... — подхватила Оля, точно уловив тон моего рассказа.

— Вот именно, — не дал я себя сбить, — вода тухнет и покрывается раской. А в экономических делах застой смерти подобен — дела при нем идут все хуже и хуже, а люди живут все беднее и беднее. А потом эта страна начинает проиллюстрировать на зарубежных рынках, потому что конкуренция всегда идет не только внутри одной страны, но и между различными странами и народами...

— Ты меня совсем запутал — и конкуренция плохо, и монополия — не лучше! Что же выбрать?

— А разве я тебе говорил, что в стране Экономика все просто и понятно? Тут такие загадки попадают, что над ними ломать голову приходится многим поколениям людей. Во всяком случае сегодня большинство считает, что монополия — это даже больше, чем конкуренция, и потому многие страны даже приняли специальные законы, которые ограничивают возможности для слишком большой монополизации рынка.

— Но почему же тогда судья нас сначала поздравил с победой в автогонках?

— Так он же нас поздравил, а не всех. А с твоей точки зрения, конечно же, стать монополистом хорошо — вот он нас вежливо и поприветствовал, но тут же и начал казл...

— Ну и коварная же эта страна Экономика — на каждом шагу жди подвоха!

Под эти разговоры мы вернулись к нашему автодому, где нас уже поджидал автозаправщик, бесплатно завывивший нас тем количеством бензина, которое осталось

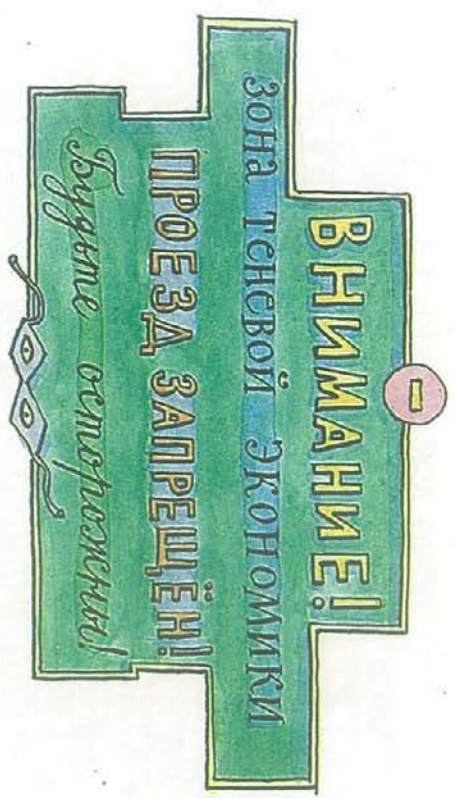
Вот уже никогда не забуду,
что предвещает участвовать
в АВТОГОНКАХ!
Девочки ушару от завистли,
когда види од этой раскочу
Вот только когда я их сдва увижу
Нуше об этом не думать, а то что-то
в носу щипает.
Надо, во-первых, мне стать отсуда
какие-то шуми нагуд-в наш мир.
И вот нас од зрабелние
найдем!

после уплаты штрафа за монополизм. Поблагодарив шофера бензовоза, мы покинули стоянку и, миновав контрольно-пропускной пункт, снова выкатили на шоссе, убегавшее в глубь страны Экономика. Придорожный указатель сообщил нам, что шоссе это ведет к городу Купцовску.

После напряжения автогонок вести автомобиль по скоростному многоурядному шоссе было сложным удовольствием, и я начал тихонько мурлыкать себе под нос какую-то песенку, как вдруг мои музыкальные упражнения были прерваны Олей.

— Смотри, папа, — она показывала вперед, — что они там вытворяют!

Действительно, порядок на автомагистрали был нарушен. Несколько машин, одна за другой, совершали левый поворот прямо через газон, отделяющий правую и левую части магистрали. Проскочив под носом у встречного транспорта, эти машины въезжали на боковую дорогу, над которой висел огромный знак «ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЕН». Дорожный указатель на обочине сообщил:

Мы привыкли уже к тому, что в стране Экономика приходится строго соблюдать правила поведения, и такой

пример дорожного хулиганства прямо среди белы дня мы здесь увидели впервые.

— Ну и дела, — удивленно проглянула Оля. — Где же местная автоинспекция, почему она никого не штрафует?

— Видишь ли, тут дело непростое. Въезд на эту дорогу запрещен законами юридическими, но, увы, иногда выгоден по законам экономическим. А поскольку они в этой стране главные, то автоинспекция и не вмешивается, а только предостерегает.

— От чего?

— Словами это не расскажешь, — усмехнулся я. — Это видеть надо. Если тебе это так интересно, можно попробовать туда свернуть.

— А это не опасно?

— Не знаю, но, как говорится, «риск — благородное дело», и больше такой возможности нам не представится. Ну что, поехали?

— Давай, — отчаянно махнула рукой Оля, и я направил нашу машину через разделительный газон, круто повернув руль влево. Сзади кто-то осуждающе просигнализировал, но я даже не обернулся, внимательно глядя вперед. Едва мы скатились с главного шоссе на дорогу, ведущую к зоне Теневой Экономика, как увидели на обочине указатель:

Дорога явно шла под уклон, и вскоре мы въехали в огромное ущелье, заросшее древним могучим лесом. Едва миновали его опушку, как из невидимых динамиков полилась весьма разудалая мелодия. Под ее аккомпанемент напереиз нам двинулись фигурки каких-то людей. Как только обе группы людей сошлись, переторговав шоссэ, они сразу же начали выкладывать прямо на асфальт свои товары. Чего здесь только не было: женские платья, микрокалькуляторы, магнитофоны и даже такие же компьютеры, как тот, по вине которого мы перенеслись в эту страну. Мне пришлось затормозить, и торговцы сразу же окружили нашу машину, наперебой уговаривая купить их товары, которые, конечно же, были «самыми лучшими и самыми дешевыми». Над шоссэ тем временем зазвучал задорный женский голос. Песню, которую пела неведомак нам певица, можно было смело назвать гимном спекулянт-тов:

Ну-ка, ближе подъезжай
И товары выбирай.
Хочешь сделку совершить —
Нам изволь-ка заплатить.
Пусть высокая цена,
Все же выгода видна:
Дефицит у нас найдешь,
Не жалей на радость грош!
Есть товары по дешевке:
Только закажи торговке.
Все, что видишь — первый сорт.
Если купишь — будешь горд!!!

— Папа, — поинтересовалась Оля, не рискуя выбраться из кабины и лишь с любопытством озираясь вокруг, — а почему этих людей называют спекулянтами? По-моему, это обычные торговцы, как на любом рынке...

— Э, нет, — качнул я головой. — Обычные торговцы ведут свои дела в городе Купцовске. А здесь торгуют те, у кого товары либо краденые, либо поддельные, либо спря-танные ради спекулятивного взвинчивания цен. Классиче-ское описание спекулятивной сделки есть у Джека Лон-дона в его знаменитой повести «Смок и Малыш». Ты ее, кажется, читала?

— Да.

— Помнишь, там есть история под названием «Яичный переполох», когда Смок и Малыш ради развлечення скупили все яйца в округе и цена из-за этого поднялась с двух до десяти долларов за штуку? Вот это и есть спекуляция — спекулянт скупает дефицитный товар, при-прятывает его и только тогда, когда люди готовы заплатить любую цену, начинает его продавать.

— Пап, а ты сказал, что здесь еще могут продаваться поддель-ные товары. Это как?

— А вот так. Например, во всем мире большим авто-ритетом пользуются швей-царские часы. И вот в ряде азиатских стран дельцы нелегальной или, как чаще говорят, «теневой» экономики наладили про-изводство поддельных «швейцарских» часов. По внешнему виду они вовсе неотличимы от самых

знаменитых швейцарских марок, например «Роллекс» или «Лонжин». Но начинка, сама понимаешь, далеко не та. Вот такие часы и продаются потом по всему миру по дешевке — доллар за 20 вместо 300 долларов, которые надо выложить за настоящие часы марки «Роллекс» или «Картье».

— И кто же их покупает-то? Это же надо дураком быть, чтобы не догадаться!

— Ну, во-первых, в мире полно легковверных людей, иначе бы мошенники на свете давно перевелись. А

иногда человека ослепляет жадность — как же, есть возможность «купить по случаю» заде-шево настоящие швейцарские часы! Но порой такие товары-фальсификаты покупают и те, кто прекрасно понимает, что это подделка.

Ими движет просто тщеславное стремление казаться богаче, чем они есть на самом деле. Ведь всем известно, что швейцарские часы очень дорогие. А если они у тебя на руке, значит, ты состоятельный человек, не так ли?

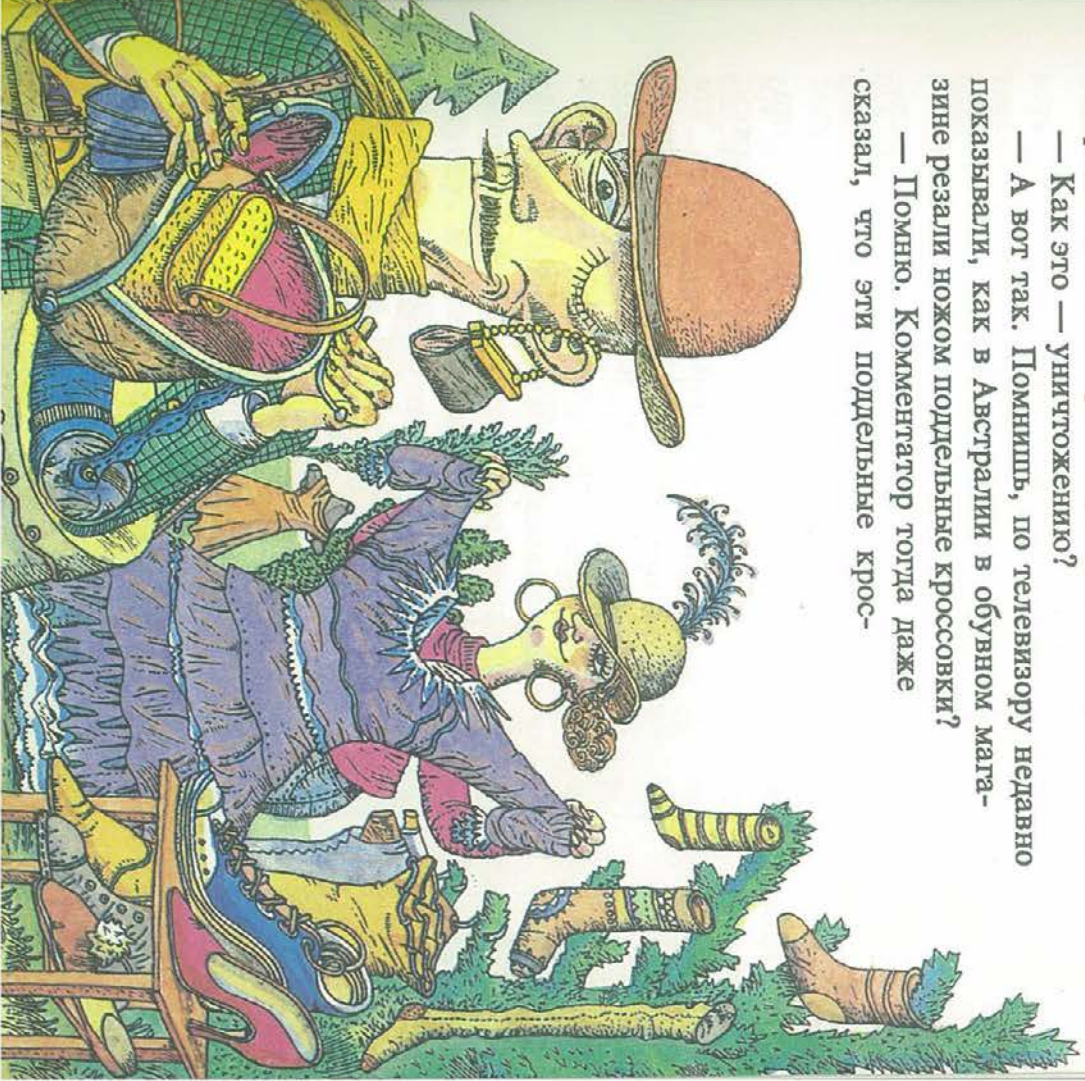
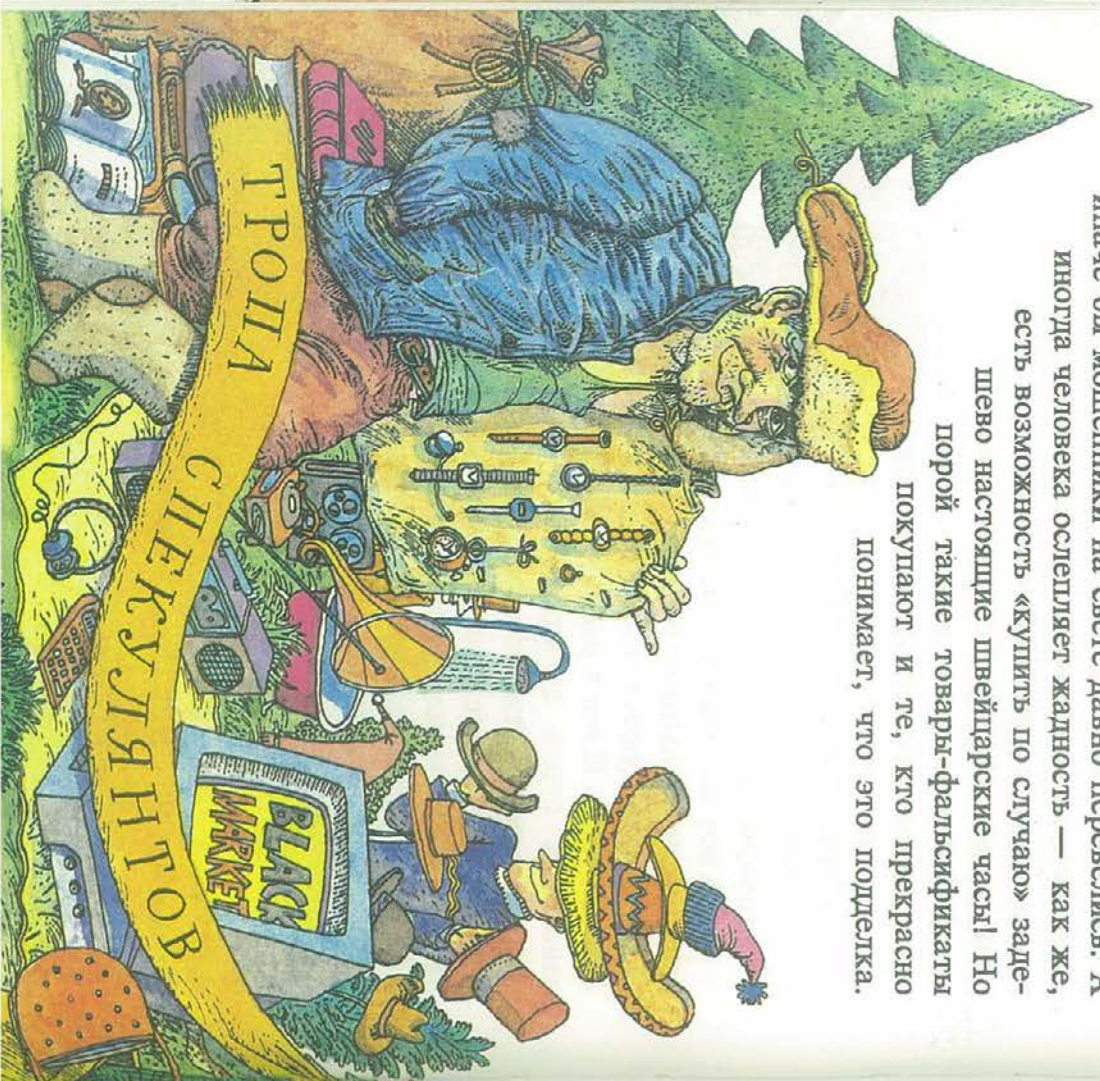
— И неужели таких людей много?

— Много, Оля, ох много! Так много, что для выпуска товаров-фальсификатов создаются целые подпольные фабрики. Приходится изготовителям подлинных товаров с помощью полиции проводить крупные операции по конфискации таких фальсификатов и их уничтожению.

— Как это — уничтожению?

— А вот так. Помнишь, по телевизору недавно показывали, как в Австралии в обувном магазине резали ножом поддельные кроссовки?

— Помню. Комментатор тогда даже сказал, что эти поддельные крос-

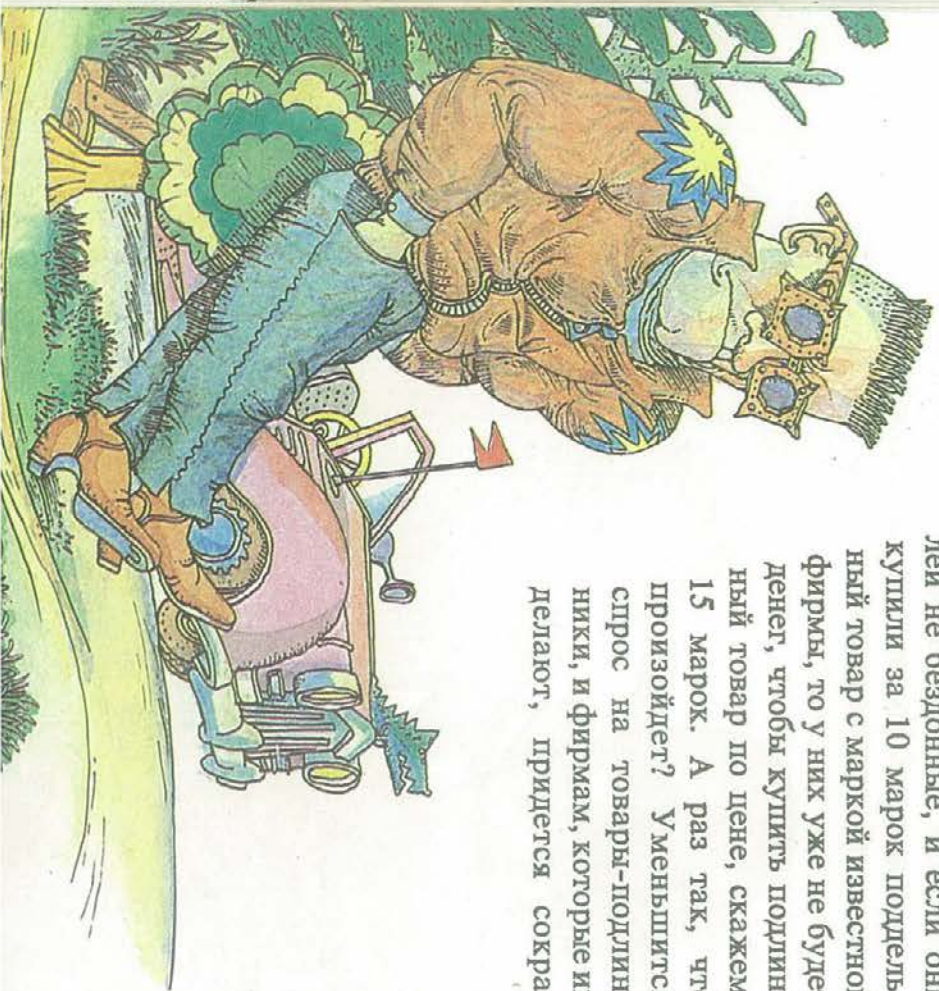

совки по качеству почти не уступали подлинным и было ужасно жалко, что их разрезали. Лучше бы отдали беднякам!

— Э, нет, в стране Экономика та к а я помощь беднякам невозможна. Крупные фирмы готовы скорее отдать часть своих доходов, чем разрешить раздачу беднякам поддельных товаров. Смириться с таким пиратством невозможно — слишком это опасная штука. Например, экономисты подсчитали, что только в Европе из-за продажи в магазинах поддельных товаров без работы сидят 100 000 человек.

— А почему? — не поняла Оля.

— Чего ж тут непонятного? Кошельки-то у покупателей не бездонные, и если они купили за 10 марок поддельный товар с маркой известной фирмы, то у них уже не будет денег, чтобы купить подлинный товар по цене, скажем, 15 марок. А раз так, что произойдет? Уменьшится спрос на товары-подлинники, и фирмам, которые их делают, придется сокра-

шить производство и увольнять ставших ненужными рабочих. Вот и получается — где-нибудь в Таиланде мастерят поддельные «швейцарские» часы, а швейцарские часовщики оказываются безработными! А компьютерное пиратство, когда новую программу покупает один человек, а потом ее у него бесplatно, «по дружбе», переписывает человек десять? Американцы как-то подсчитали, что их страна из-за этого ежегодно теряет полмиллиарда долларов! Так что «теневая экономика» — серьезный враг экономики законной.

— Ну ладно, ты меня уже убедил, но у меня вопрос есть. Вот ты все время говоришь «теневая экономика, теневая экономика». А что это такое — это вот и есть те спекулянты, которые нам проезда не дают?

— Ну что ты! Спекулянты — это только, если хочешь, посла «теневой экономики», а главные ее дельцы и командиры просто так на глаза не показываются.

— Да? — разочарованно протянула Оля. — Значит, мы их так и не увидим? Зачем же мы тогда сюда сворачивали?

— Возможно, что нам удастся заметить плоды главной деятельности этих «тиемов» страны Экономика. Но для этого нам надо, думаю, двинуться дальше...

Однако это оказалось непросто. Хотя я отчаянно сигналил, спекулянты не желали уступать нам дорогу, требуя, чтобы мы обязательно сделали хоть какую-нибудь покупку. Я уже собрался запустить двигатель, как Оля вдруг решила действовать самостоятельно. Она опустила стекло в своей двери и, прежде чем я успел глазом моргнуть, уже отсчитала какой-то спекулянтке деньги за яркую сумочку с этикеткой знаменитой итальянской фирмы «Гуччи». Спекулянты загалдели и расступились.

Вдруг кто-то из них истошно завопил «Облава!», показывая пальцем почему-то в небо. Мы взглянули вверх и обомлели. Увлеченные перспективой сбыть нам свои

товары, спекулянты не услышали, как к ним подобрались полицейские вертолеты, и теперь сверху, как семена одуванчика, один за другим сыпались полицейские-парашютисты. Началась страшная паника, побросав свои товары, спекулянты со всех ног бросились в лес. Но уйти удалось не всем, и вскоре целая цепочка арестованных выстроилась у лока приземлившегося полицейского вертолета. Полицейский офицер неторопливо направился в нашу сторону. Чувствуя, чем дело пахнет, я полез в карман за документами.

Разговор наш был недолгим. Офицер заявил, что мы прибрегли поддельный товар и тем самым нарушили правила поведения в стране Экономика. Этот поступок не является уголовно наказуемым, и поэтому мы не будем арестованы. Но штраф он на нас наложит. После чего он решительно залез в кабину нашего автомобиля, вставил в прорезь бортового компьютера какую-то дискету и начал колдовать над клавишами пульта управления. Компьютер затикал и затих. Полицейский вынул дискету, козырнул и, не сказав больше ни слова, удалился к вертолету. Еще минута — и вертолеты взмыли в небо. Стало тихо. Шоссе было пустынно. Можно было ехать дальше.

Увы, оказалось, что сделать это мы не можем. Компьютер заблокировал двигатель, и я не мог его запустить. На экране же компьютера появилась надпись:

ШТРАФНАЯ ЗАДАЧА

НЕКТО ПРОДАВАЛ КОНЯ И ПРОСИЛ ЗА НЕГО 1 000 РУБЛЕЙ.

КУПЕЦ СКАЗАЛ, ЧТО ЗА КОНЯ ЗАПРОШЕНА

СЛИШКОМ БОЛЬШАЯ ЦЕНА.

«ХОРОШО, — ОТВЕТИЛ ПРОДАВЕЦ, — ЕСЛИ ТЫ ГОВОРИШЬ,

ЧТО КОНЬ ДОРОГОГО СТОИТ, ТО ВОЗЬМИ ЕГО СЕБЕ

ДАРОМ, А ЗАПЛАТИ ТОЛЬКО ЗА ОДНИ ГВОЗДИ В ЕГО

ПОДКОВАХ,

А ГВОЗДЕЙ ВО ВСЯКОЙ ПОДКОВЕ ПО 6 ШТУК. И БУДЕШЬ ТЫ МНЕ ПЛАТИТЬ ТАКИМ ОБРАЗОМ: ЗА ПЕРВЫЙ ГВОЗДЬ — 1/4 КОПЕЙКИ, ЗА ВТОРОЙ ГВОЗДЬ — 1/2 КОПЕЙКИ, ЗА ТРЕТИЙ — КОПЕЙКУ, И ТАК ДАЛЕЕ ЗА ВСЕ ГВОЗДИ: ЗА КАЖДЫЙ В 2 РАЗА БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЗА ПРЕДЫДУЩИЙ». КУПЕЦ ЖЕ, ДУМАЯ, ЧТО ЗАПЛАТИТ НАМНОГО МЕНЬШЕ, ЧЕМ 1 000 РУБЛЕЙ, СОГЛАСИЛСЯ.

ПРОТОГОВАЛСЯ ЛИ КУПЕЦ, И ЕСЛИ ДА, ТО НА СКОЛЬКО? НАБЕРИТЕ ЗАПЛАЧЕННУЮ ИМ СУММУ ДЕНЕГ И НАЖМИТЕ «ВВОД»

— Ну, — с облегчением выдохнула Оля, — разве это наказание! Сейчас я быстренько все подсчитаю...

Увы, уже на 16-м гвозде она начала пыхтеть — лошаадь дорожала так быстро, что без калькулятора обойтись оказалось невозможно. Пришлось мне попросить компьютер вызвать на экран окошечко с изображением микрокалькулятора — без его помощи мы бы не сумели подсчитать нужную цифру и до заката солнца, а ночевать в этом лесу нам чего-то не хотелось.

Закончив, наконец, свои утомительные расчеты и определив, что купец в итоге заплатил... (это уж вы сами подсчитайте, а ответ — для проверки точности ваших вычислений — можете потом посмотреть в конце книги), Оля тихонько присвистнула:

— Бедный купец! Уторазило же его...

— А что ж его жалеть, — усмехнулся я. — Его стубила собственная жадность. А это качество не только в сказках, но и в стране Экономика принесит больше вреда, чем пользы... Вспомни-ка слова из пушкинской «Сказки о попе и работнике его Балде»:

А Балда приговаривал с укоризной:

«Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной».

товары, спекулянты не услышали, как к ним подобрались полицейские вертолеты, и теперь сверху, как семена одуванчика, один за другим сыпались полицейские-парашютисты. Началась страшная паника, побросав свои товары, спекулянты со всех ног бросились в лес. Но уйти удалось не всем, и вскоре целая цепочка арестованных выстроилась у локка приземлившегося полицейского вертолета. Полицейский офицер неторопливо направился в нашу сторону. Чувствуя, чем дело пахнет, я полез в карман за документами.

Разговор наш был недолгим. Офицер заявил, что мы прибрегли поддельный товар и тем самым нарушили правила поведения в стране Экономика. Этот поступок не является уголовно наказуемым, и поэтому мы не будем арестованы. Но штраф он на нас наложит. После чего он решительно залез в кабину нашего автомобиля, вставил в прорезь бортового компьютера какую-то дискету и начал колдовать над клавишами пульта управления. Компьютер затикал и затих. Полицейский вынул дискету, козырнул и, не сказав больше ни слова, удалился к вертолету. Еще минута — и вертолеты взмыли в небо. Стало тихо. Шоссе было пустынно. Можно было ехать дальше.

Увы, оказалось, что сделать это мы не можем. Компьютер заблокировал двигатель, и я не мог его запустить. На экране же компьютера появилась надпись:

ШТРАФНАЯ ЗАДАЧА

НЕКТО ПРОДАВАЛ КОНЯ И ПРОСИЛ ЗА НЕГО 1 000 РУБЛЕЙ.

КУПЕЦ СКАЗАЛ, ЧТО ЗА КОНЯ ЗАПРОШЕНА

СЛИШКОМ БОЛЬШАЯ ЦЕНА.

«ХОРОШО, — ОТВЕТИЛ ПРОДАВЕЦ, — ЕСЛИ ТЫ ГОВОРИШЬ,

ЧТО КОНЬ ДОРОГО СТОИТ, ТО ВОЗЬМИ ЕГО СЕБЕ

ДАРОМ, А ЗАПЛАТИ ТОЛЬКО ЗА ОДНИ ГВОЗДИ В ЕГО

ПОДКОВАХ,

А ГВОЗДЕЙ ВО ВСЯКОЙ ПОДКОВЕ ПО 6 ШТУК. И БУДЕШЬ ТЫ
МНЕ ПЛАТИТЬ ТАКИМ ОБРАЗОМ: ЗА ПЕРВЫЙ ГВОЗДЬ —
1/4 КОПЕЙКИ, ЗА ВТОРОЙ ГВОЗДЬ — 1/2 КОПЕЙКИ,
ЗА ТРЕТИЙ — КОПЕЙКУ, И ТАК ДАЛЕЕ ЗА ВСЕ ГВОЗДИ:
ЗА КАЖДЫЙ В 2 РАЗА БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЗА ПРЕДЫДУЩИЙ».
КУПЕЦ ЖЕ, ДУМАЯ, ЧТО ЗАПЛАТИТ НАМНОГО МЕНЬШЕ,
ЧЕМ 1 000 РУБЛЕЙ, СОГЛАСИЛСЯ.

ПРОТОГОВАЛСЯ ЛИ КУПЕЦ, И ЕСЛИ ДА, ТО НА СКОЛЬКО?
НАБЕРИТЕ ЗАПЛАЧЕННУЮ ИМ СУММУ ДЕНЕГ
И НАЖМИТЕ «ВВОД»

— Ну, — с облегчением выдохнула Оля, — разве это наказание! Сейчас я быстренько все подсчитаю...

Увы, уже на 16-м гвозде она начала пыхтеть — лошадь дорожала так быстро, что без калькулятора обойтись оказалось невозможно. Пришлось мне попросить компьютер вызвать на экран окошечко с изображением микрокалькулятора — без его помощи мы бы не сумели подсчитать нужную цифру и до заката солнца, а ночевать в этом лесу нам чего-то не хотелось.

Закончив, наконец, свои утомительные расчеты и определив, что купец в итоге заплатил... (это уж вы сами подсчитайте, а ответ — для проверки точности ваших вычислений — можете потом посмотреть в конце книги), Оля тихонько присвистнула:

— Бедный купец! Уторазило же его...

— А что ж его жалеть, — усмехнулся я. — Его стубила собственная жадность. А это качество не только в сказках, но и в стране Экономика принесит больше вреда, чем пользы... Вспомни-ка слова из пушкинской «Сказки о попе и работнике его Балде»:

А Балда приговаривал с укоризной:

«Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной».

— Сказка ложь, да в ней намек — добрым молодцам урок, — ответно улыбнулась Оля.

— Вот-вот, и я про то же. Ладно, давай-ка двигаться дальше, пока снова спекулянты дорогу не перекрыли...

Оля ввела в память компьютера наш ответ на штрафную задачу, и мотор автомобиля сразу басовито заурчал. Мы тронулись в путь.

Вспоминая эту дорогу, я могу с уверенностью сказать, что менее приятного леса я еще в своей жизни не видел. Чем дальше мы ехали, тем плотнее смыкались над нами кроны громадных деревьев и тем реже попадались на встречу случайные спекулянты. Лишь изредка из-за деревьев выходили какие-то подозрительные личности, судя по всему — продавцы наркотиков.

Когда же в одном месте деревья вдруг расступились и за ними мелькнула симпатичная полянка, я решил остановиться. Не тут-то было. Из-за крайних деревьев сразу появились два угрюмого вида парня и, держа руки в карманах плащей (где, похоже, у них были пистолеты), левой рукой дали нам знак проезжать не задерживаясь...

Неожиданно для себя мы обнаружили, что некоторые из придорожных деревьев были фальшивыми, маскируя то, что не полагалось видеть случайным проезжим вроде нас с Олей. Первый раз мы увидели, как эти фальшивые деревья сдвигаются в сторону, открывая потайную дорогу, по которой промчался спортивный автомобиль с желтой зеленой военной маскировочной окраской.

Второе открытие потайных «дверей» Чернорыночного бора чуть не закончилось для нас аварией. Я едва успел затормозить, когда прямо перед носом нашего автодома на шоссе из леса, с потайной дороги, вылетел роскошный открытый лимuzин с весело хохочущей компанией пьяных людей. Деревья-двери сразу сомкнулись, и мы так и не успели понять, откуда эти гуляки здесь взялись.

— Что же там делается за этими деревьями, а пап? — повернулась ко мне Оля. — Чем занимается теневаз экономиста?

— Прежде всего, малыш, она занимается людскими слабостями...

— Как это?

— Очень просто. Одна из главных сил теневаз экономики — мафия, которая зарабатывает огромные деньги, потакая человеческим слабостям и порокам. Алкоголь, наркотики, азартные игры, сомнительные развлечения — все это источники наживы для дельцов теневаз экономики. Например, американская мафия расцвела в тот период, когда в США ввели «сухой закон», то есть запретили продажу алкогольных напитков. Бандиты сразу же создали сеть подпольных фабрик по изготовлению виски, открыли тайные рестораны, наладили контрабандный ввоз вина из других стран... И заработали на этом десятки миллионов долларов, которые сразу пустили «в дело»: давая взятки судьям и полицейским, создавая тайные игорные приюты, подкупая судей и игроков, чтобы обманывать болельщиков и загребать в свои руки выигрыши в спортивных лотереях типа «Спортпрогноза». Сегодня мафия зарабатывает миллиарды на наркотиках — первые дозы дают бесцельно, а потом обирают попавшихся на крючок наркоманов как липку.

— Значит, «теневаз экономика» — это самые главные мафиозии?

— Верно, но не только это.

Вообще-то мы, экономисты, относим к теневаз экономике всех, кто зарабатывает деньги незаконно, то есть не зарегистрированно в госу-

Т Е Н Е В А З Э К О Н О М И К А — это когда делаются дела, но при этом нарушаются законы и не соблюдаются нормы.

Моя спутница замолчала и, откинувшись на спинку кресла, продолжала всматриваться в мелькавшие мимо пейзажи Черногорного бора.

Наконец шоссе вырвалось из объятий этого мрачного леса и начало сворачивать вправо. Еще несколько минут — и мы вновь оказались на главной дороге к городу Купцовску.

Еще через полчаса из-за горизонта показались контуры каких-то зданий, и вскоре Купцовск открылся перед нами во всей красе.

Это был очень странный город. Обычно люди стараясь строить на ровном месте, чтобы удобнее было жить. А город Купцовск весь был возведен на холмах. В центре теснились холмы повыше, а вокруг них группировались холмы пониже. Строгий порядок в расположении этих возвышенностей сразу же навел на мысль о том, что это дело рук человеческих. Подъехав поближе, мы остановили машину, чтобы спокойно осмотреться.

Больше всего это напоминало картину муравейника, правда, механизированного. По всем улицам у подножья холмов сновали грузовички с товарами. Добравшись до нужного холма, грузовичок замирал, и к нему сразу поворачивалась стрела грузового крана, чтобы снять груз и переставить его на ленту конвейера, тянущуюся к вершине холма. Все небо же над Купцовском было затянуто паутиной фуникулерных линий, связывавших высокие холмы с маленькими.

— А что в этих кабинках, а пап? — сразу же заинтересовалась Оля.

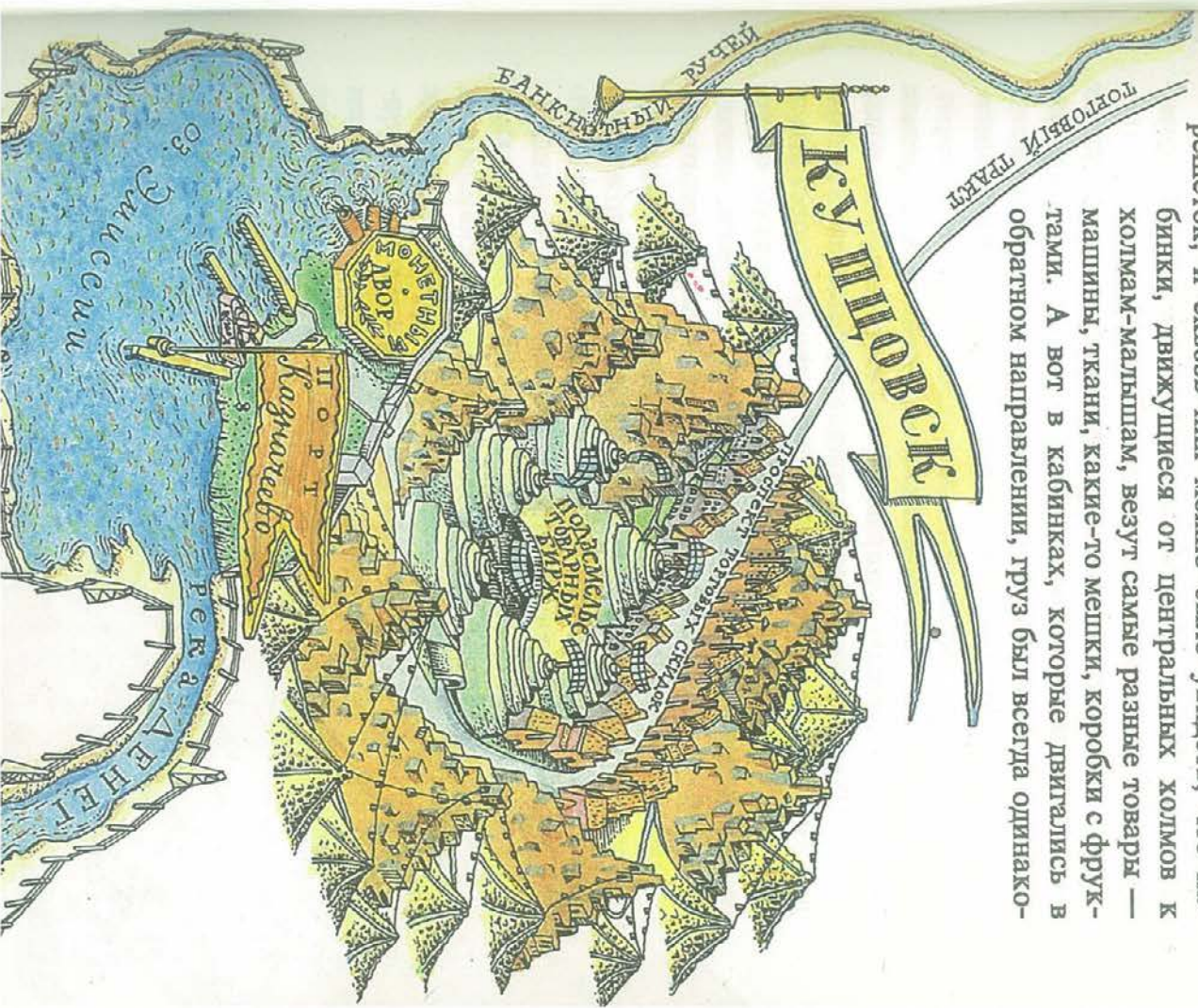
— А ты сама посмотри.

— Как?

— Очень просто. Я обнаружил в платяном шкафу нашего автодома настоящий морской бинокль. Можешь его достать.

Минут через пять Оля передала бинокль мне, и я

приложил его к глазам. Мощная оптика приблизила кабинки фуникулеров так, что казалось — они плывут прямо перед нами: протыни руку и догронешься. Оказалось, что стены кабинок сварены из металлических решеток, и сквозь них можно было увидеть, что кабинки, движущиеся от центральных холмов к холмам-малышам, везут самые разные товары — машины, ткани, какие-то мешки, коробки с фруктами. А вот в кабинках, которые двигались в обратном направлении, груз был всегда одинаково

живали поохотнее. Короче говоря, твои экономические интересы и экономические интересы владельцев розничных магазинов будут различными.

— А договориться никак нельзя? Например, ткань они у меня купят, а хранить я ее буду у себя на фабрике, на собственном складе?

— Хороший вопрос, вполне экономически грамотный. Но ведь, подумай, это и тебе невыгодно — надо строить при фабрике огромные склады, платить зарплату сторожам, заботиться, чтобы ткань при хранении не попортилась. Зачем тебе такие хлопоты?

— Что ж делать — не могут же быть и волки сыты, и овцы целы. Кто-то должен уступить, — рассудительно заключила Оля.

— Во все не так! Есть у этой задачки вполне разумное решение — оптовая торговля, которая становится посредником между изготовителем и продавцом. Оптовый торговец скупает всю большую партию ткани сразу, оптом и везет на свои склады. А уже оттуда он понемножку, в соответствии с регулярными заказами, развозит эту ткань по розничным магазинам. При этом он обслуживает сразу много магазинов, потому ткань и у него не залеживается. Удобно всем. И изготовителю — он сбыв ткань с рук, получил свои доходы и может больше ни о чем не думать, и розничным торговцам — на складе у них хранится минимум товаров и выбор в магазине обеспечен — оптовый торговец позаботится о широком ассортименте тех же тканей, заключив договоры со многими фабриками. Да и оптовый торговец не грустит — он нашел способ заработать себе на жизнь, и способ весьма неплохой, если только он ведет свое дело умело.

Похоже, что этот ответ удовлетворил Олю, и она замолчала. За этими разговорами мы миновали окраины Купцовска и выехали, судя по всему, на центральную улицу города — проспект Торговых Скидок. Стоявшие

вдоль этого проспекта дома были самой разной высоты, да и архитектура их была весьма пестрой. Но у всех зданий были две общие черты. Во-первых, каждое из них имело на крыше большой флюгер — символ товара (автомобиль или корову, станок или ботинок). Такие кованые эмблемы мы с Олей уже видели однажды, когда бродили по улочкам старого Галлина, — они означали профессию владельца какой-либо мастерской или информировали покупателя о том, какие товары продаются в данном магазинчике.

Более удивительной была вторая примета этих домов. В центр каждого из них был встроена толстый стеклянный стержень, начинавшийся где-то под землей и доходивший до самой крыши. Стержни были заполнены разноцветными жидкостями, и на них были нанесены метки, как на термометре. Собственно говоря, в первый момент мы с Олей и подумали, что это гигантские термометры. Но тут же заметили, что «температуру» все эти стержни показывают совершенно разную — в одних стержнях жидкость подступала почти к самой крыше, в других — не доходила до верха на 2 — 3 этажа, в третьих — едва достигала половинной высоты здания.

— Папа, если это термометры, то что они показывают? — Насколько я понимаю, эти «термометры» показывают уровень торговых скидок при продаже тех товаров, которые изображены на флюгерах. Понятно?

— Не-а, — покачала головой моя спутница. — А что такое «скидка»?

— Ну, это главное слово в Купцовске! Ради него тут все и крутится, потому что торговая скидка — источник доходов всех, кто занимается торговлей в любой стране мира. Смысл ее очень прост — изготовитель товара продает его купцам по цене ниже, чем заплатит потом покупатель. Эта разница в цене для торговли и для покупателя и называется скидкой. За ее счет торговцы покрывают свои собственные расходы по содержанию

магазинов, рекламе, оплате труда продавцов, а остаток от скидки становится их доходом...

— А у меня тогда вопрос есть! — перебила меня Оля. — Ты меня совсем запутал, и я теперь окончательно перестала понимать — какая же разница между купцом и спекулянтом? Получается, что оба богатеют за счет того, что продают товар дороже, чем купили?!

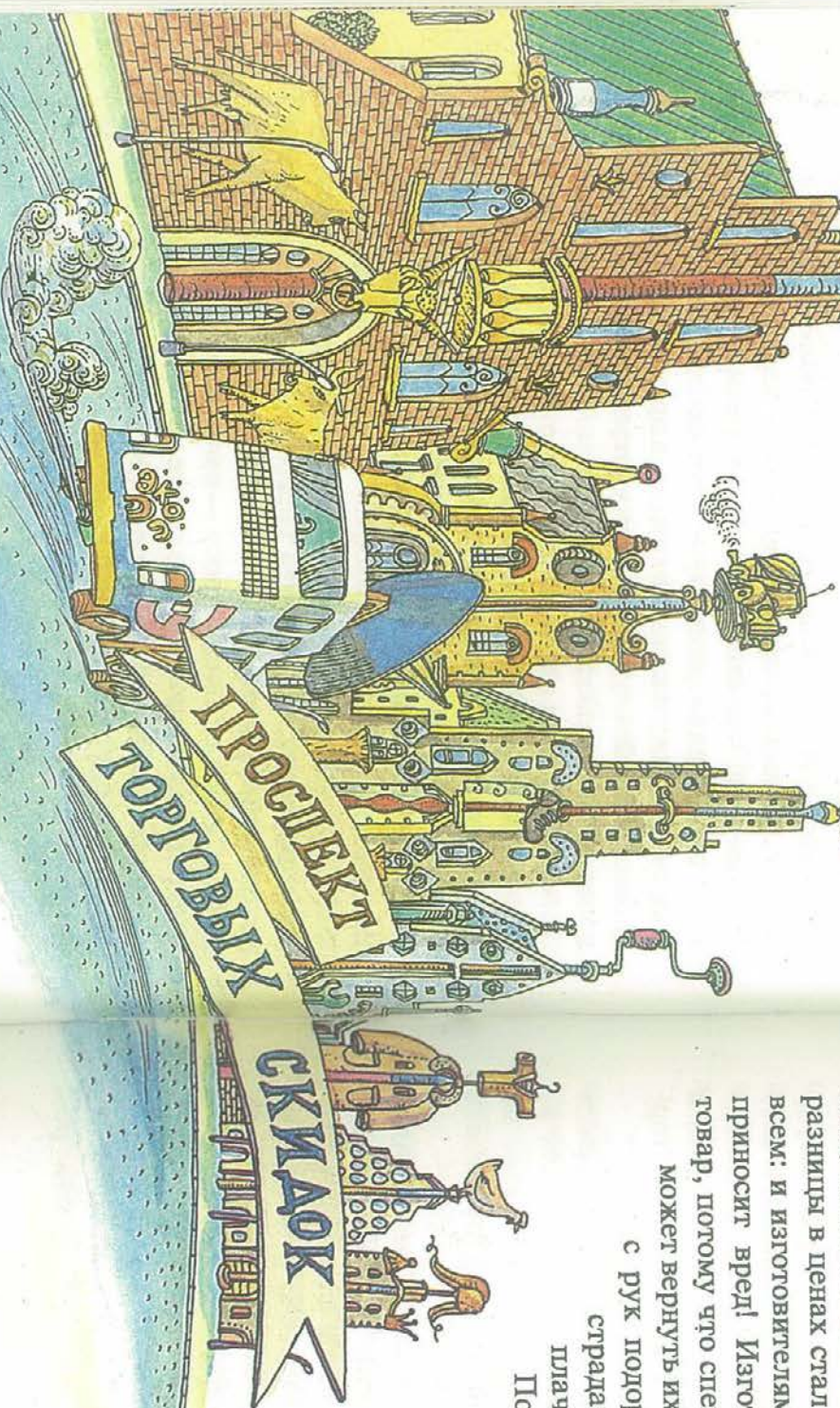
— Верно, но разница между ними очень большая. Купец старается продать товаров побольше и побыстрее. Пусть с каждого товара скидка в его пользу будет и невелика, но он свое возьмет за счет того, что продал товара много. А спекулянт, наоборот, старается купить много товара придержать на складе, чтобы он стал дефицитным, цены на него поднялись и спекулянтский навар от разницы в ценах стал побольше. Поэтому от купца польза всем: и изготовителям, и покупателям. А спекулянт всем приносит вред! Изготовители не могут продавать свой товар, потому что спекулянт уже вложил свои деньги и не может вернуть их до тех пор, пока не сбудет, наконец, с рук подорожавший товар. Ну а покупатели страдают тем более — им приходится переплачивать за нужную вещь вдвое-втрое.

Понятно?

— Более-менее, — уклончиво покачала головой моя собеседница.

— Тогда ответь мне на такой вопрос: а с какой такой стати вообще владельцу фабрики приходится в голову продавая купцам свой товар задепевать?

— Почему задепевать? — удивилась я. — Размер торговой скидки по

переезжать из одной трубы в другую. Эти шары-перекрестки попадались чуть ли не каждые пять километров, и, как мы вскоре поняли, сделано так было не случайно. Не успели мы еще как следует налюбоваться необычной картиной, как вдруг наша труба наполнилась нестройным гулом — это сигналили друг другу водители машин, требуя уступить дорогу к ближайшему шару-перекрестку. Дело в том, что почему-то все машины в нашей трубе вдруг решили ехать в совершенно ином направлении. Подгоняемые нетерпеливыми гудками сзади, мы тоже вынуждены были переехать в эту трубу и помчаться неведомо куда.

Через пять минут эта ситуация повторилась снова, а дальше мы уже сбились со счета, так часто приходилось менять нам свой маршрут. Вскоре мы поняли, что окончательно забылись и не знаем, как выбраться из этого странного подземелья. После часа бесплодного плутанья по загадочному подземному лабиринту я, наконец, стал догадываться, куда мы попали. Оставалось только соорудить — как отсюда выбраться? Но сосредоточиться на этом вопросе я просто не мог — слишком большого напряжения требовала езда в потоке машин, все время готовых изменить свой маршрут. Поэтому, когда в одном из шаров заметил маленькую площадку с надписью «Автосервис», не замедлил туда свернуть.

Пока нашу машину заправили бензином, я откинулся на спинку сиденья и попросил Олю помассировать мне плечи.

— Где мы находимся, папа? — спросила она, наконец, усиленно разминая мне шею.

— Насколько я понимаю, это подземелье Товарных Бирж. Я о нем слышал, но самому видеть его никогда не доводилось — на биржу обычно посторонних не пускают, здесь могут торговать лишь те, кто дал специальные экзамены и допущен биржевым комитетом...

— А разве здесь тоже идет торговля? — удивилась Оля, прервав на мгновение свою работу массажиста.

— Конечно, еще как! Даром что ли в этих трубах носится столько грузовиков. Товарные Биржи — это всемирный рынок, на котором продают простые товары, но зато — в огромных количествах. Здесь торгуют зерном, шерстью, хлопком, сахаром, нефтью — всем тем, что нужно всем странам мира и всегда.

— Подожди, но ведь если здесь идет торговля, то товары-то должны доставаться тому, кто их купил! А мы с тобой — и другие грузовики тоже — никак никуда не доедем, а только мечемся то туда, то сюда без всякого смысла.

— Э, нет, — улыбнулся я, — смысл в этом есть — и немалый. Вспомни о тех холмах наверху, которые стоят над этим подземельем.

— Это те, которые с радарами?

— Они самые. Я сразу-то не догадался, для чего они служат, а теперь сообразил. Дело в том, что эти радары самым непосредственным образом влияют на то, что происходит на подземных шоссе...

— Как это? Тут что, грузовики с радио, что ли?

— Похоже на то. Видишь ли, мир так огромен, что одним и тем же товаром торгуют на биржах, расположенных в разных странах.

Например, зерном торгуют биржевики Нью-Йорка, Лондона, Амстердама и Антверпена. Хлопок миллионными тоннами продают на биржах Ливерпуля, Гавра, Бремена и Нью-Йорка, а сахар — в Лондоне и Париже. И на каждой бирже в одно и то же время суток цены могут быть немножко

ТОВАРНАЯ БИРЖА —
это рынок, где торгуют
в огромных количествах
НЕ ЗАБЫТЬ!

иными — чуть выше или чуть ниже. Но ведь сделки заключаются на миллионы тонн, и это «чуть-чуть», умноженное на миллионы, превращается в огромные суммы. Вот поэтому на биржах вечно идет игра на разнице в ценах и, подчиняясь правилам этой игры, мечутся здесь под землей грузовики с товарами...

— Игра на ценах? — удивленно протянула Оля. — Это как это?

— Очень просто. Допустим, что какая-то страна собрала в этом году плохой урожай и, чтобы спасти от голода, ей надо продать крупную партию пшеницы у других стран. Ее представители явятся на биржу и начнут заключать договора о приобретении зерна. Значит, спрос на зерно на этой бирже увеличивается, и потому сразу же здесь подсакакивают цены. Об этом моментально узнают во всех биржах, и со всего мира продавцы зерна через своих представителей-маклеров направляют именно на эту биржу имеющиеся у них запасы. Из-за этого резко подсакакивает уже предложение зерна: оно становится больше спроса, и цены снова падают. Тогда зерно, которое не успели продать по повышенным ценам, снова отправляется в путь — туда, где в эту минуту цены самые высокие...

— Как сложно-то!

— Очень. И то я тебе рассказал лишь о самых простых сделках на биржах, а ведь здесь порой проводят такие сложные комбинации, что о некоторых из них даже книги потом пишут. Недаром профессия биржевого маклера — одна из самых сложных и высокооплачиваемых. Он ведь обычно получает часть выгоды, которую сумел обеспечить своим клиентам. И такая олата — ее называют комиссионными — порой составляет сотни тысяч и даже миллионы долларов. Люди, которые пытаются играть на бирже на свой страх и риск, чаще всего разоряются.

— Ясно. Вот только как нам отсюда выбраться — мы же с тобой не маклеры!

— Думаю, что нам пора вызвать помощь, иначе мы с тобой можем тут болтаться еще много дней, пока сумеем выбраться на поверхность.

Для вызова маклерского патруля мне пришлось снова воспользоваться помощью бортового компьютера и долго объясняться с биржевым комитетом, как это мы смели сюда забраться. Хорошо еще, что дело обошлось без штрафа — меня только отчитали за неразумную склонность въезжать в неведомые туннели. Затем нам было приказано следовать за лопманским автомобилем, который вывел нас на поверхность.

Дальше мы ехали по проспекту Торговых Скидок, прикидывая, где бы остановиться на ночь, как вдруг проспект кончился, а перед нами появилась огромная река, подвехать к которой мы не могли. Дело в том, что сколько хватало глаз — всюду река была отгорожена высоким забором с колючей проволокой. В заборе были ворота, а за ними, как мы поняли, — речной порт. Увы, ворота были закрыты.

Пришлось мне отогнать наш автодом на расположенную неподалеку автостоянку. Там мы и заночевали.

ТРАВЯ

В котловой привидная привидка,
По реке скакается
весьма ослепительный зандяшмен.

Т ретье утро нашего путешествия по стране Экономика началось с того, что мы пошли посмот- реть — не открылись ли ворота порта. Увы, они были затворены столь же плотно, как и вчера вечером. Вокруг не было никого, кто бы мог нам подсказать, как проникнуть за загадочную ре- шетку. В конце концов наше внимание привлекла телефонная будка, но когда Оля распахнула дверьцу, то оказалось, что в будке... нет телефона. Вместо него был установлен маленький компьютер. Я включил его, и на экране появи- лась надпись:

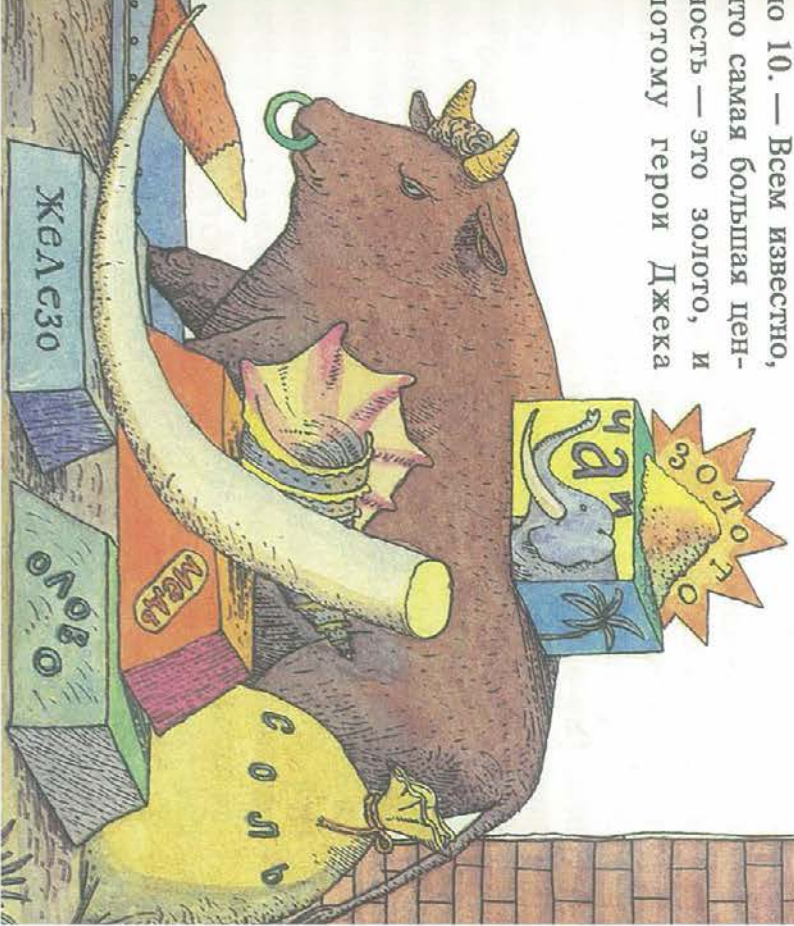
ПРОХОД НА ТЕРРИТОРИЮ
ПОРТА «КАЗНАЧЕЕВО»
РАЗРЕШАЕТСЯ
ТОЛЬКО ТЕМ, КТО ДАСТ

ПРАВИЛЬНЫЙ ОТВЕТ НА ВОПРОС:
КАКИЕ ИЗ ИЗОБРАЖЕННЫХ НИЖЕ ПРЕДМЕТОВ
МОГУТ ИЛИ МОГЛИ БЫ ИСПОЛЬЗОВАТЬСЯ

КАК ДЕНЬГИ?
НАБЕРИТЕ НОМЕР ВЕРНОГО
ОТВЕТА И НАЖМИТЕ «ВВОД»

А ниже на дисплее, аккуратно пронумерованные числами от 1 до 10, были изображены: бык, лиса, красивая витая раковина, слоновий бивень, три слитка металла с надписью на первом «железо», на втором — «медь» и на третьем — «олово», паучка чай, мешочек с надписью «соль» и, наконец, кучка песка, на которой было написано «золото».

— Ну, это даже я знаю, подумаешь, вопрос, — пренебрежительно усмехнулась Оля, набирая чис- ло 10. — Всем известно, что самая большая цен- ность — это золото, и потому герои Джека

Лондона готовы были перенести любые муки, лишь бы
намыть побольше золотого песка!

Увы, ответ компьютеру не понравился, и на экране
появилась новая надпись:

ПУТЕШЕСТВИЕ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ —

ВАШ ОТВЕТ НЕПОЛОН.

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ПРАВА НА ВТОРУЮ ПОПЫТКУ

РЕШИТЕ ЗАДАЧУ:

ДВОЕ КРЕСТЬЯН ПОДЕЛИЛИ МЕЖДУ СОБОЙ 7 РУБЛЕЙ,

ПРИЧЕМ

ОДИН ПОЛУЧИЛ НА 3 РУБЛЯ БОЛЬШЕ ДРУГОГО

СКОЛЬКО ДЕНЕГ ДОСТАЛОСЬ КАЖДОМУ?

ПРОСТАВЬТЕ ОТВЕТЫ В ПУСТЫЕ МЕСТА

И НАЖМИТЕ «ВВОД»

ПЕРВЫЙ КРЕСТЬЯНИН ПОЛУЧИЛ.....РУБЛЕЙ

ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИН ПОЛУЧИЛ.....РУБЛЕЙ

— Подумаешь, задача, — обрадовалась моя неунывающая спутница и быстро набрала на клавиатуре ответ (какой — определите сами, а проконтролировать правильность решения вы сможете, заглянув в конец книги). На этот раз она была права, и на экране вновь появилась рисунки с вопросом о деньгах. Теперь Оля думала больше и, набрав опять номер 10 — золотого, добавила к нему еще и те номера, под которыми были изображены лиса и слонный бивень. Но и этот ответ не удовлетворил компьютер, и на экране вспыхнула надпись:

ПУТЕШЕСТВИЕ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ —

ВАШ ОТВЕТ НЕПОЛОН.

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ПРАВА НА ТРЕТЬЮ ПОПЫТКУ

РЕШИТЕ ЗАДАЧУ:

КРЕСТЬЯНИН, ПОКУПАЯ ТОВАРЫ, СНАЧАЛА УПЛАТИЛ
ПЕРВОМУ КУПЦУ ПОЛОВИНУ СВОИХ ДЕНЕГ И ЕЩЕ 1 РУБЛЬ;

ПОТОМ УПЛАТИЛ ВТОРОМУ КУПЦУ

ПОЛОВИНУ ОСТАВИХСЯ ДЕНЕГ ДА ЕЩЕ 2 РУБЛЯ

И, НАКОНЕЦ, УПЛАТИЛ ТРЕТЬЕМУ КУПЦУ ПОЛОВИНУ

ОСТАВИХСЯ ДЕНЕГ ДА ЕЩЕ 1 РУБЛЬ.

ПОСЛЕ ЭТОГО ДЕНЕГ У НЕГО СОВСЕМ НЕ ОСТАЛОСЬ

А СКОЛЬКО ВООБЩЕ У НЕГО ДЕНЕГ БЫЛО ВНАЧАЛЕ?

У КРЕСТЬЯНИНА БЫЛО.....РУБЛЕЙ

ПРОСТАВЬТЕ ЦИФРУ И НАЖМИТЕ «ВВОД»

Над этой задачей Оле пришлось попотеть всерьез. Во всяком случае пока она, наконец, подсчитала, что у крестьянина вначале было...рублей (ответ попробуйте найти сами!), я успел наловину проглядеть раздел биржевых новостей в местной газете, которую купил неподалеку от входа в порт. К счастью, ответ оказался правильным, и компьютер предоставил нам третью попытку. На этот раз Оля решила рискнуть и набрала на клавиатуре все десять номеров с 1 до 10. Глаза ее при этом извергли молнии, и я ее вполне понимал: обидно было так споткнуться на вроде бы пустяковом вопросе.

Но какво же было Олиное удивление, когда этот ответ-вызов вдруг пришелся компьютеру по вкусу: в его передней стенке поднялась маленькая заслонка, а за ней лежал какой-то металлический жетон. Похоже, именно этот жетон должен был помочь нам открыть ворота порта.

Оставив Олю разбираться с тем, куда надо было вложить этот жетон, я отправился на стоянку за нашим автомобилем. Когда я подъезжал к порту, ворота уже медленно открывались — моя спутница воспользовалась жетоном, видимо, в точном соответствии с инструкциями. Минувая ворота и посадив Олю в кабину, я направил автомобиль вглубь порта, к причалам.

В этот ранний час они были еще пустынно. Только у центрального причала, крепко прихваченный толстыми канатами, слегка покачивался на волнах небольшой изысканный катер, на борту которого сияла надпись «КУПЮРА». По палубе его неторопливо ходили два бравых морячка, занимавшихся, судя по всему, подготовкой к отплытию. Мы подошли и познакомились. Моряка повыше звали Чек Бук, а низенький крепыш представился как Билл Вексель. Как оказалось, это и был весь экипаж «КУПЮРЫ», и через полчаса они действительно собрались плыть вниз по течению реки Денег.

Причину такого названия нам объяснить не пришлось — вместо воды в этой удивительной реке действительно текли, тихо шурша, мелкие денежные купюры. Иногда поток выталкивал на поверхность новенькие монеты, и они ярко вспыхивали в лучах солнца, прежде чем опять опуститься в глубину.

Чек и Билл охотно согласились прихватить нас с собой, а Билл загадочно обронил: «В таком плавании иностранец порой лучше своего...» Что он имел в виду, мы не поняли, а расспросить не успели, потому что Чек, который, похоже, был на катере за старшего, вдруг поднял руку, требуя тишины, и быстро поднес к уху переносной радиопередатчик, который болтался у него на груди. Судя по всему, он получил приказ о немедленном отплытии, потому что оба моряка вдруг засуетились, и мне пришлось бегом нестись на берег, чтобы успеть до отхода катера отогнать верно послуживший нам автодом на стоянку.

Через 10 минут «КУПЮРА» уже плавно скользила по денежному потоку, и вскоре холмы Купювска исчезли с горизонта. Картина пустынных берегов, обнесенных забором с колючей проволокой и «украшенных» только сторожевыми вышками, была скучной, и я, разнежившись на солнышке, прикрыл глаза. Из этого блаженного состояния меня вывела Оля.

— Папа, а почему этот порт так строго охраняли? Там же внутри ничего нет. Даже кораблей, кроме этого катера.

— А иначе и быть не может, — пожал плечами я. — Это же порт «Казначеево», и на его территории, в строго охраняемых подземельях, расположен Монетный Двор — место, где чеканят монеты и печатают мелкие бумажные деньги...

— А почему только мелкие, а крупные откуда берутся?

— Видишь ли, река Денег берет свое начало из Банкнотного ручья, что рождается в недрах пещеры, принадлежащей государственному, то есть самому главному, банку этой страны. Особенность Банкнотного ручья в том, что в нем текут только крупные денежные бумажки, которые удобны только при дорогих покупках, но малопригодны в булочной или в обувной мастерской. И потому Монетный Двор выпускает по подземным трубам здесь в реку мелкие бумажки и монеты. От этого река Денег разливается в Эмиссионное озеро, которое мы пересекли в начале своего плаванья.

— Какое звучное слово «эмиссионное» ... — медленно произнесла Оля, как будто пробуя это название на вкус.

— Звучное, — согласился я, — и очень важное. От уровня «водь» в этом озере (а он регулируется плотинной на Банкнотном ручье и задвижками на трубе Монетного Двора) зависит очень многое в стране Экономика. Размеры озера Эмиссии обсуждаются самими главными органами управления страной!

Это объяснение удовлетворило Олю, и она дала мне покой, перебравшись поближе к Биллу Векселю, который устроился на борту катера с длинным черпаком. Им он периодически зачерпывал из реки Денег новенькие купюры и монеты и выливал их в воронку

аппарата, который сразу принимался урчать, а на его пульте вспыхивали разноцветные лампочки. Кроме того, на аппарате был установлен крохотный радар, который все время поворачивался. Приглядевшись, я заметил, что такие же радарчики были установлены и на красных буйках, покачивающихся на просторах реки Денег. Заинтересовавшись этим непонятным устройством, я тоже подошел к Биллу и попросил его объяснить, что он делает.

— Я-то? — охотно откликнулся Билл, доставая очередную порцию своего денежного «улова». — Да вот, подкармливаю наш денежный анализатор. Прожорливый, будь он не ладен!

— А зачем он нужен? — решила задать вопрос и Оля.

— Так как же без него-то? — удивился вопросу Билл. — С его помощью мы проверяем, не попали ли в реку Денег фальшивые купюры. Это раз. Он проверяет скорость течения реки, собирая информацию с контрольных буйев. Это два. И самое главное — он определяет покупательную способность денег, текущих в этой реке.

— А это важно? — не отставала от него Оля.

— Еще как! — воодушевился Билл, почувствовав в нас благодарных слушателей. — Ну, про фальшивомонетчиков я говорить не буду — это понятно. А вот скорость течения реки Денег — это, я вам скажу, штука серьезная. Если река Денег начинает течь медленно, значит, где-то образовались тихие заводи, где деньги застаиваются и перестают работать. Например, люди зарплата-то получили, а купить на эти деньги нечего. Непорядок? Непорядок! Значит, надо сразу что-то делать. Вот чтобы таких сбоев не было, наш анализатор и ведет постоянное измерение скорости течения и передает информацию на берег, а уж в Купцовске-то ее ждут не дожидутся. От нее все тамашние сделки зависят — если деньги у людей застаиваются без дела, значит, надо срочно везти в магазинные новые товары, чтобы эти денюжки выманить. Ну,

главная проблема. Самое сложное — как при таких «де-нежках» платить за дешевые товары? Чем дачу-то давать?

— Телятами! — развеселилась моя спутница.

— Да уж — весьма удобная «мелочь»! А как учесть то, что телята могут иметь разный вес? Что ж, прикажетеезде таскать с собой весы для взвешивания скота? Вот, помаявшись с такими проблемами, человечество и стало искать удобные формы денег. И в конце концов главным денежным товаром стало золото. Уж больно удобным оно оказалось! И не ржавеет, и однородное. Значение имело и то, что золотого — тяжелый металл и потому даже маленькая монетка имеет большую ценность. Поэтому золото прекрасно смогло сыграть роль денег, став на многие века одной из главных сил в стране Экономика.

— Как это — сил?

— Видишь ли, став главным денежным товаром, желанным для всех людей, золото многим из них стало казаться вообще самым главным в жизни. Одни на него молились, другие прокинули как источник всех человеческих бед.

— А ты, папа, как думаешь — кто прав?

— Видишь ли, как экономист я отчётливо понимаю, что без денег человеческая цивилизация сегодня не смогла бы прожить и дня — все рухнуло бы. Хотя, конечно, тут не все так просто...

Мой рассказ был прерван странным гулом, который раздавался вдруг над рекой Денег. Прямо по курсу нашего катера из пучин реки Денег к небу медленно всплывала испанская статуя, отлитая из золота!

В лучах утреннего солнца она сияла нестерпимым блеском, который усиливался тем, что статуя непрерывно вращалась, обнаруживая свою необычную форму.

Дело в том, что статуя была... многогранной, напоминала тотемные столбы древних индейских племен. И на каждой грани — а их, как мы быстро подсчитали, было

пять — изображение было иным. Нет, менялось не лицо Бога Денег — оно на всех гранях было одинаковым, круглым и плоским, как стертая монета. Его оживляли лишь сверкавшие в глазницах огромные бриллианты, которые бросали на его щеки и губы изменчивые отсветы. От этого лицо становилось то угрюмым, то злобным, то насмешливым. Но добрым нам это лицо не показалось ни разу.

Разница же между гранями заключалась в том, что было у Бога Денег в руках. На одной грани он держал в руках агтекарские весы, на второй — колесо, на третьей — пачку денег (причем одна рука явно эту пачку давала, а вторая — брала). На четвертой грани в руках у Бога Денег был большой старинный сундук, запертый на замысловатый висячий замок. Но самой любопытной была пятая грань — там руки Бога Денег держали огромную монету ребром вверх, а на ребре этом каким-то чудом держалось изображение земного шара.

— Ух ты! — испуганно протянула Оля, не отрывая глаз от небывалого зрелища. — А почему он пятигранный? — В этом есть магический смысл... Видишь ли, деньги в стране Экономика играют пять разных ролей, и каждая из сторон этой статуи как раз и символизирует одну из этих ролей.

— И какие же роли играют деньги? — недоверчиво поинтересовалась Оля.

— Самая главная роль — роль Всеобщего Соизмерителя. Проще говоря, когда люди стали меняться плодами своих трудов, то постепенно на рынке сложились определенные соотношения обмена товаров друг на друга. Например, Карл Маркс в своей книге «Капитал» давал такие пропорции обмена товаров: 20 аршин холста = 1 скортку = 1 фунтам чая = 40 фунтам кофе = 1 квартеру пшеницы = 1/2 тонны железа. При этом любой товар из этой цепочки равенств мог быть обменен и на определенное количество

золота — в данном случае, насколько я помню, на 2 унции золота. Тогда-то и родились слова «на вес золота».

— А разве и сегодня платят золотом?

— Нет, теперь уже золотых монет не чеканят, повсюду полззуются только древним китайским изобретением — бумажными деньгами, но деньги по-прежнему единственноый универсальный соизмеритель всех видов человеческого труда. Об этом и напоминают руки с весами. Ну, а что означают руки с сундуком, как ты думаешь?

— Вообще-то в таких сундуках обычно прятали сокровища...

— Отлично, ты права. Эта сторона статуи Бога Денег показывает, что деньги — это символ накопленного богатства. Лучше всего эту роль деньги играли в те времена, когда их чеканили из золота или серебра. Сегодняшние бумажные деньги справляются с этой ролью куда хуже, и вместо них все чаще в экономическом спектакле роль Сокровища исполняют другие актеры.

— А какие? — сразу заинтересовалась Оля.

— Разные, — пожал я плечами. — Ювелирные изделия, драгоценные камни, произведения искусства и старинные вещи, земельные участки, короче говоря, все то, что менее бумажных денег подвержено страшному бедствию — инфляции.

— Что-то ты об этом говорил, но я уже не помню что.

— Даю, я думаю, что мы с тобой об этом еще разок поговорим, но попозже. Лучше ты мне скажи, что, по-твоему, означает земной шар на ребре монеты?

— Понятия не имею!

— Даю, сейчас объясню. Это символ одной из самых трудных ролей — роли Мировых Денег, роли посредника в торговле между разными странами. Ведь у каждой страны — свои деньги, или, как говорят экономисты, — своя национальная валюта: рубли, доллары, марки, фунты стерлингов, йены и так далее, и тому подобное.

— Папа, а почему нельзя было всем странам довориться и ввести одну валюту для всего мира? Как было бы удобно — приезжаешь в любую страну, а твои деньги и там годятся!

— Видишь ли, не все так просто. Дело в том, что издавна право выпускать деньги во всех странах принадлежит государству. И в этом есть большой смысл. Ты когда-нибудь задумывалась над тем, сколько стране нужно денег?

— Сколько стране нужно денег? — недоуменно переспросила Оля. — Да чем больше денег, тем лучше!

— Если бы... — покачал я головой. — На самом деле в любой стране должно быть ровно столько денег, сколько нужно для покупки продающихся в этой стране в течение года товаров. А если учесть, что каждая денежная бумажка успевает за год помочь нескольким покупкам, то денег нужно даже значительно меньше. Если денег слишком мало, то колесо торговли начинает скрипеть, как несмазанное. А если денег слишком много...

— Да разве может быть денег слишком много? — перебила меня Оля.

— Может, и ты, возможно, скоро увидишь, к чему это приводит. Но пока поверь, что для нормального хода дел в экономике любой страны обязательно должно быть строго определенное количество денег — и не больше, и не меньше. Обязанность же государства — следить за этим, когда оно печатает деньги. Вообще-то каждая выпущенная государством денежная бумажка — это справка о том, что на нее ты можешь в любой момент купить нужный товар.

— Ну и что? — не сдавалась Оля. — Так ведь если бы существовали единые мировые деньги, то уж тем более на них всегда можно было бы купить товар: не в этой стране, так в другой. Мир-то огромный, и если в Африке не хватает холодильников, то где-нибудь в Гренландии их наверняка полно.

— Все равно необходимо следить за соответствием количества денег и товаров. А кто это может сделать? Единое мировое правительство? ООН? Увы, в нынешнем мире каждое правительство доверяет только себе и потому обязывает граждан пользоваться только теми деньгами, которые им выпущены. А выпуск собственных денег — дело выгодное для любого правительства... Ими же государство может расплатиться за то, что нужно ему самому.

— Тогда я не понимаю, что такое — мировые деньги? Это что — золото?

— Да, когда-то золото действительно было мировыми деньгами, но уже много десятилетий нигде в мире не пользуются золотыми монетами. Их чеканят только для коллекционеров, но золото продолжает оставаться ценностью, и потому банки всего мира хранят в своих сейфах его запасы.

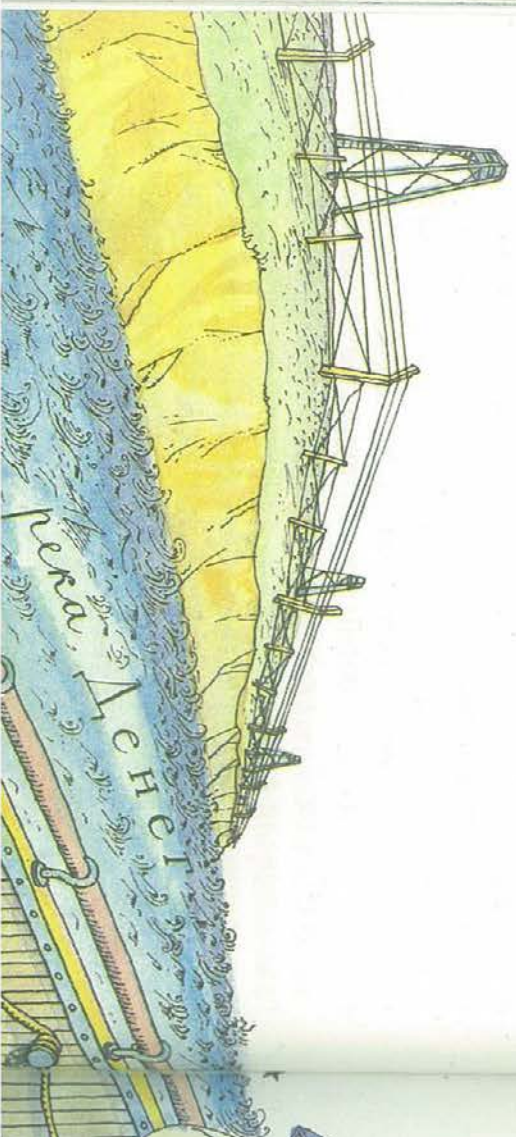
— Значит, и не золото... — обреченно вздохнула Оля.

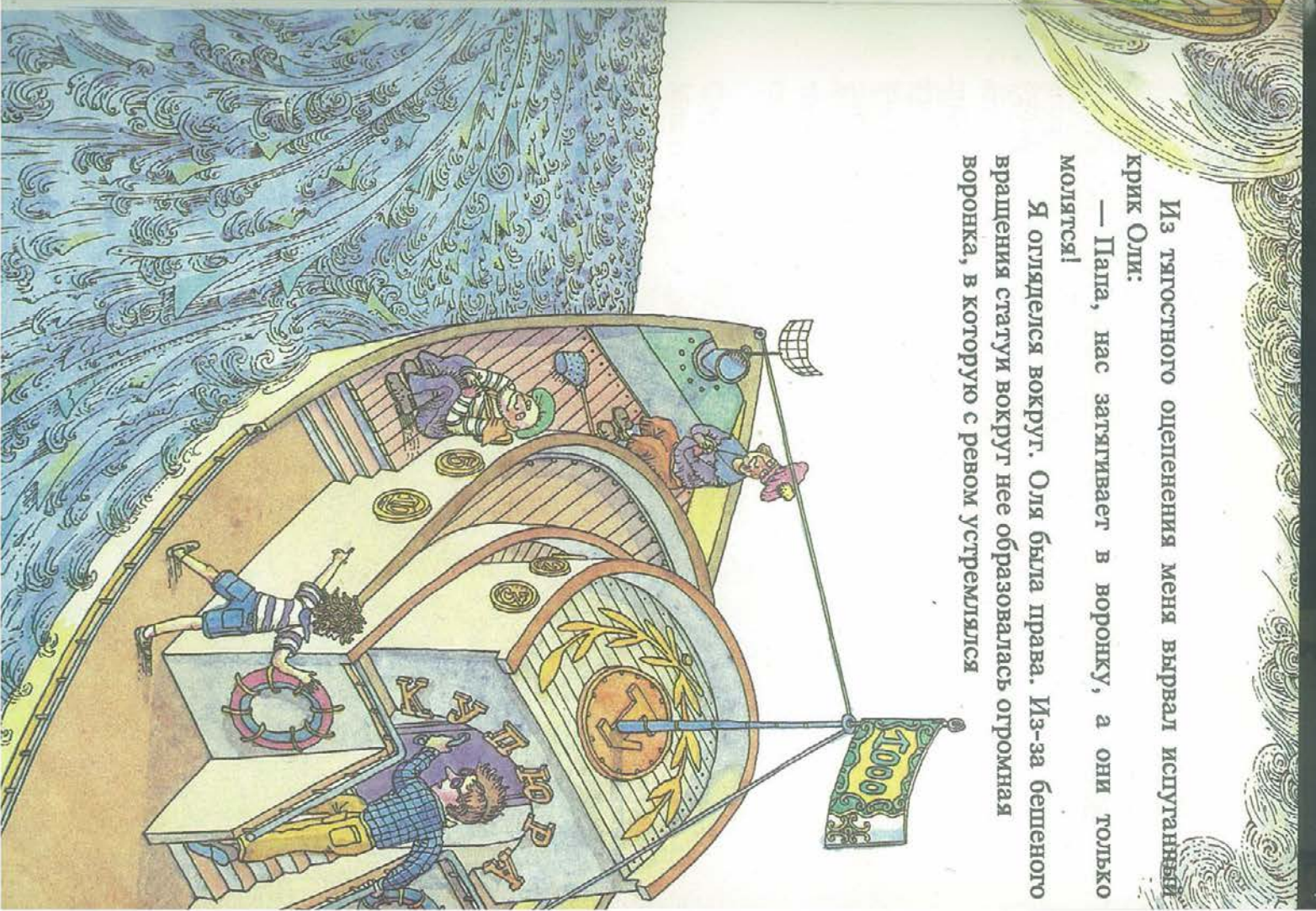
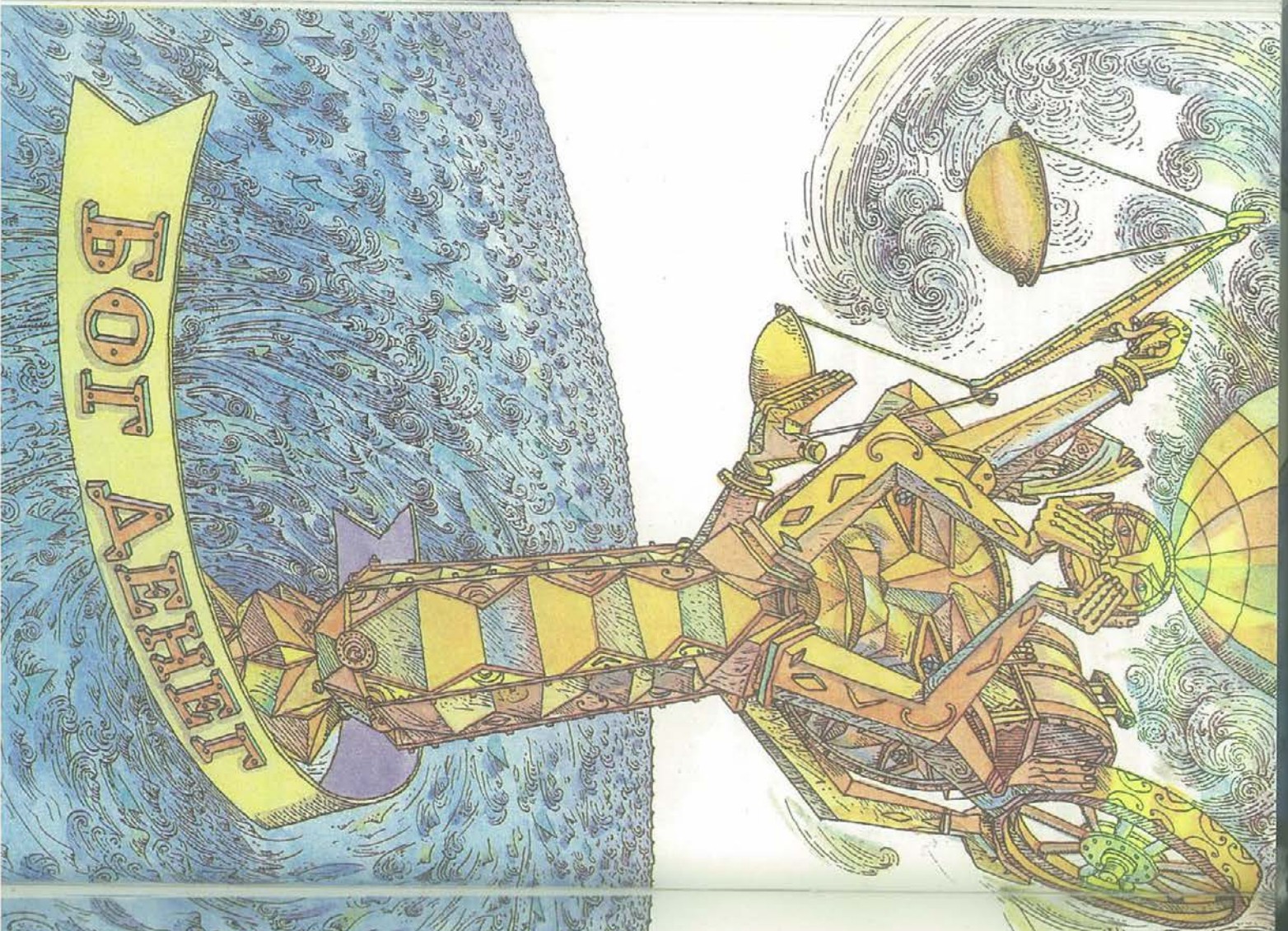
— Тогда что же все-таки годится на роль мировых денег?

— Сейчас такими мировыми деньгами стали национальные валюты самых богатых стран, где в избытке товары высокого качества. Добиться высочайшего авторитета своих денег, сделать национальную валюту конвертируемой, то есть годной для обмена на валюту любой другой страны мира, удалось только нескольким

богатейшим странам мира — США, Японии, Великобритании...

Перечень конвертируемых валют мне не удалось закончить. Дело в том, что скорость вращения статуи Бога Денег резко увеличилась, а сопровождавший ее гул перешел в тягостный свист, похожий на рев реактивного двигателя. Вид же самой статуи резко изменился: все, что было ниже шеи Бога Денег, из-за бешеного вращения слилось в ослепительно сверкающий золотой столб. Лицо же Бога, казалось, застыло на месте, но зато стало странно живым. Его глаза-бриллианты мерцали все сильнее и сильнее, и этот блеск властно завораживал и тянул к себе...

Из тлостного оцепенения меня вырвал испуганный крик Оли:
— Папа, нас загоняет в воронку, а они только молятся!
Я огляделся вокруг. Оля была права. Из-за бешеного вращения статуи вокруг нее образовалась огромная воронка, в которую с ревом устремлялся

денежный поток. Наш катер, подхваченный течением, тоже несло туда. Но Чек Бук и Билл Вексель, казалось, не замечали этого. Бросив управление катером на произвол судьбы, они сидели на корточках на палубе и неотрывно смотрели в лицо Бога Денег. Я бросился их расстегивать. Увы, это было бесполезно — они были в состоянии гипноза и не реагировали ни на что. В отчаянье я бросился в рубку катера, хотя мне никогда в жизни не доводилось управлять такими судами. Но бездействовать было нельзя — наш катер уже оказался во власти водоворота и начал все быстрее вращаться вокруг ревущей статуи. Я попытался вывернуть штурвал, нажимал на все кнопки, которые

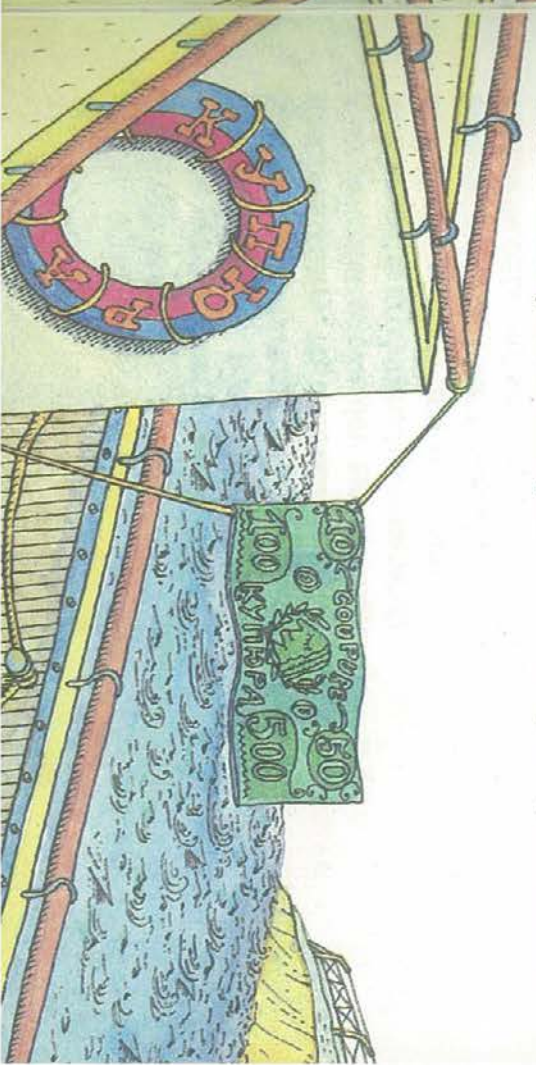
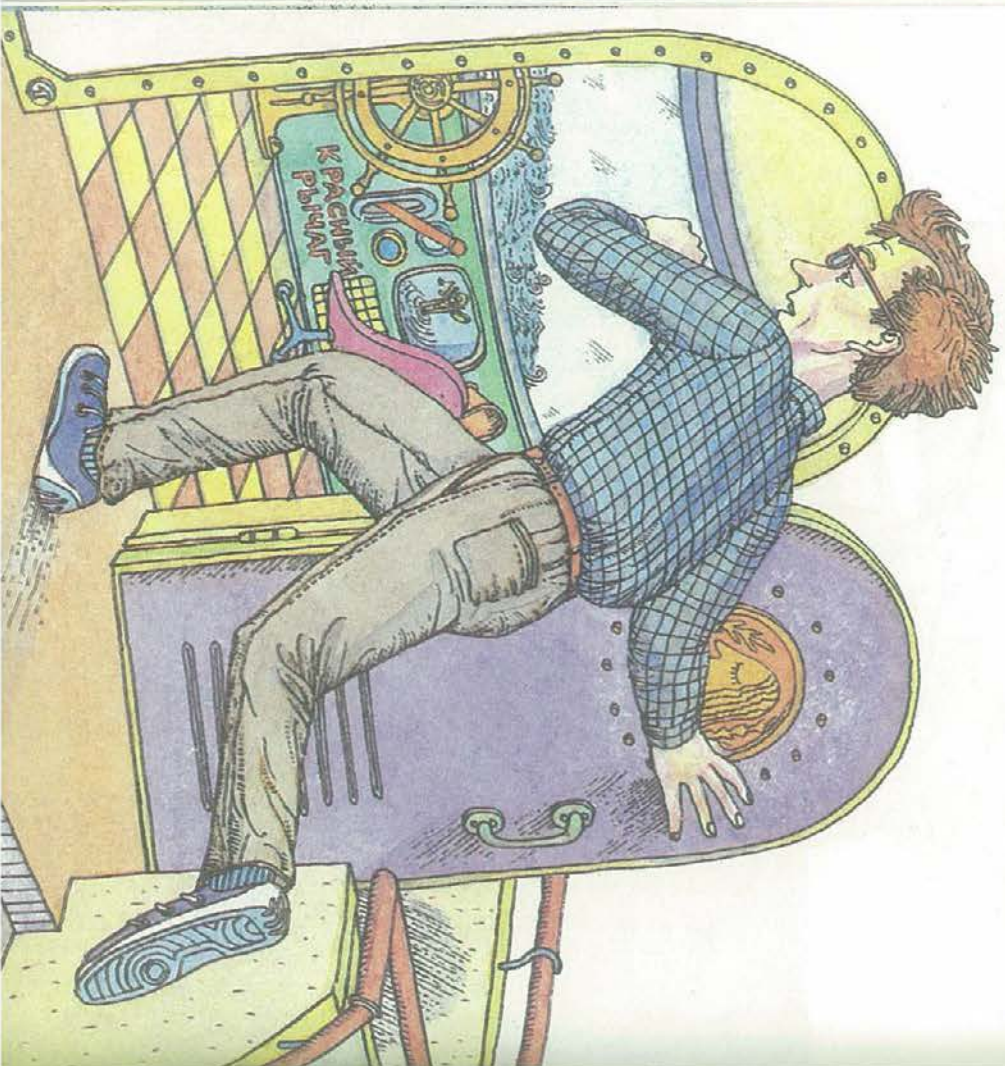
попадались мне на глаза, надеясь хотя бы бросить якорь и выиграть время. Все было без толку. Высунувшись в окно рубки, я приказал Оле срочно нацепить спасательный жилет и сам его надел. И тут заметил какой-то красный рычаг, утопленный в боковую стенку пульты управления катером. Терять мне было нечего, и я потянул за него изо всех сил.

То, что последовало потом, я помню плохо. Видимо, этот рычаг привел в действие аварийную компьютерную систему управления катером, а она включила мощные водометные двигатели, которые вырвали нас из водоворота. При этом катер резко рванул в сторону, и от толчка я потерял равновесие, упав и ударившись головой о стену. Удар был настолько силен, что я потерял сознание...

В себя я пришел оттого, что мне на лицо что-то капало. С трудом открыв глаза, я обнаружил, что это Олины слезы. Моя голова лежала у нее на коленях, а сама она сидела на полу рубки и, похоже, оплакивала и меня, и свою молодую жизнь, пропавшую ни за грош в стране Экономика...

Увидев, что я открыл глаза, она заплакала еще громче, пытаясь что-то рассказать мне. Но слезы мешали ей говорить, и я толком ничего не понял.

— Успокойся, — сказал я ласково и рывком сел. От этого голова у меня нестерпимо заболела, и я чуть снова не

— Может быть, конечно, это и слишком сильное слово, но резон тут есть. Сама посудя. Богатство общества создается лишь трудом всех его граждан. Экономическая жизнь общества очень напоминает упряжку волов, тянущую в гору тяжелую повозку. Если один из них будет тянуть вполсилы, то другим придется надрываться сверх меры. Если же все тянут усердно, то нагрузка на каждого поменьше, а повозка катится вверх быстрее. Иными словами, чем лучше трудится каждый, тем богаче живут все. С этим ты согласишься?

— Согласна. Ну и что?

— А то, что в стране Экономика каждому платят по труду. Если же человек выбирает себе позицию «не в деньгах счастье» и решает довольствоваться в жизни малым, черпая все радости только из книг, музыки, живописи, общения с друзьями, то и трудиться он будет без особого усердия — ему ведь не нужны большие заработки. Ты скажешь, что это спорное утверждение и такой человек все равно может работать хорошо просто потому, что он сознательный. Возможно, и все же подавляющее большинство людей работают не из сознательности, а из желания обеспечить себе и своей семье как можно лучшую жизнь.

— Ты меня опять запутал! То ты говоришь, что статья рабом Бога Денег и видеть счастье только в полном кошельке — страшная беда, то утверждаешь, что тот, кто не стремится к большим заработкам, вредит всем своим согражданам. Ты что же, не согласен с тем, что счастье — не в деньгах?!

— Знаешь, если бы за многовековую историю человеческой цивилизации кто-нибудь нашел способ обеспечить всем людям счастье и достаток без денег — сегодня мы видели бы деньги только в музейных витринах! Но в истории любой страны есть примеры того, что люди, нажившие крупные состояния, почти все свои деньги обратили на помощь людям или развитие науки и куль-

туры. Лучшая коллекция русского искусства — Третьяковская галерея — собрана и подарена Москве богатым купцом Павлом Васильевичем Третьяковым, купец Константин Сергеевич Станиславский создал прославленный Московский Художественный театр, а купец Шуккин основал Музей современного западного искусства, коллекция которого стала основой всемирно известного Музея изобразительных искусств имени Пушкина. Зажиточным коммерсантом был и великий ученый Фридрих Энгельс — друг и соратник Карла Маркса, а купец Савва Морозов давал деньги не только нищим художникам, но и партии большевиков...

— Я не понимаю, к чему ты клонишь?

— Да к тому, что к деньгам — если они зарабатываются честным трудом — нельзя относиться пренебрежительно. Главное не то, сколько ты получаешь денег, а как ты их зарабатываешь и на что тратишь. И чем выше твой трудовой заработок, тем достойнее ты уважаения. Ведь это означает, что ты вносишь больший, чем другие, вклад в процветание страны. Надо только правильно вырабатывать жизненную позицию — убеждаться от «золотой лихорадки», но и не заболеть «аллергией на деньги», когда всякого, кто стремится к большим заработкам, сразу же называют рвачом. Знаешь, русский народ придумал мудро поговорку «Не в деньгах счастье», но он же не менее мудро сформулировал и другую поговорку — «Тому хорошо живется, у кого денежка ведется». И мне кажется, что умнее всего поступает тот, кто живет, всегда помня обе эти поговорки, а не одну из них...

Я замолчал, потому что палуба ощутило качнулась у меня под ногами. Качку заметила и Оля. Она вопросительно посмотрела на меня в надежде, что я объясню ей, откуда на равнинной реке Денег берутся большие волны. К сожалению, мне нечего было сказать ей, и я лишь молча пожал плечами. Между тем качка становилась все

сильнее, и мы с Олей решили для безопасности покинуть палубу, укрывшись в рубке.

И вдруг впереди я увидел источник волн. На первый взгляд это напоминало небольшой фонтан. Но откуда взялся фонтану посередине реки?

— Что это за фонтан? — спросила Оля.

И вдруг я понял, что это такое, и уже открыл рот для ответа. Но тут фонтан вдруг взмыл к небесам, на наш катер накатила огромная волна денег, подхватила его, завертела и выбросила далеко на берег. И сразу же извержение прекратилось и все стихло. Правда, по реке денег еще катились пеннистые волны, но с каждой секундой они становились все меньше и меньше.

— Ух ты! Кораблекрушение! — от пережитого страха Оля даже раскраснелась. — Но как же нам обратно спустить катер на воду?

— Самим нам не справиться, — грустно сказал я, — надо вызывать помощь.

Катер наш лежал почти на боку, и подобраться по наклонной гладкой палубе к пультам управления оказалось совсем не просто. И все же, напоминая самому себе муху, я прополз несколько метров и, уцепившись за стойку штурвала, повис над пультом, лихорадочно выскивая клавишу вызова помощи. Увы, ничего похожего там не было — передо мной была лишь стандартная клавиатура компьютера. Делать было нечего, и я решил нажать клавишу F1, которая уже не раз помогала нам. Она сработала и на этот раз. На экране компьютера появилась рамочка с надписью:

ВЫЗОВ ПРИНЯТ. СООБЩИТЕ ПРИЧИНУ ВЫЗОВА:

1. НАПАДЕНИЕ БАНДИТОВ.

2. ПОЛОМКА КАТЕРА 3. КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ.

НАЖМИТЕ НУЖНЫЙ НОМЕР И КЛАВИШУ «ВВОД»

Я торопливо нажал нужные клавиши, и надпись в рамочке сразу изменилась:

ВЫЗОВ ПРИНЯТ.

ВЫСЫЛАЕМ ПЛАВУЧУЮ РЕМОНТНУЮ БАЗУ.

ЖДИТЕ ПОМОЩИ I ЖДИТЕ ПОМОЩИ I ЖДИТЕ ПОМОЩИ I

— Помощь придет, но придется подождать, — сообщил я Оле, отпуская стойку кабины и соскальзывая вниз по палубе, как по горке. — А пока давай-ка выбе-ремся на берег. Я только спущусь в кубрик, посмотрю, как там Чек и Билл.

К счастью, там все было в порядке. Ремни удержали их на койках, и они лежали там целые и невредимые. Глаза их наконец открылись, и теперь они просто спали крепким сном, приходя в себя. Выкарабкавшись из трюма, я спрыгнул на берег и сел на горячий песок рядом с Олей. Мы помолчали, каждый думал о своем. Оля загрустила.

— Папа, что с нами случилось? Мы потеряли кора-блекрушение, а ты мне даже не хочешь сказать, что это за страшный фонтан?!

Я понял, что обязан все объяснить дочери, которая очень повзрослела за время нашего путешествия, и я должен это учесть.

— Это не фонтан. Это подводный гейзер. Называется он Инфляционным и считается самым страшным бед-ствием для плавающих по этой реке. Впрочем, когда происходит его извержение, а оно порой бывает очень долгим, отзвуки его ощущаются по всей стране Экономика — от инфляции-то здесь никто не защищен...

— Подожди, подожди, папа, — перебила меня Оля. — Ты сначала мне объясни, что это вообще такое — инфляция, а то ты уже несколько раз о ней упоминал и никак не скажешь, что же это за беда-то такая?

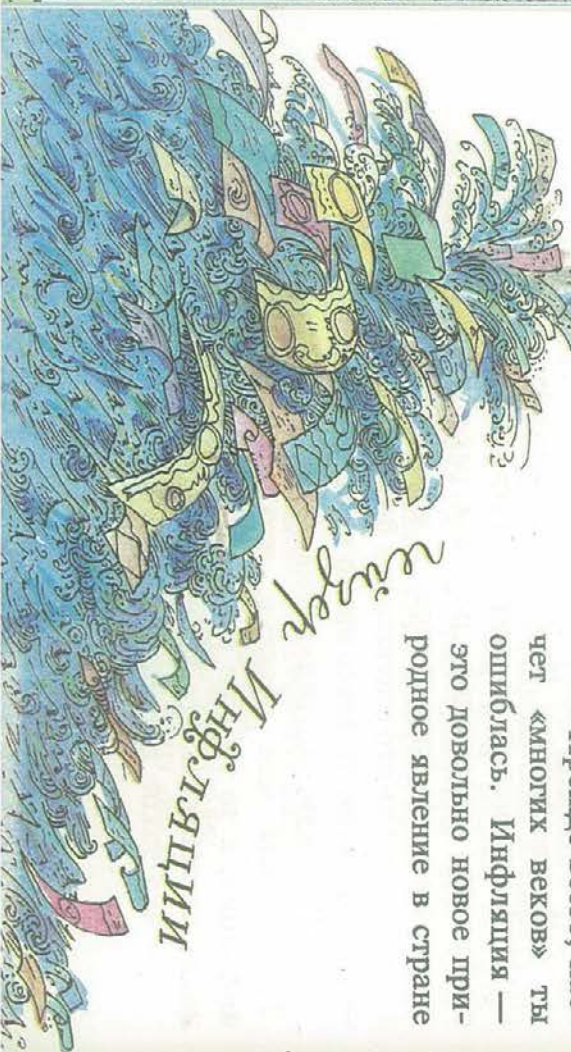
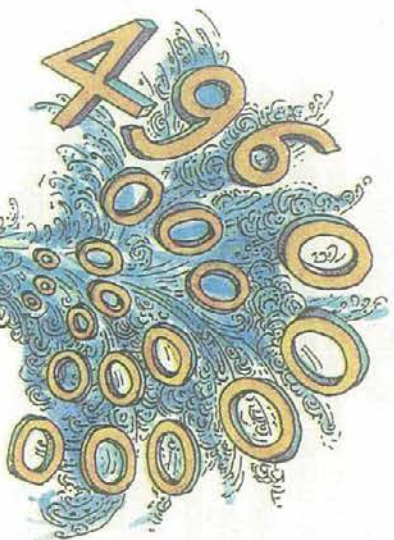
— Что такое инфляция... — задумчиво протянул я и

сет поудобнее перед тем, как начать свой рассказ. — Видишь ли, экономисты называют инфляцией наводнение на реке Денег, когда поток денежных знаков в ее русле становится слишком мощным и река выходит из берегов. Проще говоря, инфляция возникает тогда, когда денег становится слишком много, куда больше, чем их нужно для нормальной жизни в городе Рыночном. А ведь мы с тобой, если помнишь, уже договорились о том, что слишком много денег это не радость, а беда для страны Экономика.

Слишком много денег в стране — все равно что мало денег у каждого из ее граждан, потому что сразу взлетают до небес цены и деньги обесцениваются.

— Подожди, папа, — перебила меня Оля, — но неужели же за многие века существования страны Экономика здесь не научились справляться с такими наводнениями?

— Прежде всего, насчет «многих веков» ты ошиблась. Инфляция — это довольно новое природное явление в стране

Экономика. Она известна здесь всего лишь лет двести, с тех пор, как местные жители стали широко пользоваться бумажными деньгами.

— А почему так получились? Чем плохи бумажные деньги?

— Вообще-то они всем хороши, иначе бы не смогли во всем мире победить золотые деньги. Но есть у бумажных денег два крупных недостатка: их слишком легко вытискать и они плохо годятся на роль сокровища. Ведь для того, чтобы отчеканить золотую монету, надо сначала добыть нужное количество золота. А это всегда было сделать непросто: золото — металл редкий, да и добыча его требует больших затрат. И потом, золото нужно и стоматологам, и ювелирам, и в промышленности спрос на него всегда велик. Поэтому цена золота может расти, может снижаться, но никогда не может упасть слишком низко. А вот бумажные деньги сами по себе никакой ценности не представляют. Это всего лишь красиво напечатанные листочки бумаги. Из-за этого стоимость бумажных денег может оказаться даже ниже стоимости бумаги, на которой они напечатаны!

— Как это? — не поняла Оля.

— А вот так. Например, в Германии после первой мировой войны количество денег — марок — выражалось вот таким числом:

496 000 000 000 000 000.

— Это сколько же? — не поняла Оля, вглядываясь в число, начертанное мною на песке.

— 496 квинтиллионов. Чтобы справиться с таким количеством ничего не стоивших денег, их пришлось потом поменять на новые марки, причем сделать это таким образом, что за одну новую марку давали один триллион, то есть 1 000 000 000 000 старых марок. Ну-ка, попробуй посчитать, сколько стало в Германии обрабатываться марок после этой денежной реформы?

же иначе? Ведь для человека, который берет ссуду или, проще говоря, одалживается у банка, это очень ценная услуга — без такой ссуды он не может начать какое-то большое дело. И потому он готов заплатить за эту услугу — отдать банку часть прибыли, которую смог получить благодаря своевременной взятой ссуде. С другой стороны, если бы банк не платил тем людям, которые ему самому предоставили свои временно свободные деньги, — никто бы ему ни копейки не дал! Вот ссудный процент и помогает организовать дело так, что это выгодно всем: владельцу денег, банку-посреднику и тому, кто берет ссуду.

— И все-таки я не очень понимаю, как это получается, — честно призналась Оля.

— Да очень просто. Допустим, ты положила в банк тысячу рублей и я положил столько же. Банк, пригласив нас хранить свои деньги у него, обещал, что через год выплатит нам за пользование этими деньгами, допустим, 5 процентов от принадлежащих нам сумм...

— То есть по 50 рублей? — сразу подсчитала Оля.

— Совершенно верно. И вот после этого банк одалживает наши деньги какому-то предприятию, у которого их временно не хватает, например, потому, что оно не получило денежный перевод от покупателей своей продукции, а ему самому уже надо заплатить за новую партию сырья. Но банк одалживает ему деньги уже под 6 процентов, то есть предприятие берет 2 000 рублей, а вернуть должно 2 120 рублей. Из этих 2 120 рублей банк положит снова на наши счета по 1 000 рублей плюс по 50 рублей — наш про-

центный доход, а 20 рублей останутся ему — это уже его собственный доход. Если учесть, что суммы кредитов ежегодно измеряются сотнями миллиардов рублей, то не трудно понять, что и доходы тут образуются очень большие... Ясно?

Тем временем подошла наша очередь на шлюзование, и Джон уверенно направил катер в распахнутые створки шлюзовой камеры. Они задвинулись за нашей кормой, и уровень денежного потока стал потихоньку опускаться, а с ним и «КУПЮРА». Минут пять Оля с любопытством оглядывалась вокруг, а потом, похоже, однообразный процесс шлюзования стал ей неинтересен, и она повернулась ко мне.

— Пап, вот что хочешь, а я никак не пойму — банк-то за что деньги получает? Ну, хозяин денег — это еще понятно, хотя тоже — он же пальцем о палец не ударяет, а ему за то, что он богатый, еще и платят... Но банк-то вообще сбоку припека — у одного взял, другому передал, и получай денежки за здорово живешь!

— Это ты зря говоришь, — вступился я за честь банкиров всего мира. — На самом деле банковское дело — одно из самых сложных в стране Экономика, и доходы свои банки получают за дело. Во-первых, надо еще суметь собрать деньги, уговорить их владельцев доверять свои сбережения чужим людям. А во-вторых, и это самое трудное, ре-шить, кому и какую сумму денег можно дать в долг.

— И чего тут сложного? Надо давать деньги только честным и ловким хозяйственникам и все!

— Если бы

НЕ ЗАБЫТЬ!

НЕ ЗАБЫТЬ!

Эта книга, которую вы держите в руках, — это не просто книга, это книга, которая рассказывает о том, как работает экономика. Это книга, которая рассказывает о том, как работает экономика. Это книга, которая рассказывает о том, как работает экономика.

все было так просто...— улыбнулся я. — На самом деле решить — кому, сколько, на какой срок и под какой процент можно ссудить деньги, чрезвычайно сложно, и потому во всем мире банковские служащие оплачиваются очень хорошо, а умелый руководитель банка ценится воистину на вес золота. Более того, во многих странах именно банки играют главную роль в регулировании экономики.

— Да как же они могут это делать? Они же не могут приказывать, кому что делать, а кому чего не делать?

— Командовать не могут, тут ты права абсолютно, а управлять могут, решая, например, за какую плату одолживать деньги. Дело в том, что в нормально управляемой экономике самый главный дефицит — дефицит денег. Если экономика идет в гору, то денег всегда оказывается меньше, чем спрос на них со стороны деловых людей. Ведь каждый из них жаждет вложить в свои операции как можно большую сумму средств, чтобы и доходов получить побольше...

— Ох-хо-хо! — внезапно тяжело вздохнула моя спутница. — Неужели же в стране Экономика у всех людей один свет в окошке — деньги, деньги, деньги?! Прямо как в старинной песенке, которую я где-то слышала: «Всюду деньги, всюду деньги, всюду деньги, господа, а без денег жизнь плохая — не годится никому!»

— Опять ты о том же! — рассердился я. — Да пойми ты, что деньги сами по себе ни плохи, ни хороши. Но если они помогают людям жить с каждым днем все лучше, все легче, благодаря тому что с их помощью делаются нужные людям товары, за что же их клеймить? Страна Экономика устроена так, что почти везде заработать большие деньги можно лишь делая то, что нужно людям. Да, одни люди при этом оказываются несравненно богаче других и присваивают себе больше, чем по справедливости заслужили. И это одна из главных бед страны Экономика, с которой еще

предстоит в будущем справиться. Но если бы люди вообще не стремились зарабатывать большие деньги или им это не позволяли, то бедно жили бы все — потому что никто бы особенно себя не утруждал.

В этот момент выпуклые створки шлюза начали, наконец, раздвигаться, и еще через пять минут мы уже швартовались к причалу, над которым светилась крупная надпись «ГОРОД ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ».

Простившись с Джоном, мы устроились на ночлег в портовой гостинице. Был уже поздний вечер, но трубы не прекращали своей работы ни на минуту, напоминая огромных удавов, которые никак не могут напиться.

— Это и есть кредитные каналы? — тихо спросила Оля, встав около меня у раскрытого окна. — Как же их много! Неужели никто не может обойтись без того, кто одолживает деньги?

— Никто, — подтверждающе кивнул я головой. — Кредитами пользуются практически все, кто ведет сколько-нибудь серьезные дела в стране Экономика. Да и отдельные люди тоже охотно берут ссуды на свои личные нужды. Кредит — штука выгодная. Если, конечно, ты ведешь свои дела с умом! Кредит — это ведь прежде всего выпрыши времени: ты можешь начать дело или купить нужную тебе вещь сразу же, сегодня, не дожидаясь, пока у тебя наберется нужная сумма собственных денег. А жизнь-то коротка, да и потом — ты можешь ведь и не набрать никогда такой суммы! Начав же дело на основе кредита, ты потом легко расплатишься с банком из полученных прибылей. И ты разбогател, и банк с доходом, а значит, получает прибавку к своим деньгам и те, кто положил свои сбережения в банк на депозит, то есть на хранение... Впрочем, хватит разговоров, — прервал я сам себя, — пора спать. Завтра нам предстоит осмотр города Деловых Людей, и надо как следует отдохнуть.

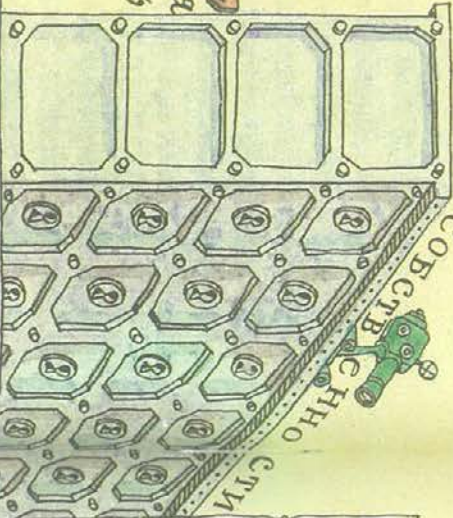
И я решительно выключил свет в комнате.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

*в которой нам пришлось
стать юрфки и карефки,
а в конце концов
ночевать в дремели
тодземелсе.*

Стена

Собств. Стено

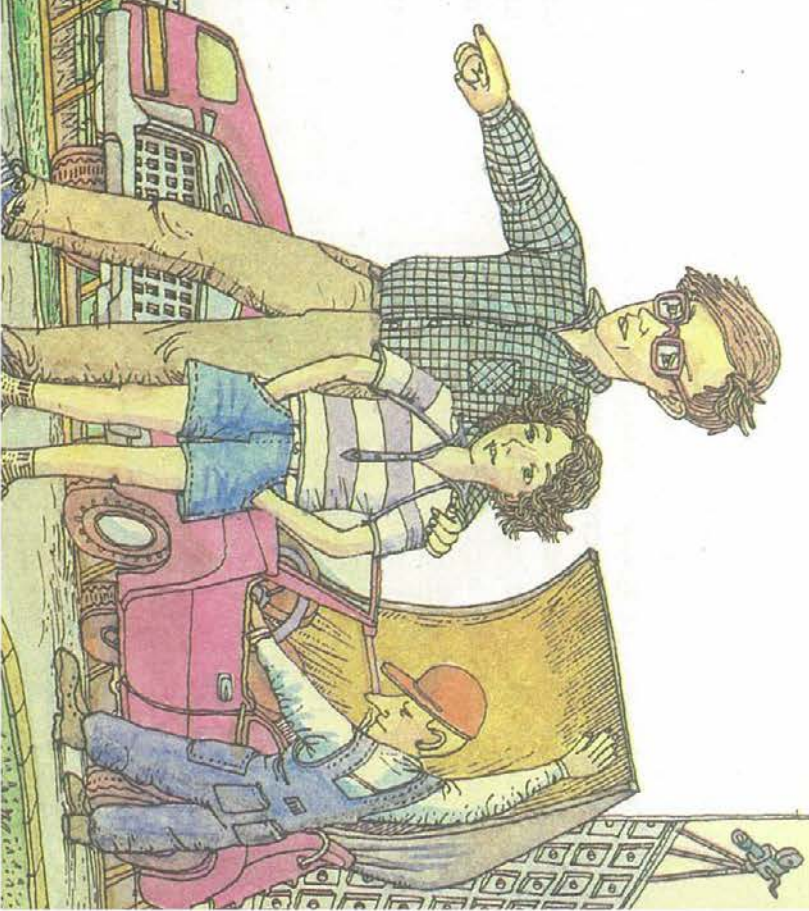
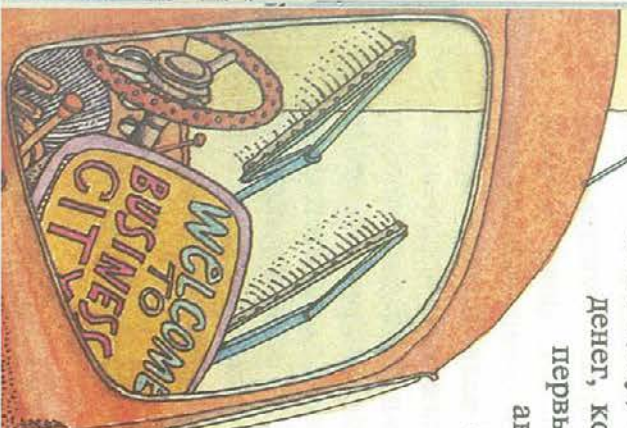

гром, позавтракав, мы вышли из гостиницы, чтобы отправиться на осмотр города Деловых Людей. Оглядевшись по сторонам, мы обнаружили, что рядом с гостиницей есть два пункта проката, где можно на время взять в пользование автомобиль. Один пункт предлагал своим клиентам роскошные спортивные лимузины с откидной крышей, хозяин этого пункта почти уже уговорил нас воспользоваться именно его услугами. Но когда он назвал свою цену, я только прищелкнул языком — денег, которые были оставлены для нас в первый день неведомыми хозяевами в автомобиле, нам бы хватило лишь на два часа такой шикарной поездки.

Пришлось двинуться ко второму пункту проката. Автомобили здесь были не первой молодости, но зато и плата за них, которая шла в доходы городских властей, была несравненно ниже.

Взятый нами на прокат автомобиль был весь изукрашен рекламными объявлениями разных фирм. Например, коврик на сиденье водителя сообщал: «На мне — хоть вокруг света!», а на лобовом стекле красовалась надпись: «Сквозь наши стекла мир особенно красив!» Но главное — машина была достаточно комфортабельна и даже снабжена встроенным компьютером, который, как оказалось, должен был исполнять роль экскурсовода. К своим обязанностям он приступил сразу, едва я повернул ключ зажигания. Компьютер сразу весело затикал, загружая программу работы, и на его экране появилась надпись на русском и английском языках:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ГОРОД ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ!
WELCOME TO BUSINESS CITY!

Затем приветствие рассыпалось на крохотные звездочки, из которых родилась новая надпись:

ПРИГЛАШАЕМ ВАС НА ЭКСКУРСИЮ

ПО НАШЕМУ ГОРОДУ!

ДЛЯ НАЧАЛА РЕКОМЕНДУЕМ ОЗНАКОМИТЬСЯ

С ОБЩИМ ПЛАНОМ ГОРОДА —

КЛАВИШИ «ВВОД» + «0».

ПЛАНОМ РАЙОНА «БИЗНЕС-СИТИ» —

КЛАВИШИ «ВВОД» + «Б».

ПЛАНОМ РАЙОНА «ХОЗРАСЧЕТОВО» —

КЛАВИШИ «ВВОД» + «Х».

ВЫБРАВ РАЙОН ДЛЯ ОСМОТРА, НАЖМИТЕ КЛАВИШУ «INS»,

А ПОТОМ ОДНОВРЕМЕННО:

КЛАВИШИ F1 И «Б» — ДЛЯ ОСМОТРА «БИЗНЕС-СИТИ».

КЛАВИШИ F1 И «Х» — ДЛЯ ОСМОТРА «ХОЗРАСЧЕТОВО»

Оля нажала клавиши «ВВОД» и «0», и на экране вспыхнул план города Деловых Людей. Города с такой странной планировкой мы никогда не видели.

Словно разрезанное пополам яблоко, он раскинулся по обе стороны от стены, рассекшей его посередине. Оба района города были одинаковыми по размерам и внешним очертаниям. Районы были со всех сторон окружены широкими рвами с водой, и въехать в них можно было только через одни ворота, обращенные к порту.

— Город-крепость... — протянула Оля, глядясь в экран дисплея.

— Похоже, — согласился я. — Но нас туда головы пустишь, хотя здесь и не очень жалуют праздных гуляк. Здесь живут люди, для которых девиз «Время — деньги!» — не пустые слова. Ну что, будем рассматривать планы каждого из районов или сразу поедем на осмотр «БИЗНЕС-СИТИ»?

— Поедем! Что зря время терять...

Я коснулся рекомендованных компьютером клавиш, и на экране возник план района «БИЗНЕС-СИТИ». При этом на него уже был нанесен красной пунктирной линией наилучший маршрут экскурсии. Два я тронул автомобиль с места, как на этой линии вспыхнул зеленый квадратик, который, как мы вскоре поняли, должен был показывать местонахождение нашего автомобиля в данный момент. С таким компьютерным лопманом ехать было одно удовольствие, и вскоре мы уже лихо промчались сквозь ворота, ведущие в «БИЗНЕС-СИТИ».

А еще через несколько минут, после очередного поворота шоссе, мы подъехали почти вплотную к той громадной стене, которая делила город Деловых Людей пополам.

Впрочем, сказать, что мы подъехали к этой стене вплотную, можно было лишь с натяжкой. На самом деле к ней и подойти-то было нельзя — от шоссе ее отделял глубокий ров. А за ним высился забор из нескольких рядов колючей проволоки, натянутой между сторожевыми вышками, на которых были установлены крупнокалиберные пулеметы. На обочине шоссе высился огромный дорожный указатель:

Такую серьезную охрану мы в стране Экономика увидели впервые — даже река Денег охранялась слабее. Не удивительно поэтому, что Оля оробела и попростила меня остановиться.

— Зачем здесь такая охрана? Это что — секретный завод? Или здесь хранят золото?

— Ни то ни другое, — улыбнулся я. — Хотя, если ты присмотришься, то увидишь, что вся стена действительно состоит из сейфов для хранения ценностей. Но лежат в этих сейфах не золотые слитки, не бриллианты, а... бумага.

— Бумага? — недоверчиво повернулась ко мне Оля. — Обычная бумага?

— Конечно, не обычная. Здесь хранятся документы, которые подтверждают право жителей «БИЗНЕС-СИТИ» владеть, пользоваться и распоряжаться землей, лесами, фабриками, магазинами, банками и многим еще другим. Проще говоря, в этих сейфах лежат права местных жителей на частную собственность, с помощью которой они зарабатывают деньги.

— А что такое частная собственность?

— О, это такое основ всей жизни в «БИЗНЕС-СИТИ»!

— А почему?

— Видишь ли, именно право частной собственности обеспечивает получение некоторыми жителями «БИЗНЕС-СИТИ» больших доходов. Чтобы ты не запуталась, сразу скажу, что есть собственность личная и собственность частная. Личная собственность — это твое имущество, которое нужно тебе для жизни, например одежда, поезда, личный автомобиль и даже собственный дом. Но вот если ты поку-

паешь грузовой автомобиль, который будешь использовать для перевозки грузов за плату, — этот грузовик уже считается твоей частной собственностью. Я понятно объясняю? Ты улавливаешь разницу?

— А чего тут сложного, — небрежно повела плечом Оля, — частная собственность — это то, что используется для получения заработка, верно ведь?

— Вот именно, — удовлетворенно кивнул я головой. — И потому для богатых граждан «БИЗНЕС-СИТИ» частная собственность куда важнее личной. Личная собственность может сторесть, ее могут украсть. Это несчастье, но если ты сохранил свою частную собственность, то получишь от нее новые доходы и восстановишь утраченное. А вот если тебя лишат частной собственности...

Договорить я не успел — компьютер издал резкий звук и на экране вспыхнула рамка с надписью:

ПРОЕЗЖАЙТЕ ДАЛЬШЕ !!!

СТОЯНКА У СТЕНЫ СОБСТВЕННОСТИ ЗАПРЕЩЕНА.

ОХРАНА СТРЕЛЯЕТ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ !!!

Таких строгостей я не ожидал. Но спорить было некогда, и через мгновение наш автомобиль снова мчался по шоссе, удаляясь от стены из сейфов. Вскоре над дорогой мы увидели большой указатель:

НЕ ЗАБЫТЬ!

Главный поворот налево — и мы оказались на широком проспекте, застроенном небоскребами с зеркальными стеклами.

— Роскошные здания! — протянула Оля, с интересом оглядываясь вокруг.

— Конечно. Тут же все напшиповано деньгами — едем то мы с тобой по проспекту Капитала.

— «Капитал» — это, кажется, по-английски значит «столица»? — решила блеснуть своей ученостью моя спутница.

— Верно, но к названию этого проспекта такое знание данного слова никакого отношения не имеет. Предок у этих слов общий — латинское слово «капиталис», что означает «главный». Вот только в «БИЗНЕС-СИТИ» слово это приобрело значение не географическое, а сутоубо экономическое. Оно стало обозначать действительно самое главное для тех людей, которые здесь живут.

— И это, небось, опять деньги, — иронически усмехнулась Оля.

— Да, деньги, но не простые, а...

— Золотые! — хихикнула Оля.

— Работающие, — не дал я сбить себя с возвышенного тона.

— Как это «работающие»? — искренне удивилась Оля. — Как же это бумажка может работать, у нее же и рук-то нет?!

— Это ты не права — денежка даже же рознь, хотя и отличаются они только номерами и сериями. В стране Экономика — и особенно в городе Дело-

бенно в городе Дело-

вых Людей — жители четко различают

деньги живые и мертвые, деньги-лентяи и деньги-труженики, деньги реальные и деньги «дутые», как воздушный шарик. Иначе и быть не может — без тонкого чутья на деньги, чутья не хуже, чем у создателя дамских духов, — стать деловым человеком невозможно. Истинный бизнесмен должен отличать деньги, пахнувшие убытками, от денег, источающих сладостный аромат доходов.

— Странно, — задумалась Оля. — Мне-то казалось, что деловой человек занимается прежде всего не деньгами — он же не банкир, так? Он должен делать ДЕЛО — создавать заводы, организовывать выпуск товаров, налаживать их перевозки и продажу. Конечно, без денег ему не обойтись, это я понимаю, но это, по-моему, все-таки не главное. Или нет?

— Или нет! — передразнил я ее. — В конечном счете деловые люди занимаются именно тем, о чем ты говорила, но деньги для них вовсе не второстепенная забота, как тебе кажется, а самый главный инструмент в работе. Деньги нужны всем, на них можно купить все и потому, когда они попадают в руки деловому человеку, то сразу начинают действовать как магнит и притягивают к себе все, что нужно для организации любого ДЕЛА. Такие деньги получают титул КАПИТАЛА, а капитал в «БИЗНЕС-СИТИ» — главный двигатель деловой жизни. Это и есть работающие деньги, в отличие от денег-лентяев, лежащих мертвым грузом в сундуках у «скупых рыцарей».

Если бы надо было придумать девиз для жителей этого рай-она, то лучше всего им подошли бы слова, написанные великим Уильямом Шекспиром:

Ким Уильямом

Шекспиром:

Ким Уильямом

Шекспиром:

*Зарытый клад ржавеет и гниет,
Лишь в обороте золото растмет!*

— Как — в обороте? — не поняла Оля.

— Видишь ли, капитал тем и отличается от просто денег, что он все время в движении, заставляя крутиться всех жителей страны Экономика. Его вкладывают в дело, чтобы купить станки, металл, заплатить рабочим и так далее. И этот вечный кругооборот капитала — основа жизни здешних горожан, которые тратят все свои силы, чтобы кругооборот не прекращался ни на минуту!

Убаюканный безукоризненным асфальтом проспекта Капитала, я набрал большую скорость, но неожиданно пришлось резко затормозить, потому что внезапно я обнаружил, что пути вперед нет — проспект уперся в высоченную решетку. С визгом тормозов наш автомобиль застыл, едва не врезавшись в нее. То, что мы увидели, поразило нас.

За решеткой простиралась большая площадь, с трех сторон огражденная высокой стеной из черного мрамора. Поверхность этой стены была украшена золотыми знаками, в которых я узнал символы денег разных стран и изображения наиболее знаменитых монет всех времен и народов. На площади было много фонтанов, из которых били разноцветные денежные потоки, вздымаясь в высоту метров на пятнадцать. Но главная диковинка была расположена в самом центре площади. Там, облицованный разноцветным мрамором, находился огромный бассейн, а в центре его возвышался большой стеклянный купол, увенчанный хрустальным шпилем. Видимо, искусные мастера нанесли на шпиль тончайшие алмазные грани, потому что в лучах солнца он переливался всеми цветами радуги, бросая блики и на камни площади, и на мраморную стену. Бассейн был так велик, что по нему свободно плавали лодки с такими же, видимо, как мы, экскурсантами.

Надо ли говорить, что мы захотели к ним присоединиться, чтобы поблизи рассмотреть купол и то, что было под ним. А о том, что под куполом было что-то интересное, неопровержимо свидетельствовал маршрут экскурсионных лодок — все они, выстроившись в цепочку, медленно плыли вокруг основания купола.

Увы, когда мы вышли из автомобиля и попытались найти вход на площадь, все наши поиски оказались безуспешными. В решетчатой стене не было даже самой маленькой калитки. Правда, мы обнаружили мощный подъемник для экскурсионных лодок, и в его «лапе» на земле как раз была свободная лодка. Но вокруг не было ни каски, ни экскурсовода, которые могли бы объяснить нам, как запустить подъемник, чтобы он перебросил нас через стену и доставил до бассейна. В конце концов на свой страх и риск мы забрались в лодку сами.

Едва мы опустились на сиденья, задев, наверное, какие-то скрытые датчики, как на приборной панели лодки ожил компьютер. Загрузив пусковую программу, он издал мелодичный сигнал, а на его экране появилась надпись:

ДОПУСК НА ЭКСКУРСИЮ

ВОКРУГ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО КУПОЛА

РАЗРЕШЕН ТОЛЬКО ТЕМ, КТО ДАСТ ПРАВИЛЬНЫЙ ОТВЕТ

НА СЛЕДУЮЩУЮ ЗАДАЧУ:

СТАРИК ОТЕЦ ПРИЗВАЛ К СЕБЕ ДВУХ СЫНОВЕЙ — ГАНСА И

ПИТЕРА И СКАЗАЛ: « Я РЕШИЛ ОСТАВИТЬ ВСЕ СВОЕ

НАСЛЕДСТВО ТОМУ ИЗ ВАС, КТО СУМЕЕТ ЛУЧШЕ ВЕСТИ

СОЗДАННОЕ МНОЮ ДЕЛО. И ПОТОМУ Я ХОЧУ ВАС

ИСПЫТАТЬ.

Я ДАЮ КАЖДОМУ ИЗ ВАС ПО ТЫСЯЧЕ ДУКАТОВ

И ОТПУСКАЮ НА ГОД. РОВНО ЧЕРЕЗ ГОД ВЫ ДОЛЖНЫ

ПРИЙТИ КО МНЕ И РАССКАЗАТЬ, КАК ИСПОЛЬЗОВАЛИ

ЭТИ ДЕНЬГИ И ЧЕГО ДОБИЛИСЬ».

СПУСТЯ ГОД СЫНОВЬЯ ПРЕСТАЛИ ПЕРЕД ОЦОМ
И ГАНС СКАЗАЛ: « ОТЕЦ, Я КУПИЛ КАРЕТНУЮ
МАСТЕРСКУЮ, СТАЛ ПОСТАВЩИКОМ КОРОЛЕВСКОГО ДВОРА
И ЗА ГОД ПРОДАЛ КАРЕТ НА 1000 ДУКАТОВ».

« А Я, — СКАЗАЛ ПИТЕР, —
КУПИЛ ГОНЧАРНУЮ МАСТЕРСКУЮ И ЗА ГОД ПРОДАЛ
ГОРШКОВ НА 500 ДУКАТОВ».

КОМУ ИЗ БРАТЬЕВ ОТЕЦ ЗАВЕЩАЛ ВСЕ СВОИ ДЕНЬГИ?
ВПИШИТЕ В КОНЦЕ СТРОКИ ИМЯ ЭТОГО БРАТА
И НАЖМИТЕ КЛАВИШУ «ВВОД»

ЕСЛИ ВАМ НУЖНО:

УВИДЕТЬ ПОРТРЕТЫ БРАТЬЕВ — НАЖМИТЕ КЛАВИШУ F2.
ВКЛЮЧИТЬ МИКРОКАЛЬКУЛЯТОР — НАЖМИТЕ КЛАВИШУ F3.

ПОЛУЧИТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ ИНФОРМАЦИЮ —
НАЖМИТЕ F1

Оля решила посмотреть портреты братьев. Она нажала клавишу F2, и текст задачи растаял на экране, сменившись портретами Ганса и Питера. Ганс предстал на экране одетым в изысканный старинный костюм, с толстой золотой цепью на шее. Питер был одет куда скромнее, хотя тоже вполне добротно. Белго взглянув на братьев, Оля выполнила задание компьютера и уверенно впечатала в указанное место имя «ГАНС», а потом нажала клавишу «ВВОД». Экран потемнел, и на нем появилось изображение некоего старика, наверное, отца Ганса и Питера. Старик огорченно покачал головой и исчез с экрана, а вместо него появилась надпись:

К СОЖАЛЕНИЮ, ВАШ ОТВЕТ ОШИБОЧЕН.
НАСЛЕДНИКОМ СТАЛ ПИТЕР.
У ВАС ОСТАЛСЯ ПОСЛЕДНИЙ СПОСОБ ПОПАСТЬ
НА ЭКСКУРСИЮ!

ДЛЯ ЭТОГО ВЫ ДОЛЖНЫ ОТВЕТИТЬ —
ВО СКОЛЬКО РАЗ ЛУЧШЕ
ПИТЕР ИСПОЛЬЗОВАЛ ПОЛУЧЕННУЮ ИМ ТЫСЯЧУ ДУКАТОВ
ПО СРАВНЕНИЮ С ГАНСОМ?

ВПИШИТЕ ВАШ ОТВЕТ НА ПУСТОЕ МЕСТО В КОНЦЕ СТРОКИ
И НАЖМИТЕ КЛАВИШУ «ВВОД» ЕСЛИ ВАМ НУЖНО:
УВИДЕТЬ ПОРТРЕТЫ БРАТЬЕВ — НАЖМИТЕ КЛАВИШУ F2.

ВКЛЮЧИТЬ МИКРОКАЛЬКУЛЯТОР —
НАЖМИТЕ КЛАВИШУ F3.
ПОЛУЧИТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ ИНФОРМАЦИЮ —
НАЖМИТЕ F1

— Как это Питер? — удивилась Оля. Ганс же выручил за проданные товары в два раза больше денег, так? Значит, он организовал свое дело лучше. Ведь даже сам король сделал его своим поставщиком. А этой чести, ты мне сам говорил, удостоивались лишь самые лучшие коммерсанты. И одет он на портрете куда богаче...

— Ну, одежда еще ничего не значит, — пожал я плечами. — Да и звание королевского поставщика хотя и почетно и говорит о высоком качестве товаров, но само по себе еще не свидетельствует о коммерческом успехе.

— А что свидетельствует? И как тогда надо рассуждать?

— Для начала давай-ка попробуем запросить у компьютера дополнительную информацию, — угловатая и от прямого ответа на этот вопрос, — тогда видно будет. Ведь не зря же компьютер предложил нам такую возможность...

НЕ ЗАБЫТЬ!

К А Т А
то деньги, которые вкладываются в дело,
только зарплатами все больше и больше,
небывающая в спанки потам товарам,
наверное в деньгах, но чисте
наверное в деньгах, но чисте
КАПИТАЛА

Оля послушно коснулась клавиши F1, и на экране компьютера появился новый текст:

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ БРАТЬЕВ

ЗА ГОД:

ГАНС: ИЗГОТОВИЛ 5 КАРЕТ, ПРОДАЛ КАЖДУЮ
ЗА 200 ДУКАТОВ.

СЕБЕСТОИМОСТЬ ОДНОЙ КАРЕТЫ 180 ДУКАТОВ.

ПИТЕР: ИЗГОТОВИЛ 1000 ГОРШКОВ, ПРОДАЛ КАЖДЫЙ
ЗА 0,5 ДУКАТА.

СЕБЕСТОИМОСТЬ ОДНОГО ГОРШКА 0,3 ДУКАТА

— Какое смешное слово — «себестоимость», — вдруг удивилась дочь. — А «тебестоимость» или «имстоимость» может быть?

— Во все оно не смешное, — не поддался я на Олину игру словами. — А очень даже важное для делового человека — ведь им обозначают то, во сколько обошлось фабрике или мастеру-одиночке изготовление товара. Вот, например, Питер продавал каждый горшок за полдукката.

Но это же не значит, что вся эта выручка могла быть им использована как вздумается, например на развлечения или покупку новой шляпы. Во все нет, потому что 0,3 дуката у него каждый раз уходило на

расплату за ту глину, которую он купил для горшков, и дрова, которые он купил для своего гончарного горна, где он обжигал эти горшки. Значит, свободными из каждых полдукката у него оставалось лишь 0,2 дуката. Это была уже его собственная прибыль.

Вот теперь и скажи, кто из братьев хозяйствовал лучше?

— Да? — удивленно взглянула на меня Оля. — Только я все равно не понимаю, как же это можно подсчитать...

— Ладно, я тебе помогу. Вот смотри, как рассуждают профессиональные экономисты и деловые люди, когда решают такую задачу. Значит, так. Давай прежде всего уточним, сколько каждый из братьев получал прибыли от продажи одной штуки своего товара — кареты и горшка. Про Питера мы уже выяснили, а сколько получал Ганс?

— 20 дукатов, — сразу выпалила Оля. — 200 дукатов минус 180. Верно?

— Да, конечно. Теперь нам надо подсчитать, сколько же всего прибыли получили Ганс и Питер за год. Это ты можешь подсчитать сама?

— А чего тут сложного, — пожала плечами Оля. — Умножить прибыль с одной штуки на количество карет и горшков и получится... получится... Получится, что Ганс заработал 100 дукатов прибыли, а Питер — 200. Это что ж, горшки принесли прибыли в 2 раза больше, чем королевские кареты?! Вот это да!

— Неожиданно, не правда ли? — усмехнулась я. — Но в стране Экономика так чаще всего и бывает — самые большие деньги зарабатывает не тот, кто делает самые дорогие товары, которые и купить-то могут немногие, а тот, кому удалось выпустить большое количество товаров, пусть даже и дешевых.

Тут все как у пчел — каждая приносит крохотную порцию пыльцы, но поскольку пчел очень много, то в итоге набирается полный улей душистого меда.

А теперь нам остается сделать последний ход в ре-шениии задачи...

НЕ ЗАБЫТЬ!

НЕ ЗАБЫТЬ!

Наклонившись над компьютером, Оля уверенно нажала несколько клавиш, вводя решение. Сразу же мотор подвешенника ожил, металлическая лапа, в которой находилась наша лодка, начала медленно подниматься вверх, и вскоре она уже закачалась на денежной глади бассейна.

Я осмотрел лодку и увидел на передней панели 4 разноцветные кнопки. На зеленой было написано «Осмотр купола», на красной — «Окончание осмотра», на голубой значилось слово «Потружение», а на белой — «Всплывтие».

— Багтошки! — всплеснула руками Оля. — Это что — подводная лодка?!

— Похоже, — слегка обескураженно ответил я. — Но давай пока нырять не будем, а внимательно осмотрим купол, ладно?

— Ладно, — согласилась моя спутница и коснулась клавиши «Осмотр купола». Наша лодка сама включила мотор и уверенно поплыла прямиком к прозрачной стене купола, около которой она сделала плавный поворот и двинулась почти вплотную к стеклу, давая нам возможность любоваться открывшейся картиной.

А посмотреть тут действительно было на что! Купол, оказывается, был врезан в свод гигантского подземелья, на

дне которого раскинулось большое озеро идеально круглой формы. В него «выпадали» четыре мощные денежные реки, мчавшиеся по толстенным стеклянным трубам. Только в одной трубе, которая, как мы поняли, началась где-то под проспектом Капитала, денежный поток заполнял весь объем трубы. В других же трубах, насколько мы видели, уровень денежного потока был куда ниже, и по его поверхности плыли баржи и лодки. — Что это, папа? — прошептала Оля, восторженно разглядывая подземное озеро.

— Это сердце «ВИЗНЕС-СИТИ» — бункер Крутооборота

Капитала. Именно здесь каждый житель ежедневно сдает экзамен на деловую хватку, именно здесь определяется, как

каждый из них будет жить завтра. — Но что же здесь происходит, в этом бункере-то? — По-моему, здесь крутится такая же воронка денег, как у статуи Бога Денег, вот и все...

— Ничего подобного! Сходство чисто внешнее. На самом деле крутооборот денег и крутооборот капиталов — две совершенно разные вещи. Здесь ведь деньги, ставшие капиталом, затягивают в свой плен не случайных путешественников, какими были мы с тобой на реке Денег, а

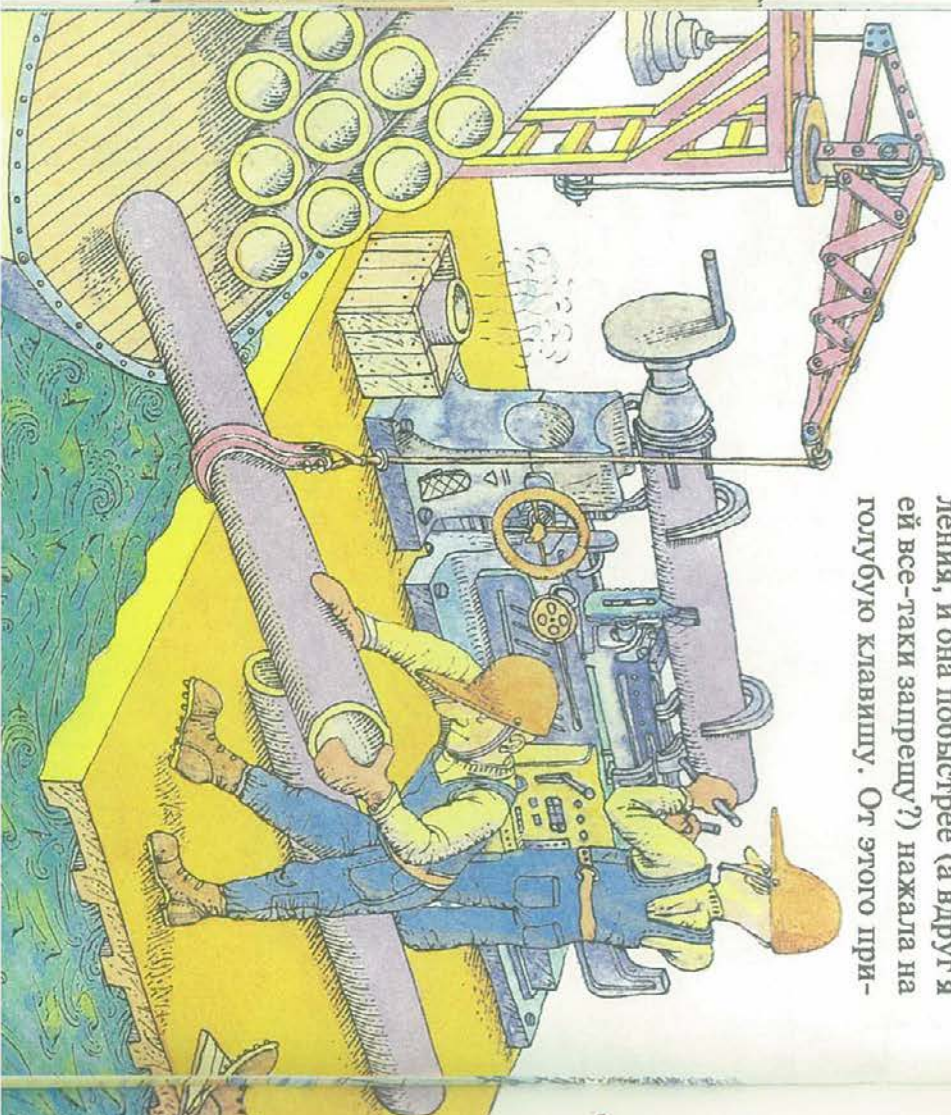

все то, без чего невозможно организовать производство товаров. Сюда по трубам, ведущим от главных рынков страны Экономика: Рынка Труда, Рынка Машин, Рынка Материалов и Рынка Денег, поступает все то, что нужно деловому человеку для того, чтобы начать делать товары.

— Папа, — перебила меня Оля, — а давай туда нырнем! Ну, можно я нажму на кнопку «Погружение», ну пожалуйста!

— Я не знаю, — неуверенно пожал я плечами, — вообще-то этот бункер не такое безопасное место, как тебе кажется...

Но мои слова не произвели на Олю должного впечатления, и она побыстрее (а вдруг я ей все-таки запрещу?) нажала на голубую клавишу. От этого при-

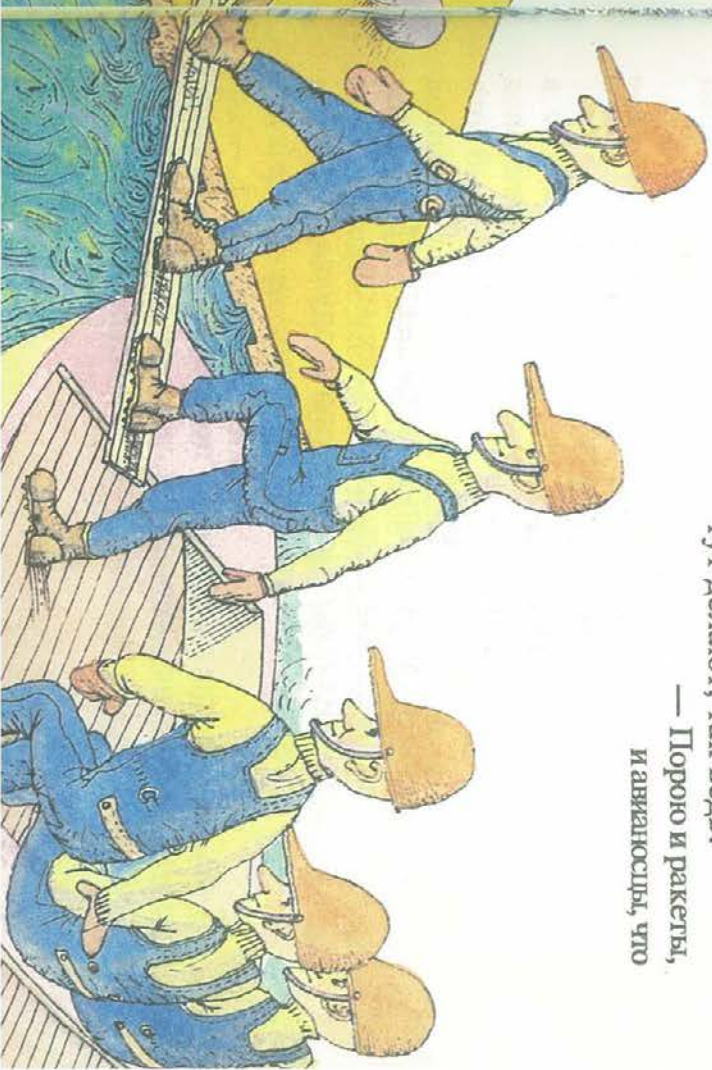
косновения наша лодка замерла как вкопанная, и из ее кормы начала быстро выплывать стеклянная крыша. Как только она полностью закрыла кабину, наш кораблик начал погружаться в денежный поток. Пока шло погружение, делать нам было совершенно нечего, и даже мелькавшие иногда во тьме силуэты других подводных лодок не вносили разнообразия в наше ожидание.

— Послушай, папа, — прервала молчание Оля, — а зачем вообще все это сооружение устроено под землей? Разве не проще было просто вырыть каналы и сделать искусственное озеро на поверхности земли?

— Проще-то проще, но вот было ли бы это лучше? Видишь ли, подземелье, в которое мы с тобой сейчас спускаемся, это довольно секретное место, и посторонние глаза здесь никому не нужны...

— Секре-е-етное?! — удивленно протянула Оля. — И что ж тут может быть секретного-то? Подумаешь, собирают вместе рабочих, станки и металлы, чтобы что-то сделать. Не ракеты же тут делают, так ведь?

— Порою и ракеты, и авианосцы, что

закажут, — кивнул я, — но дело, конечно, не в этом. Просто деловая жизнь всегда связана с массой секретов, их так и называют — коммерческие тайны. Любая фирма обязана отчитываться о результатах своей работы, но вот как она добивается успеха — это ее тайна. Вокруг ведь много конкурентов, и никто не хочет, чтобы они узнали о том, какими способами удалось завоевать покупателей, по какой цене продан товар и какие планы есть у фирмы на будущее. А конкуренты, наоборот, стараются все это выведать и занимаются промышленным шпионажем.

Я замолк, потому что в этот момент мы оказались, наконец, на просторе бункера Крутооборота Капитала. Едва мы вылезли из трубы, как наш бортовой компьютер издал резкий сигнал и на его экране вспыхнула надпись:

ПОГРУЖЕНИЕ ЗАКОНЧЕНО. ДО ВСПЛЫТИЯ ВАМ НАДО УПРАВЛЯТЬ

ЛОДКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНО. НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ЗАДАЕТСЯ

КЛАВИШАМИ. СКОРОСТЬ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ДЛИТЕЛЬНОСТЬЮ НАЖАТИЯ НА КЛАВИШУ «ВВОД».

АВАРИЙНЫЙ ЗАПАС ПРОДУКТОВ И ВОДЫ — В СЕЙФЕ ПОД ВАШИМИ СИДЕНЬЯМИ.

ЧТОБЫ ЕГО ОТКРЫТЬ, НАЖМИТЕ КЛАВИШУ F1. ВНИМАНИЕ!!!

НАЖАТЬ КНОПКУ «ВСПЛЫТИЕ» ВЫ СМОЖЕТЕ ЛИШЬ В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ СУМЕЕТЕ ПОПАСТЬ В ОДНУ ИЗ ТРУБ ПРИБАВОЧНОГО ПРОДУКТА. ЖЕЛАЮ КОММЕРЧЕСКОГО УСПЕХА !!!

— А это что еще за трубы? — повернулась ко мне Оля, которую сообщение компьютера, видимо, удивило, но не напугало.

— Думаю, что это вон те трубы, которые ты увидишь, если поднимешь голову выше.

— Но они же над уровнем денег в этом бункере! Как же мы можем туда влечь?

— Видишь ли, время от времени уровень денежной массы здесь повышается, и тогда эти трубы начинают работать. Более того, можно сказать, что ради этих труб и сооружен весь этот гигантский бункер. Они предназначены для отсоса прибавочного продукта — источника всех богатств в стране Экономика. Дело в том, что периодически стоимость содержания этого бункера становится больше, чем была раньше, до того, как новая порция капитала была потрачена на организацию выпуска товаров на этих плавучих платформах-пристанях.

— А как же это может быть?

— Видишь ли, люди, которые трудятся на этих платформах, ежедневно творят маленькое волшебство — создают новые ценности, из которых складывается богатство всего общества. И как ты думаешь, что это за ценность?

— Они что — добывают золото? — непонимающе посмотрела на меня моя спутница.

— Нет! Настоящее богатство общества вовсе не золото, а то количество нужных людям товаров, которое было дополнительно произведено в стране по сравнению с тем, что было затрачено на их выпуск. Ведь именно эти дополнительные товары дают людям возможность не только поддерживать прежнее благосостояние, но и жить с каждым годом все лучше и комфортабельнее. А не будь этих товаров, зачем тебе было бы золото? Мадьясь бы ты, как царь Мидас...

— А что с ним случилось?

— Ну что ты — это же одна из самых знаменитых легенд Древней Греции! По преданию, этот царь оказал услугу богу Дионису, и тот в награду предложил Мидасу

выбрав себе любой дар. Ну, тот и выпросил себе у бога дар превращать в золото все, к чему он прикаснется...

— Ух ты, как хитро придумал!

— Ты так думаешь? Но на деле оказалось, что это очень коварный дар. Ведь золотыми становились и та еда, и то питье, которые Мидас брал себе в рот. Короче говоря, Мидас быстро понял, что ему с таким даром придется погибнуть с голоду, пусть все вокруг и будет золотым. Так что Мидас сразу же стал умолять Диониса пощадить его и забрать тот дар назад. Еле упробил...

— И к чему ты клонишь?

— Да к тому, что государство богато не тогда, когда в его казначействе лежат штабеля холодных и сверкающих золотых слитков, а когда с каждым днем производится все больше хороших товаров.

— Ой, подожди, папа, что-то мне эти твои слова напоминают очень знакомое, но я никак не вспомню, что!

— Я тебе скажу, что — знаменитые строчки из пушкинского «Евгения Онегина», когда поэт пишет, что его герой ко всему прочему:

... был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.

— Папа, но Пушкин-то писал о простом продукте, а ты все время говоришь о каком-то прибавочном. Это что — одно и то же?

— Не совсем. Простой продукт, о котором писал Пушкин, это все, что

страна произвела, допустим, за год: все станки, весь уголь, вся обувь и весь хлеб. А прибавочный продукт — вслушайся в само слово! — это то, что стране удалось произвести дополнительно.

— А откуда же взялся этот прибавочный продукт?

— Да я же тебе только что говорил — его создают люди своим трудом. Видишь ли, уже много тысячелетий назад люди стали настолько искусны в своей работе, что смогли изготавливать товаров больше, чем им было нужно для того, чтобы не умереть от голода и холода, то есть сверх, как говорят экономисты, прожиточного минимума. И вот тогда начался новый этап в жизни человечества — этап роста благосостояния. Дополнительно товар сверх прожиточного минимума дал возможность людям с каждым днем жить все лучше и лучше. И чем искуснее трудились люди, чем совершеннее были те машины, которые они придумывали себе в помощь, тем больше товаров они производили и тем лучше становилась жизнь человечества. Шел этот процесс не просто, да и делится прибавочный продукт между людьми не поровну, а потому одни богатели быстрее, а другие еле-еле выползали из нищеты. И все же если сегодня мы живем не в пещерах и ходим одетые не в зловонные шкуры животных, то достигнуть это благодаря прибавочному продукту.

— А почему его делят не поровну?

— Там, где существует частная собственность, денежка прибавочного продукта идет по принципу: кто вложил в ДЕЛО больше капитала, тот и получает большую долю прибавочного продукта.

— Ну, а если я ничего не вкладывала, а просто работала?

— Тогда тебе достанется только заработная плата, большая или меньшая, это уж зависит от того, КАК ты работаешь и чего удалось тебе добыться от хозяйина, на которого ты работаешь. Впрочем, об этом у нас с тобой еще

будет время поговорить, а пока что не пора ли нам всплывать?

Оля молча кивнула головой, задумавшись, похоже, над тем, что я ей только что рассказал, а я начал манипулировать клавишами на пульте компьютера, стараясь подобраться ко входу в туннель. Все мое внимание было приковано к заветным отверстиям труб, и потому я не заметил вовремя, как ведет себя денежный поток вокруг нашей лодочки. Когда же понял, что происходит, было уже поздно — мы оказались в центре бешено закрутившегося водоворота, и через минуту нас уже в него засосало. Наш кораблик крутило так быстро, что мы даже не видели, куда нас несет. Оставалось надеяться только на прочность коргуса нашей мини-подлодки. Оля прижалась ко мне, и мы предоставили себя на произвол судьбы...

Водоворот утих так же внезапно, как и возник, и наша лодочка освобожденно закачалась на волнах. Мы огляделись вокруг и не узнали места, где находимся. Это была мрачная пещера, освещенная тирляндами тусклых красных ламп, какие обычно применяют для аварийного освещения. В свете этих ламп поблескивали створки металлических шлюзов, закрывавших входы в туннели. Лишь в одном месте выход из пещеры был открыт, и над ним светился транспарант с надписью «Для хронических безработных». Эта надпись и помогла мне понять, куда мы попали, и потому когда Оля повернулась ко мне с тревожным вопросом в глазах, я уже был готов к ответу.

— Это Биржа Труда, и все, кого ты видишь вокруг нас — безработные...

Я повертел рукой вокруг, указывая Оле на огромное количество таких же или похожих на нашу лодочек, которые колыхались на денежных волнах по всей поверхности пещеры.

— А что произошло с нами, как мы сюда попали? — наконец дала голос Оля.

— Думаю, что нас засосало в воронку, вызванную банкротством какого-то предприятия. Это самое неприятное, что могло нас поджидать в этой экскурсии...

— Почему?

— Да потому, что из этой пещеры есть только два выхода. Один — через лобье из этих стальных ворот снова в бункер Крутооборота Капитала, а потом на поверхность земли и дальше по стране Экономика. Второй — через вон то отверстие для хронических безработных — в лоцину Общественного Потребления. Туда приходится плыть тем, кто проел все свои аварийные запасы, но не сумел выбраться с Биржи Труда. В лоцине Общественного Потребления они получают помощь — пособие по безработице, которое позволяет им не умереть от голода и снова вернуться сюда, чтобы попытаться счастья вновь и вновь...

— А почему это называется биржей? На бирже ведь торгуют товарами, мы же с тобой сами видели в Купцовске. А тут только люди. Но человек же не товар? Или здесь торгуют рабами? — голос Оли испуганно задрожал.

— Когда-то здесь действительно торговали рабами, — кивнул я головой. — Пещера-то эта очень древняя — ей тысячи лет, и когда-то ее освещали не лампы, а смоляные факелы и потому потолок ее такой черный. В него въелась копоть тех факелов, при свете которых были проданы многие поколения рабов и крепостных. Но сейчас работоторговля в стране Экономика запрещена. И тем не менее на Бирже Труда торг не прекращается ни на один день. Вот только продают уже не человека, а его рабочую силу или, проще говоря, — способность человека выполнять ту или

НЕ ЗАБЫТЬ!

ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ =
это означает, что соотношение с тем, что
произведено или куплено для собственного употребления
ниже, чем соотношение эти привлекательные
и есть тот истинно человек, который
за его удачей в 21-м веке
век отлучше
и лучше

иную работу. Покупатели же на рынке труда — деловые люди, которые обладают капиталом и трагят его на то, чтобы нанять людей, способных работать на их фабриках, фермах, в магазинах...

— И почему же тогда из этой пещеры так трудно выбраться? Почему здесь так много безработных?

— Видишь ли, сегодняшняя страна Экономика устроена так, что деловым людям выгодно постоянно держать часть людей безработными. Так им легче справиться с теми ситуациями, в которые их ставит положение дел в ущелье Рыночного Равновесия.

— А при чем тут это? — непонимающе посмотрела на меня Оля.

— Связь самая прямая. Представь себе, что какой-то товар стал пользоваться большим спросом. Значит, надо увеличивать его производство. Но для этого нужны дополнительные рабочие руки. А где же можно взять новых людей, если они уже имеют работу? Если же есть безработица, то проблема решается моментально — люди миготом соглашаются пойти на новое предприятие, и его хозяин увеличивает выпуск товаров именно тогда, когда люди готовы их купить. Поэтому деловые люди согласны даже отдавать часть своих прибылей, чтобы можно было платить людям пособие по безработице. И еще одно — интересы деловых людей и прос-тых рабочих во многом различны. Рабочий хочет получить побольше, а хозяин фабрики — платить зарплату поменьше, чтобы увеличить собственные доходы. Когда же есть безработица, легче бороться с попытками работников добиться более высокой оплаты труда. Ведь если предложение труда

больше спроса, то цены... — и я выжидаательно взглянул на Олю.

— Снижаются, — понимающе кивнула она.

— Вот именно. И потому, увч, эта пещера никогда не пустеет окончательно, а выбраться отсюда очень не просто. Во-первых, никогда не известно, когда и насколько откроются те или иные ворота. А во-вторых, когда это происходит, начинается страшная давка — все старается просиснуться, пока путь к заработку не закроется вновь. Здесь та же конкуренция, что и на других рынках, и потому нам придется сражаться с другими лодками не менее напряженно, чем на Конкурентных Автогонках...

Увч, я был прав, и несколько часов подряд мы безуспешно кружили по пещере, пытаясь угадать, какие ворота скоро откроются, или бросались в толчею лодок, пытаясь протиснуться в заветное отверстие. Но в этот день счастье от нас отвернулось и все наши попытки кончились ничем. Между тем день уже клонился к вечеру, и хотя здесь, в пещере, время суток никак не сказывалось, но и я, и Оля уже очень устали, да и есть хотелось ужасно.

— Все, — сказал я наконец, — на сегодня хватит. Будем ночевать здесь!

И приподнявшись с сиденья, я нажал клавишу M1, чтобы вскрыть сейф с аварийным запасом. Особых деликатесов там не было, но во всяком случае голод мы утолили. Хуже было со сном — кабина нашей лодочки была такой маленькой, что удобно устроиться не удавалось никак. И все же в конце концов мы заснули, скрючившись на сиденьях, которые еще утром казались такими комфортабельными...

ЗАБЫТЬ!

НЕ

ПРОЖИТЬ ЧИЖИ МИНИМУМ — это кошмар, куда можно пойти, чтобы умереть от голода и жажды.

БИРЖА ТРУДА — это место, куда люди приходят, чтобы найти работу и получить за нее деньги. Но безработица — это когда люди не могут найти работу, хотя она есть.

НЕ

ЗАБЫТЬ!

шака

ПЯТАЯ,

которой мы
взмываем в небеса,
а Оля подумает по ходу.

Наше пробуждение на пятое утро путешествия по стране Экономика веселым назвать никак было нельзя. Не знаю, как Оля, а я спал очень плохо. Всю ночь меня мучили кошмары — снились кровавые восстания рабов и баграков, виселицы, публичные порки, забастовки и отряды полиции, стрелявшие в забастовщиков. К тому же из-за неудобной позы все тело затекло и весь я чувствовал себя как отсиженная нога. Впрочем, у Оли вид был не намного лучше. Как выяснилось, ей тоже снились какие-то тяжелые сны. Позавтракав, мы почти уничтожили весь аварийный запас, что еще сильнее укрепило нашу решимость поскорее вырваться из этого неудобного местечка.

— Папа, — прервала молчание Оля, — что же нам делать?

Я молчал, потому что появилась мысль о той стратегии, которая поможет нам утадать, какие ворота скоро откроются. Чтобы проверить свою догадку, я забрался в самый центр пещеры, откуда были хорошо видны все стальные ворота. Достав из кар-

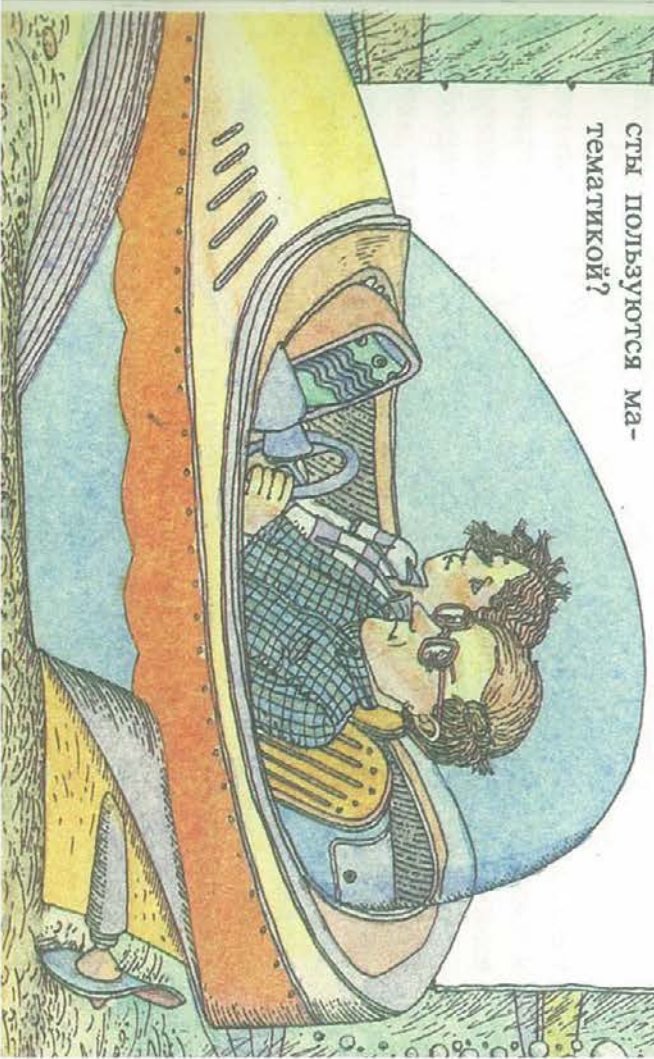
мана листок бумаги и ручку, я начал вести учет — какие из ворот открываются чаще и сколько минут их не закрывают. Через час мой листок был полон цифр, и я принялся за вычисления. Получив, наконец, результат, я направил нашу лодку к одному из выходов и принялся терпеливо ждать, когда он откроется. Мой расчет оказался верен! Через полчаса металлический щит, перекрывавший этот путь к свободе, вдруг резко пошел вверх. Мы оказались в числе первых счастливых, сумевших устремиться в туннель.

Наша лодочка быстро мчалась вперед, тоже как будто радуясь расставанию с Биржей Труда. Течение несло ее само, и я даже снял пальцы с пульта управления.

— Папа, а что ты вычислял на компьютере?

— Ну, Оля, это ты пока не поймешь. Я воспользовался специальными методами математических расчетов, которые разработаны для экономистов.

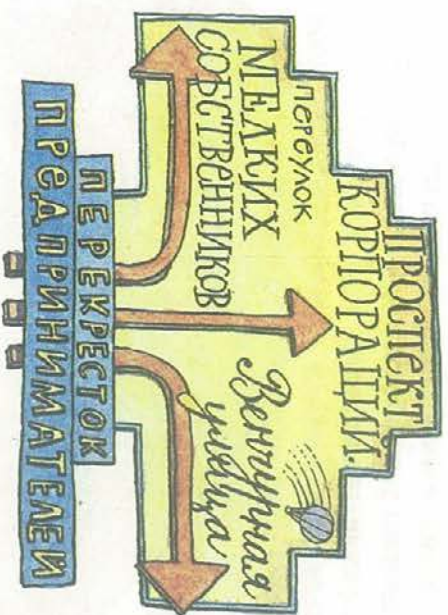
— А разве экономисты пользуются математикой?

— Еще как! — улыбнулся я. — Современный экономист часто и шагу не может ступить без математических расчетов — и самых простых, и самых сложных, с которыми не справляются даже персональные компьютеры и приходится применять большие ЭВМ. За разработку математических методов решения экономических задач несколько ученых даже получили высочайшие научные премии — Нобелевские.

И вот наконец над нашей головой снова засинело небо. А еще через четверть часа мы уже были в нашей машине и мчалась к ближайшему кафе, чтобы наконец-то по-человечески пообедать. После обеда настроение у нас было прекрасное, и мы решили продолжить путешествие.

Повинуясь рекомендациям нашего бортового компьютера, я повел автомобиль по предложенному маршруту, и вскоре мы оказались на перекрестке, где нашим глазам представал вот такой дорожный указатель:

На этом месте рекомендованный маршрут экскурсии по «БИЗНЕС-СИТИ», который светился на экране нашего компьютерного экскурсовода, обрывался. Похоже, что дальнейший путь нам предстояло выбирать самим.

— Ну, куда поедем? — выжидательно повернулся я к Оле.

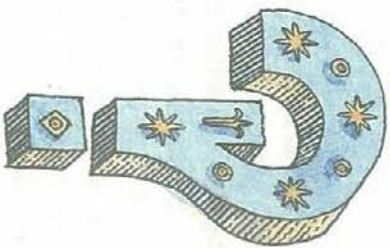
Но она, привычная нашим путешествиям к необходимости тщательно продумывать каждый свой шаг по стране Экономика, молчала, внимательно оглядывая окрившиеся перед нами улицы. А надо сказать, что они действительно отличались друг от друга. Переулок Мелких Собственников напоминал уголок старинного европейского города. Его тротуары и мостовая были замощены булыжником, различные фонари хоть и были электрическими, но имели форму старинных газовых фонарей прошлого века. Явно старинными были и дома, чинно выстроившиеся вдоль улицы, — двух-трехэтажные, с черепичными крышами и торговой галереей, занявшей первые этажи. На этой улице очень к месту были бы пролетки с запряженными в них породистыми лошадьми.

Но на самом деле мимо нас на эту улицу сворачивали вполне современные автомобили. Правда, надо сказать, что катили по этой улице не столько изящные лимузины, сколько скромные грузовые фурыгончики, в которых развезут товары.

Совсем иной была Венчурная улица. По обе стороны ее возвышались разноэтажные дома самых причудливых очертаний. Казалось, что ее застроили по проектам архитекторов XXI века, каждый из которых стремился создать дом, совершенно не похожий на соседние. Впрочем, как следует разглядеть эту улицу не удавалось — мешала какая-то дымка, в которой таяли очертания автомобилей, сворачивавших на нее.

Надо сказать, что несмотря на идеально гладкое асфальтовое покрытие этой улицы автомобилям здесь было не так уж и много — наоборот, водителей отпугивал этот странный туман. Но была еще одна причина, которая заставляла водителей задуматься. По всей вероятности их

осторожность была связана с необычным дорожным знаком, установленным у въезда на Венчурную улицу. Этот знак явно намекал на то, что здесь все не просто и ухо надо держать востро, а иначе радость поездки быстро сменится размышлениями о том, зачем ты сюда вообще заехал.

Самое же оживленное автомобильное движение было на проспекте Корпораций. Если попытаться выразить архитектурный стиль этого проспекта каким-то одним словом, то на ум приходило слово «помпезность». Дома здесь строились в разное время, и архитектура их сильно различалась, но общим было явное желание архитекторов доказать — в этом доме живут и работают очень богатые и могущественные люди.

Внимательно осмотрев все три улицы, Оля тем не менее не смогла решить, по какой ехать дальше, и вопросительно посмотрела на меня.

— Решай сама, — пожал я плечами. — Судя по карте, все эти улицы ведут к выезду из «БИЗНЕС-СИТИ», так что ехать можно по любой.

— А по какой безопаснее?

— Ну, — задумчиво произнес я, — если тебя волнует прежде всего безопасность, то уж на Венчурную улицу тебе точно сворачивать нельзя...

— А почему? — сразу заинтересовалась Оля.

— Видишь ли, на этой улице располагаются компании, которые пытаются выпустить на рынок совершенно новый, никем и никогда не изготавливавшийся товар. Этот товар может иметь на рынке огромный успех, а может оказаться никому ненужным. В первом случае предпринимателей ждут огромные прибыли, а во втором — полное разорение. Решиться на такую игру со счастьем могут только люди, обожающие приключения и верящие в свою счастливую звезду. Поэтому такие компании и называются венчурными, от английского слова «эдвенчур» — приключение... — Приключенческая компания! — засмеялась Оля.

— Вот здорово — до сих пор я слыхала только о приключенческих книгах и фильмах. Я и не думала, что в стране Экономика можно найти таких романтиков, которые могут ради приключения рискнуть всем!

— Э, нет, — перебил я ее. — Рискуют создатели таких компаний вовсе не из романтической любви к приключениям, а в надежде получить при успехе огромные доходы. И нередко им это удается. Но многие другие венчурные компании разоряются — видели заброшенные дома на этой улице? Недаром эта улица окутана туманом — это туман Коммерческого Риска. И что в нем таится — быстрое богатство или полное разорение — никто не знает...

— Да, туда я не поеду. Лучше давай свернем в переулок Мелких Собственников — он такой уютный!

— Дело хозяйское. Только должен тебя предупредить, что не такой уж этот переулок безопасный. В США, например, подсчитали, что почти половина всех маленьких частных магазинов...

К О П И Я
Это фирма, которая пришла-улетела
сразу в историю и забыта
и никому не известна
И А З О Р И Т С Я
НЕ ЗАБЫТЬ

— А почему ты иронизируешь? Что в этом плохого-то? — Видишь ли, компаньоны делают между собой все доходы и никому ничего не обязаны отдавать. Но зато если уж компания разоряется, то по закону для расплаты с долгами компаньоны должны отдать все, что у них есть. И если потребуется, продать даже все свое домашнее имущество. Так что дело это довольно опасное, не то что корпорация.

— А там что — можно долги не отдавать? — улыбаясь, поинтересовалась Оля.

— Нет, что ты, — обязанность оплачивать свои долги признается всеми честными предпринимателями. Просто корпорации организуются по-другому — каждый, кто участвует в их создании, рискует только той суммой, которую вложил в это дело. И не более! Поэтому участвовать в создании корпораций куда безопаснее, и они стали самой любимой формой для жигелей «ВИЗНЕС-СИТИ». Ну что, поедем по проспекту Корпораций?

В ответе я не сомневался и положил руки на руль, собираясь тронуться прямо. К моему немалому удивлению, Оля вдруг решительно дернула меня за рукав и молча показала направо — в направлении Венчурной улицы.

— Ты же только что говорила, что мы туда не поедем! — попытался я отговорить ее от такого неожиданного решения.

— Ну и что, что говорила! — упрямо покачала она головой. — Зато там интереснее...

Эта чисто женская манера сначала говорить «нет», чтобы через пять минут утверждать, что всегда говорила только «да», увя, была мне хорошо знакома, и, торестно вздохнув, я направил автомобиль в туман Коммерческого Риска, придававший Венчурной улице какой-то загадочный вид. Туман этот, правда, был очень красив — сиреневатый, как на полотнах французских художников — импрессионистов, он порой вдруг освещивал золотом,

когда его резал свет фар встречных автомобилей. Да, по этой улице и средь бела дня приходилось ехать со светом, чтобы не попасть в аварию.

И вдруг туман исчез! Нет, его не сдуло ветром. Просто наш автомобиль с разгона выскочил на большую площадь, ярко освещенную солнцем. В силу какой-то причуды природы туман не заползал сюда, хотя все вокруг таяло в его дымке. Сама же площадь — она называлась «площадь Акционеров» — напоминала яркую диковинную клумбу. Дело в том, что она служила для жигелей Венчурной улицы стартовой площадкой для запуска...воздушных шаров. Некоторые шары были уже полностью надуты и готовы к полету, другие вяло болтались в воздухе, напоминая сморщенные гигантские огурцы, а третьи бесильно лежали на земле, ожидая, когда их надуют газом, чтобы они могли тоже взмыть в небо над площадью.

Оставив машину на стоянке, мы двинулись с Олей по площади, чтобы разглядеть шары поближе. И тут же оказались в плотном кольце воздухоплавателей. Они пытались нам что-то объяснить и все время перебивали друг друга.

Сначала мы даже не могли сообразить, чего же они от нас хотят. Лишь через некоторое время мы поняли, в чем тут дело. Оказывается, воздухоплаватели все до одного были изобретателями, а шары должны были помочь им взлететь, чтобы там, в небесных просторах, начать сбор золотого песка, который откуда-то несли с собой постоянно дующие над площадью ветры.

Собрав достаточное количество этого «золотого ветра», изобретатели могли потом создать свое дело, обосновавшись либо на проспекте Корпораций, либо — в худшем случае — в переулке Мелких Предпринимателей. Но для того чтобы взлететь, им надо было накачать шар газом, а это требовало немалых денег, и потому каждый из них

призывал одолжить именно ему денег, обещая за это горсть золотого песка с неба.

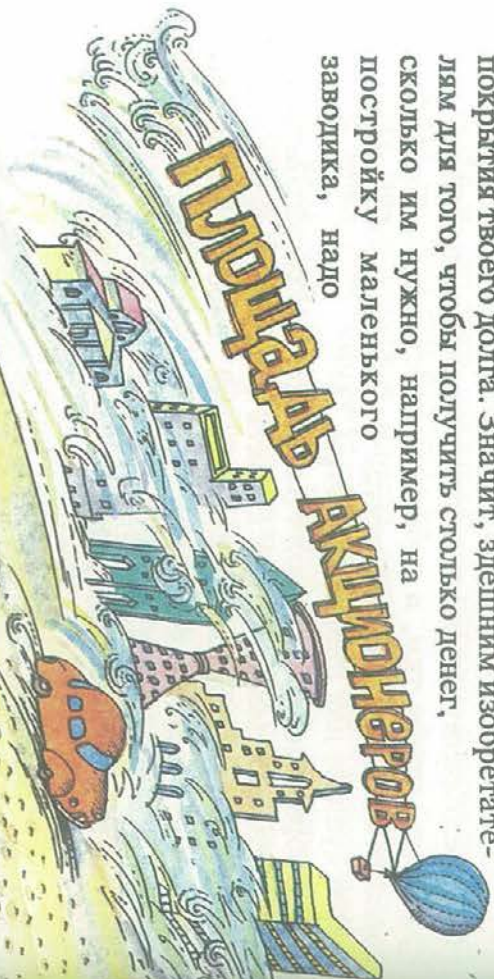
— Пап, а почему они не возьмут просто денег в банке? — удивленно повернулась ко мне Оля.

На секунду стало вокруг тихо, а потом раздался громкий хохот. Эта мысль привела столпившихся вокруг нас изобретателей в неописуемый восторг и веселье. Они хохотали до слез, хлопая друг друга по спине и приговаривая: «Ой, уморил! В банке! Ну сказанула!» От обиды у Оли даже слезы навернулись на глаза. И похоже, один из весельчаков это заметил. Он замолк и, дружелюбно улыбнувшись, сказал:

— Да ты не обижайся, малышка, ребята не со зла! Они не хотели тебя обидеть! Ты, видать, тут новенькая и не все еще знаешь, а то бы такое не сказала. Мы ж тут все пока почти на нуле, а банку-то залог нужен!

— А что такое залог? — сразу спросила Оля, повернувшись ко мне.

— Видишь ли, банки никогда не дают денег просто так — под честное слово. Чтобы гарантировать себя от убытков или даже разорения, любой банкир требует от того, кто приходит к нему за ссудой, предоставить что-то в залог. Залогом может быть только то, что уже тебе принадлежит и в крайнем случае может быть продано ради покрытия твоего долга. Значит, здешним изобретателям для того, чтобы получить столько денег, сколько им нужно, например, на постройку маленького заводика, надо

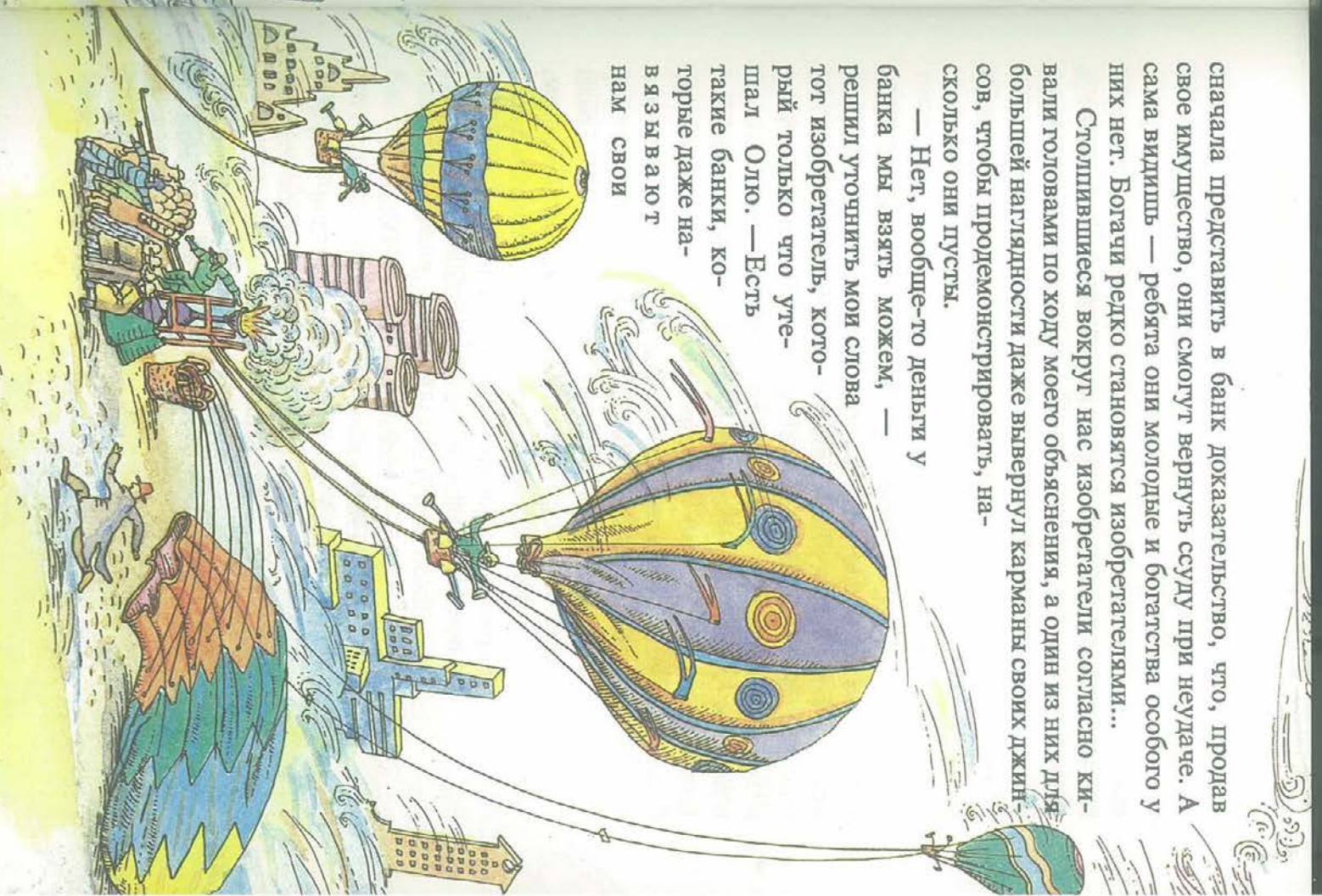

ПЛОТГАДАР АКЦИОНЕРОВ

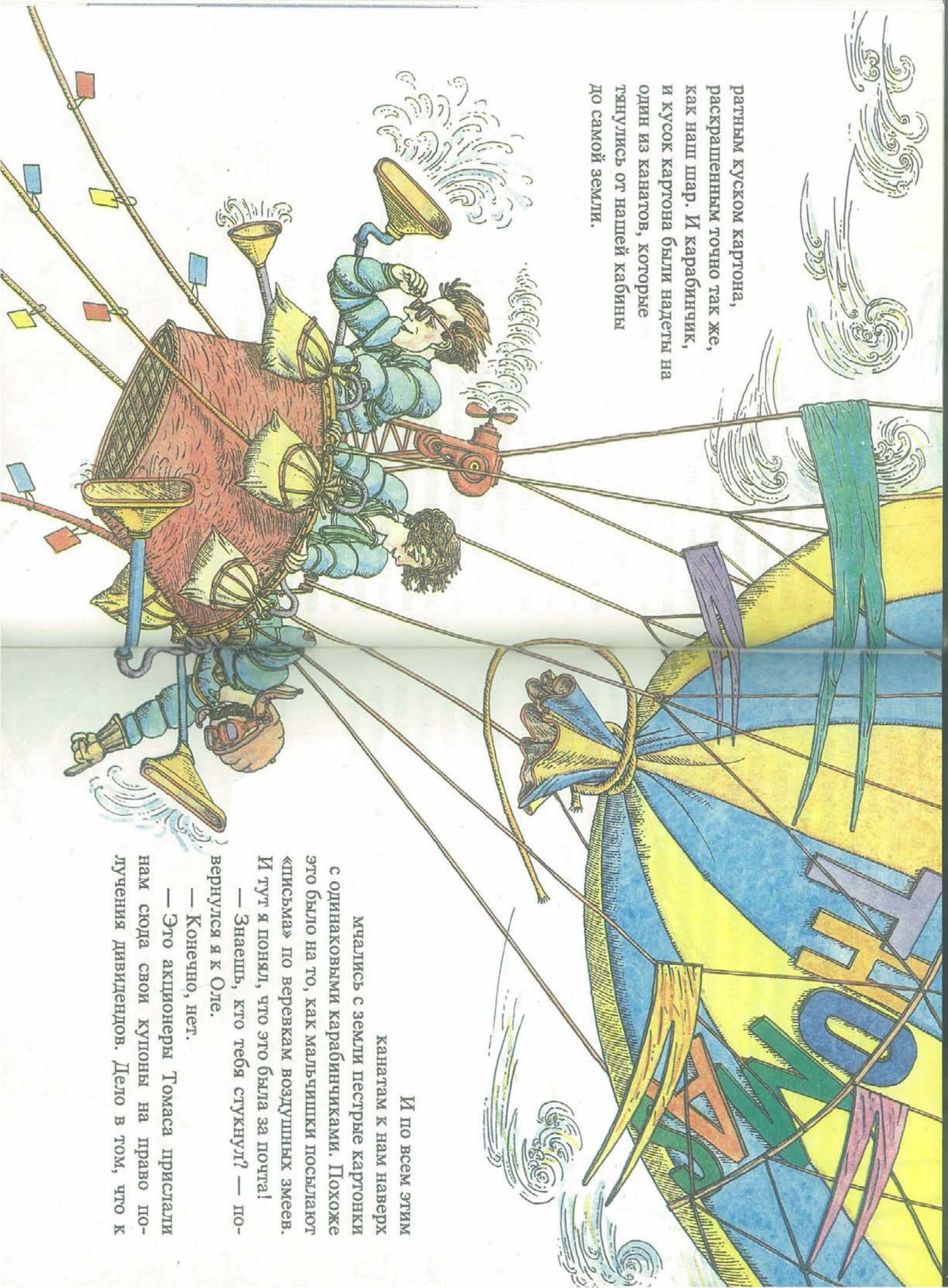
начала представить в банк доказательство, что, продав свое имущество, они смогут вернуть ссуду при неудаче. А сама видишь — ребята они молодые и богатства особого у них нет. Богачи редко становятся изобретателями...

Стопившись вокруг нас изобретатели согласны были головами по ходу моего объяснения, а один из них для большей наглядности даже вывернул карманы своих джинсов, чтобы продемонстрировать, насколько они пусты.

— Нет, вообще-то деньги у банка мы взять можем, — решил уточнить мои слова тот изобретатель, который только что утешал Олю. — Есть такие банки, которые даже навязывают нам свои

ратным куском картона,
раскрашенным точно так же,
как наш шар. И карабинчик,
и кусок картона были надежды на
один из канатов, которые
тянулись от нашей кабины
до самой земли.

И по всем этим
канатам к нам наверх
мчались с земли пестрые картонки
с одинаковыми карабинчиками. Похоже
это было на то, как мальчишки посылают
«письма» по веревкам воздушных змеев.
И тут я понял, что это была за почта!

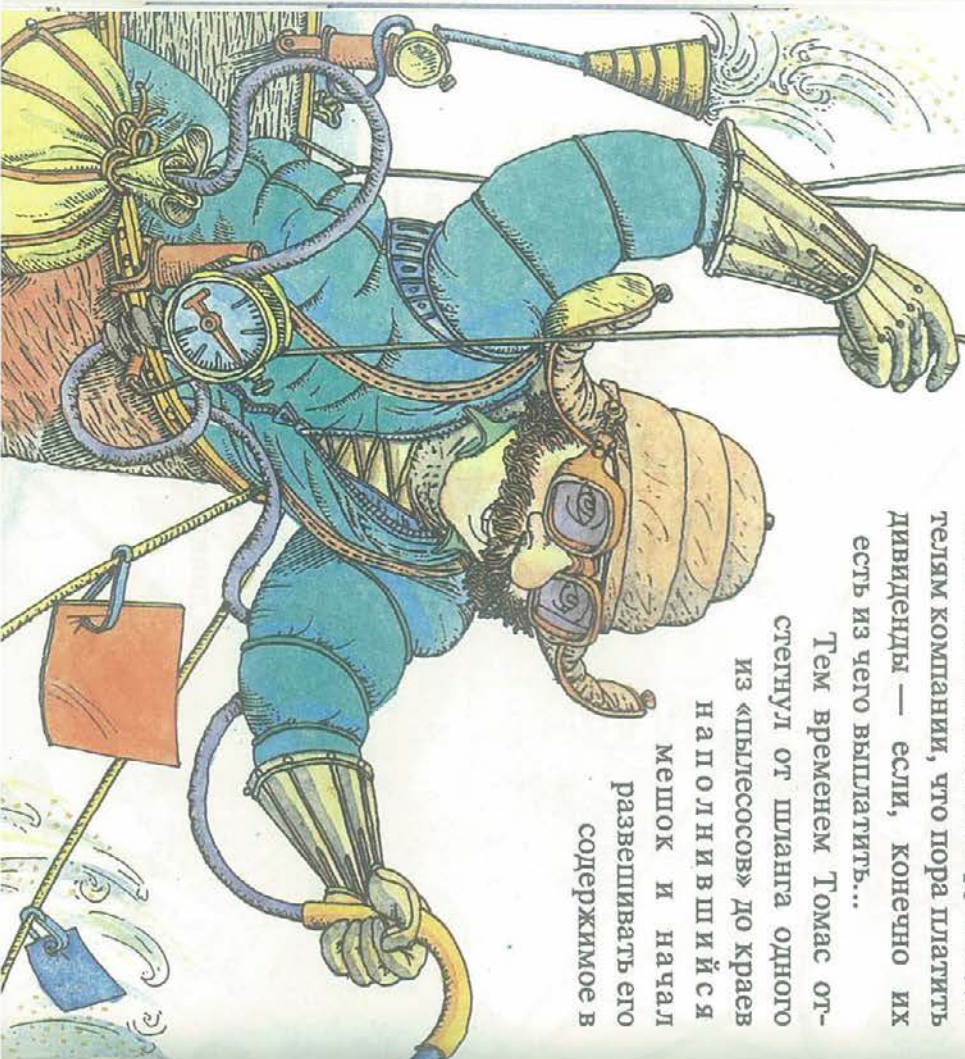
— Знаешь, кто тебя стукнул? — по-
вернулся я к Оле.

— Конечно, нет.

— Это акционеры Томаса прислали
нам сюда свои купоны на право по-
лучения дивидендов. Дело в том, что к

акции прилагается специальный лист, состоящий из множества талончиков — больше всего это похоже на лист почтовых марок, которые можно видеть на любой почте. Талончики эти называются купонами, и раз в год все акционеры отрезают от своих листов по одному купону и посылают его в адрес той компании, которой принадлежат акции. Этим они напоминают руководителям компании, что пора платить дивиденды — если, конечно их есть из чего выплачивать...

Тем временем Томас отстегнул от шланга одного из «пылесосов» до краев наполнил мешок и начал развешивать его содержимое в

маленькие мешочки, которые были стопкой сложены у него под одним из сиденьев. И тут Оля сама увидела, зачем нам с земли запустили столько «писем» с карабинчиками. Дело в том, что, наполнив очередной мешочек, Томас цеплял его к одному из карабинов, и тот стремительно уносился вниз на землю — к нетерпеливо ожидавшему его акционеру.

— Здорово! — восхищенно протянула Оля, как завороженная следившая за стремительным полетом мешочков с дивидендами к земле.

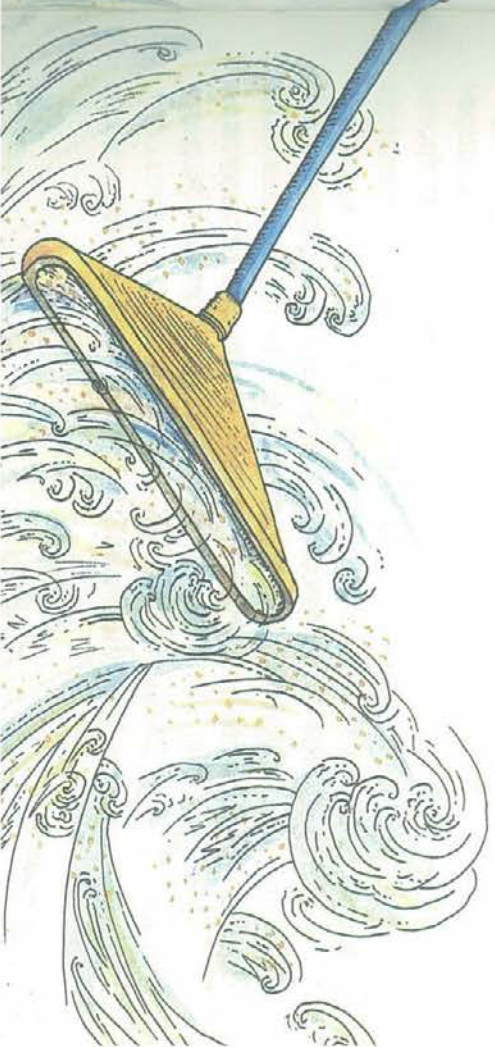
— А это что, папа? — вдруг дернула она меня за рукав.

— Где? — не понял я.

— Да вот же, вот, неужели не видишь? — показала Оля куда-то в направлении к окраинам города.

И тут я увидел...

За стенами города Деловых Людей, в некотором отдалении, воздымался к небу огромный холм с плоской, как стол, верхушкой и абсолютно отвесными стенками. Липь в одном месте их монотонная крутизна рассекалась шоссе, проложенным по гребню высоченной стены, убегавшей куда-то вдаль. На холме громоздились какие-то странные сооружения. Что-то они мне напоминали, но что?

Не дождавшись моих объяснений, Оля задала тот же вопрос Томасу.

— Это стартовая площадка ракетопланов — сверхзвуковых лайнеров, которыми мы пользуемся, когда нам надо выбраться из страны Экономика в другие страны, — спокойно ответил Томас.

— А мы можем отсюда добраться домой? — дрожащим голосом спросила Оля, еще не веря, что она, наконец, узнала способ вернуться к маме.

— Наверное, — пожал плечами Томас, не переставая колдовать над своими устройствами для сбора золотого песка.

— А как нам туда попасть? — не отставала Оля.

— По-моему, туда можно добраться только по шоссе, которое начинается в порту Международного Сотрудничества. Так мне говорили. Сам-то я там не бывал. Мне и здесь дел хватает.

— Томас, а Томас, — заговорила вдруг Оля таким вкрадчивым голосом, что я сразу все понял, — отвезите нас туда, пожалуйста!

— Куда? — спросил наш капитан.

— Туда, на стартовую площадку. Это же совсем рядом! Пять минут легу! А я так хочу к маме! — голос Оли подозрительно дрогнул, и в нем явственно прозвучали слезы.

— На стартовую площадку? — ошарашенно переспросил Томас, не ждавший такого подвоха со стороны случайных пассажиров. — Да я вообще-то никогда еще не легал на шаре за пределы нашего города...

— Ну и что! — наседала на него Оля. — Вы так ловко управляете шаром, просто залюбезней! И вообще — если бы мы не купили вашу акцию, вам бы сегодня ни за что не взглянуть! А мы вам за это подарим нашу акцию и даже дивиденда не возьмем!

От такого комбинированного удара, сочетавшего

лесть, упрек в неблагодарности и попытку подкупить, бедный Томас дрогнул и, явно идя на попятную, попытался что-то пробормотать насчет того, что темнеет уже, да и ветер усиливается... Но остановить Олю уже было невозможно, и когда она громко всхлипнула, Томас сдался и обреченно принялся монтировать на стенку нашей корзины небольшой моторчик с пропеллером. Закончив работу, он отвязал корзину от каната, который удерживал нас над площадью Акционеров, и наш шар сразу облетчно рванулся вверх.

Томас запустил моторчик, и мы медленно поплыли вперед, в направлении холма со стартовой площадкой. Мы уже приближались к окраинам «БИЗНЕС-СИТИ», когда внезапно налетел мощный порыв ветра. Он подхватил наш шар и понес как пушинку. Томас рванул ручку своего моторчика, и тот отчаянно завыл, но, увы, толку от этого было чуть! Нас несло в другую сторону — в «ХОЗРАСЧЕ-ТОВО», второй район города Деловых Людей.

Вдруг ветер засвистел еще отчаяннее, нас завертело волчком, моторчик заглох, и мы быстро понеслись вниз. Томас лихорадочно принялся выбрасывать за борт корзины мешки с балластом. Я помогал ему, а Оля сидела скорчившись на дне корзины и тихо плакала от страха.

И все же нам удалось замедлить падение, хотя за борт пришлось выбросить не только балласт, но и один из мешков с золотым песком, собранным Томасом в небе.

Удар! Корзина рухнула на землю, и мы покатались друг за другом по ее дну. Сверху же на нас обрушилась оболочка шара. Но мы были живы!

Придя в себя после падения и выкарабкавшись из корзины, мы поняли, что наступила ночь. Пускаться в путь на поиски помощи в такую темень было глупо, и мы решили заночевать прямо в корзине, завернувшись в оболочку шара как в одеяло. Так мы и уснули, хотя Оля еще долго всхлипывала у меня под боком.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*В которой
мы вылетаем
а Оля нарушает закон.*

Проснувшись на рассвете, мы выбрались из корзинки и огляделись по сторонам. Вокруг не было ни единой души — лишь в траве стрекотали кузнечики да где-то пела незнакомая птица.

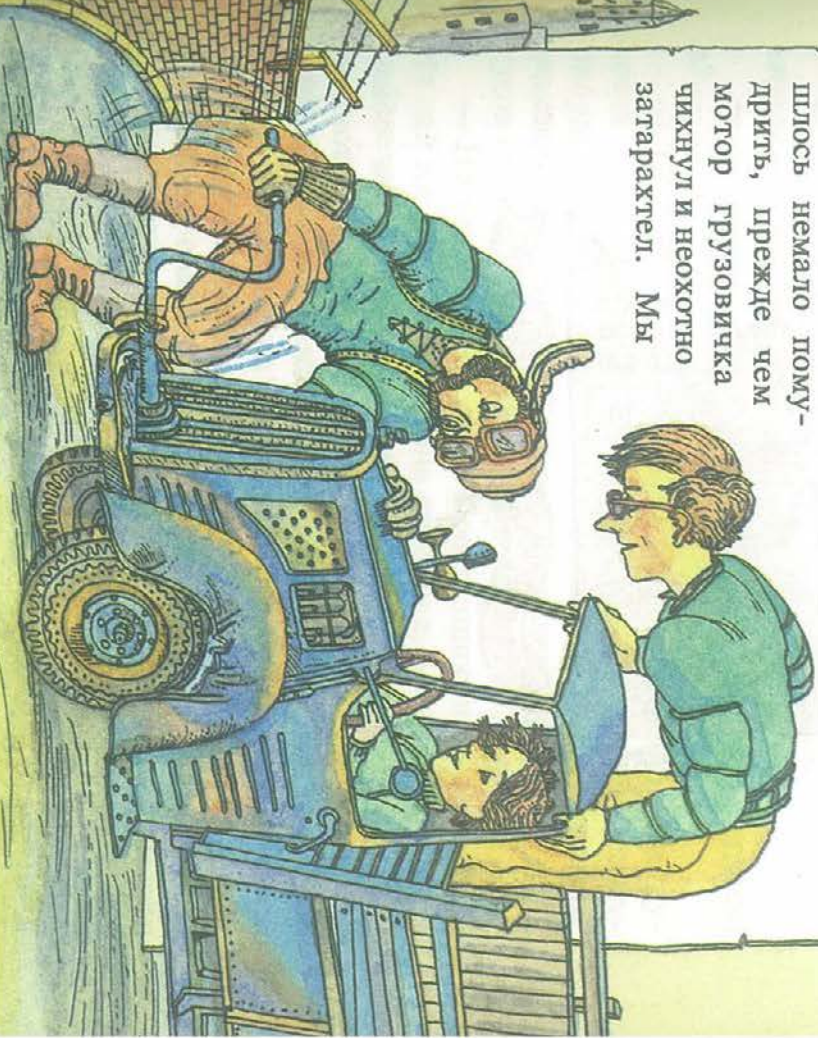
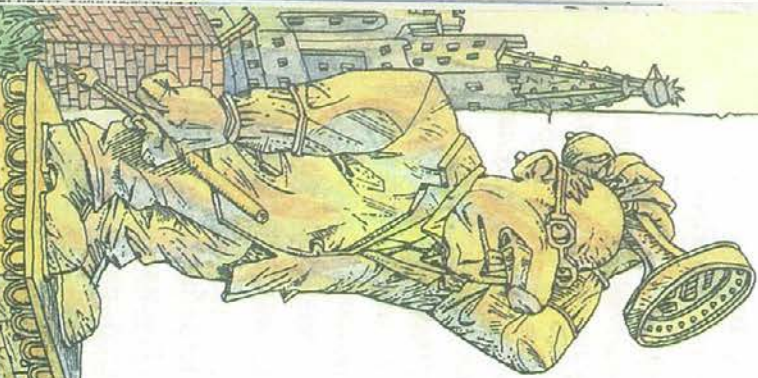
Пришлось нам отправиться на разведку. Оля категорически отказалась оставаться одна, и мы пошли втроем. Честно говоря, я ожидал, что Томас будет злиться или хотя бы ворчать — ведь именно из-за нас он попал в такую переделку, и теперь ему предстояло начинать все сначала. Да, забыл сказать — при падении сломался пропеллер, и теперь, чтобы вернуться на площадку Акционеров, Томасу нужно было не только найти где-то газ для заправки, но и

запасной пропеллер. К моему удивлению, Томас не проронил ни слова упрека, хотя Оля старалась поменьше попадаться ему на глаза.

Прошагав полчаса, мы вышли к шоссе. Похоже, что по нему давно никто не ездил, а брошенный когда-то у обочины старый грузовик весь проржавел. В надежде отыскать в этой развалине что-то, из чего можно смастерить пропеллер, Томас принялся осматривать автоинвалида. Минут через десять он внезапно принял что-то насвистывать себе под нос, а потом выпрямился и заявил:

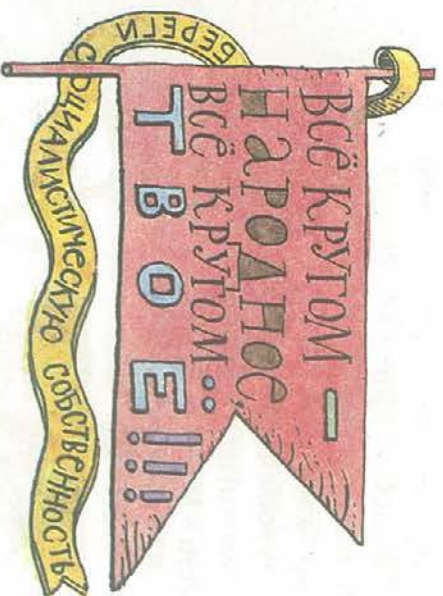
— Похоже, что этот драндулет можно заставить еще побегать!

Сказать это было, конечно, легче, чем сделать, и нам с Томасом пришлось немало помудрить, прежде чем мотор грузовичка чихнул и неохотно затарахтел. Мы

кое-как втиснулись в тесную кабину, и Томас тронул машину с места. Дорога была вся в выбоинах, и ехали мы медленно (выпроедем, на большей скорости наш грузовичок мог бы просто развалиться!). Повернув в очередной раз и убедившись, что пока впереди не видно особо уж крупных ям, мы глянули вперед и неожиданно увидели уже знакомую нам — со стороны «БИЗНЕС-СИТИ» — стену Собственности. Здесь она выглядела совершенно по-иному. Вдоль стены не было никакой охраны, и лишь дремучие заросли крапивы не позволяли подойти к ней поближе.

Над крапивой был виден только написанный на стене красивыми крупными буквами лозунг:

Выпроедем, когда мы подехали поближе, то обна- ружилось, что кое-где в крапиве прорублены настоящие просеки. Смыслих мы поняли сразу же — местные жители использовали стену Собственности как источник строи- тельных материалов, разбирая ее кирпичную кладку на свои нужды. Кое-где в толще стены были вырублены настоящие пещеры — настолько углубились в нее охо- ники за даровым кирпичом. Когда Томас остано- вил

машину напротив одной из самых больших таких пещер, мы заметили над ней надпись:

Стихи не блистали изяществом стиля, но мысль автора выразили вполне четко.

— Как же так можно! — возмущенно сказала Оля. — Стена же может в конце концов рухнуть и засыпать шоссе. Неужели на это воровство никто внимания не обращает? Почему стену не охраняют, папа?

— Вообще-то охрана здесь есть. Но разве ей спра- виться — стена-то, сама видишь, какая длинная!

— А почему же в «БИЗНЕС-СИТИ» справляются, а? — парировала Оля.

— Так ведь там, — усмехнулся Томас, — каждый кусо- чек стены принадлежит кому-то конкретно — какому-нибудь богатому человеку, компании или корпорации, наконец, государству. Каждый владелец и охраняет свой кусок стены Собственности, бережет его пуще глаза!

— Но ведь и здесь стена Собственности не ничейная! На ней же написано, что она народная, — народ и должен ее беречь, — не сдавалась Оля.

— Это ты, конечно, верно говоришь, — покачал я головой. — И основатели «ХОЗРАСЧЕТОВО» тоже так думали. Но, к сожалению, оказалось, что так быстро человека не переделаешь. Многие поколения рождались, жили и умирали с убеждением, что беречь и приумножать надо в первую очередь свою личную или частную соб- ственность. И на то, чтобы приучить всех людей забо-

титься прежде всего об общенародной собственности, тоже потребуются наверняка не одно поколение.

— И неужели никто об этом не догадывался сразу?

— Представь себе, нет. Вообще я хотел бы тебе кое-что сказать. Дальше ты увидишь много странного, часто неразумного, узнаешь о серьезных, а порой и трагических ошибках тех, кто строил «ХОЗРАСЧЕТОВО». Но мне не хотелось бы, чтобы ты судила о них свысока. Твои деды и прадеды — а они были одними из первостроителей «ХОЗРАСЧЕТОВО» — были искренними и очень верящими в свою правоту людьми. Иначе и быть не могло — уж больно отчаянное дело они задумали...

— Какое дело?

— Они решили, что настало время воплотить извечную мечту человечества — построить мир всеобщего благоденствия и счастья, мир, в котором вся экономическая жизнь будет построена сначала по принципу «От каждого по способностям — каждому по труду», а потом по принципу «От каждого по способностям — каждому по потребности». Мир, где никто не будет чувствовать себя обделенным судьбой, где каждый будет иметь равные шансы построить свою жизнь достойно и красиво. Мир, где все будет по справедливости, где не будет голодных и безработных, где не будет войн и угнетенных народов, где исчезнет зависть — ведь завидовать станет нечему: не станет резких различий между богатыми и бедными...

— Но это же здорово! Почему же они не смогли этого добиться, почему они сделали те ошибки, о которых ты говоришь?

— Видишь ли, они хорошо знали — от ЧЕГО им хочется избавиться. А вот как добиться того, ЧТО они хотели создать, — с этим оказалось куда сложнее...

Томас согласно покивал головой.

— Так что же здесь сложного-то? — удивилась Оля. — Ведь ты сам говорил, что страна Экономика существует

очень давно. Значит, все способы хозяйствования давно известны. Или нет?

— Или нет, — с грустью согласился я. — Способов-то известно множество, да ведь вот какое дело — все способы вести дела в стране Экономика основаны были на частной собственности — на том, что владеть какой-то собственностью и распоряжаться ею может только отдельный человек или группа людей. Но чтобы всем богатством страны владел весь народ? Такото за всю историю человека никогда не бывало. И потому наши деды и прадеды решили, что ни один из старых способов им не годится — все надо придумать свое, ни в чем не похожее на то, что делается у соседей, по ту сторону стены Собственности...

— Не слабая задачка, — иронично усмехнулся Томас. Я замолчал, потому что Оля дернула меня за рукав и показала направо. Там, невдалеке от шоссе, был виден странный поселок. Он состоял из одноэтажных длинных домов, расположенных вдоль прямых улиц, равномерно разбавшихся в стороны от круглой центральной площади. Больше всего эти дома напоминали солдатские казармы, да и весь городок своим единообразием и порядком наводил на мысль о военном лагере. Поселок, похоже, давно был покинут людьми — окна и двери в его зданиях были крест-накрест заколочены досками, а на некоторых уже и крыши провалились.

— Что это, папа? — заинтересовалась Оля, когда я попросил Томаса притормозить машину. — Такого на карте не было... Это какой-то особый район, да?

— Да нет, — грустно качнул я головой. — Это предшественник «ХОЗРАСЧЕТОВО» — поселок Военного Коммунизма.

— Какой он был скучный, — протянула Оля, с грустью поглядывая на заброшенные дома-баракы.

— Да, архитектурными красотою этот поселок не славится, — согласился я. — Но ты не гляди на него с

пренебрежением — он ведь памятник одной из самых дерзких, пусть и несбывшихся человеческих фантазий. Фантазии о том, что благодаря огромному энтузиазму людей, отвергших частную собственность, можно разом перескочить из мира всеобщего неравенства и эксплуатации в чудный мир всеобщего равенства и братства, придуманный социалистами-утопистами...

— Кем-кем? — перебила меня Оля.

— Социалистами-утопистами, — повторил я. — Это были очень разные люди, которые еще несколько веков назад не только поняли, что порядки окружавшего их мира глубоко несправедливы, но и попытались придумать — каким должно быть идеальное человеческое общество.

— Они что — были писателями-фантастами? — деловито уточнил Томас.

— Можно их и так назвать, но только в отличие от нынешних фантастов они не просто писали книги о светлом будущем, но и пытались уговорить людей немедленно начать строить такое будущее. И здесь, в поселке Военного Коммунизма, некоторые их идеи начали реализовываться, но неудачно. И потому на здешних улицах до сих пор даже средь бела дня можно встретить привидения этих великих мечтателей...

— Привидения?! — ахнула Оля. — Ой, а можно мы въедем в этот поселок — я же никогда не видала привидений! А это не страшно и не опасно?

— Ничуть. Скорее печально. Ведь эти привидения никому не желают вреда. Напротив, они мечтают только о всеобщем счастье. Вот только, к сожалению, пути, которые они предлагают, ведут в экономический тупик, где людей ждет не счастье, а беда. Но если тыохранишь трезвый ум, то эти привидения тебе не опасны.

Увы, хотя мы объехали почти весь поселок — а был он велик — ни одно привидение не вышло нам навстречу. И только когда Томас разочарованно направил машину к

въезду из города, с левой стороны выплыли две тени. Одна из них была очень толста и облачена в монашескую рясу, подпоясанную простой веревкой. Второй был невероятно худ, лыс, бородач и одет в лохмотья.

— Вот это удача, — почему-то прошептал я Оле, хотя привидения, конечно же, не могли нас услышать. — Это два самых знаменитых, насколько я знаю, здешних привидения. Думаю, что нам удастся услышать их разговор — здешние привидения необычные! — и тогда тебе многое станет ясно. Одно из них — привидение монаха Томмазо Кампанеллы, одного из величайших утопистов, просидевшего в дерзкой тюрьме 33 года, вынесшего за свое свободолобие страшные пытки. Именно там — в мрачной темнице он придумал идеальное общество, которое называл Городом Солнца. Второе привидение — правитель этого города мудрейший Сол. Они всегда ведут один и тот же диалог, начатый ими в тот момент, когда Кампанелла в предсмертном бреду мысленно перенесся в придуманный им Город Солнца. Он увидел там...нищету, запустение и виселицы, а самого его схватили и бросили в подземную темницу, где уже давно сидел Сол.

(У нас с Олей не было с собой магнитофона, поэтому воспроизвою здесь этот разговор так, как его удалось записать писателю В.Тендрякову, который был первым свидетелем беседы Кампанеллы и Сола.)

— Сол, — спросил Кампанелла. — Что произошло в моем Городе Солнца? Что с ним случилось?

Какое несчастье? Какая чума его постигла? Ответь мне!

— Заблуждения порою страшнее чумы, создатель.

А Т О И И С Т В И
Это люди, которые верили, что можно построить общество, которое не будет зависеть от чужих рук и ног. И все счастье...

НЕ ЗАБЫТЬ!

— Ты совершил роковую ошибку, мудрый Сол?
— Ха-ха! Я? Нет, почтенный фра Томмазо, ошибаясь ты.

— В чем?

— Грешил простотой!

— Разве это такой уж большой грех, Сол?

— Простота хуже воровства, хуже разбоя. Простота — недомыслие, Кампанелла. Если недомыслие начинается руководить людьми, то люди становятся сами себе врагами... «Все, в чем они нуждаются, они получают от общины...» Твои слова, Томмазо, о нас. Ты предлагал именно так и жить: сообща работать, складывать все в один общий котел, из него сообща черпать.

— Разве это не верно, Сол?

— «Все, в чем они нуждаются...» Н-да-а... А в чем? Скажи про себя: что тебе нужно в жизни?..

Кампанелла прожогал.

— Вот видишь, — продолжал Сол, — даже ты про себя не скажешь точно, где твой рубеж желаний. А почему другие должны себя ограничивать? Наверное, лишь жертвы перестают желать себе большего.

— На этот счет, если помнишь, я говорил: «И должностные лица тщательны следят, чтобы никто не получил больше, чем следует».

— Кому сколько следует?.. Как это определить?

Кампанелла решительно ответил:

— Только уравнивая аппетиты, Сол. До необходимого! Простая, здоровая пища, добротная, но не роскошная одежда, крыша над головой...

— Мы так и поступили, Томмазо. Установили давать всем только самое необходимое...

— Это справедливо, Сол.

— Нет, Томмазо, это оказалось ужасной несправедливостью. С не-то и началась чума, которая погубила город.

— Не верю, Сол! Какая же несправедливость, когда все у всех одинаково, нет повода кому-то завидовать, на что-то обижаться.

— Увы, повод есть — и серьезный.

— Только у ненасытно жадных, Сол, у оптимых негодяев!

— Наоборот, Томмазо, у самых достойных граждан, у тех, кто способен лучше других, самоотверженнее других трудиться.

— Ты смеешься надо мной, Сол!

— До смеха ли мне... Вдумайся, Томмазо: способный труженик, не жалующий себя на работе, дает общине много, а рядом с ним другой по неумелости или по лени еле-еле пошевеливается, от него мало пользы. Но получишь-то они одинаково необходимо — пищу, одежду, крышу над головой. Поставай себя на место добросовестного гражданина, надрывающегося на работе. Как ему не задуматься: я добываю, а за мой счет живет бездельник. И справедливо ли это, Томмазо?

Кампанелла прожогал.

— И вот наши лучшие труженики перестали надиратьаться, начали поправляться под тех, кто работал из рук вон плохо. День за днем падало уважение к труду. Наши поля и виноградники стали дурно обрабатываться, мы все меньше и меньше получали хлеба и вина, наши стада хирели, наши ткацкие мастерские выгужкали недобротную ткань, и ее не хватало на одежду. В наш город пришла нищета. Мы уже не могли ни накормить людей, ни одеть, ни отремонтировать их жилища. Город превратился в сборище бездельников.

— Нерадивых следовало бы наказывать, а усердных поощрять!

— Ты наивен, Томмазо Кампанелла. Тебе все кажется простым и легким. Подскажи: как отлучить нерадивого от усердного? Кто должен это делать? Надсмотрщик с

плетью? Пусть он следит и подгоняет? Пусть он распределяет, кому за работу пожарной кучок, а кому наказание? Чем тогда этот надсмотрщик лучше хозяина? Можно ли после этого говорить: у нас все общее?

— Надо было сделать так, чтобы каждый следил за своим товарищем, сообщал выбранным лицам, сколько его сосед сделал. Делал мало — хлеб и вода, не слишком много — не слишком хороший обед, много — ешь досыта. Проще простого!

— Очень просто, Томмазо. И мы тоже, как и ты, клянулли на эту простоту... Следи за своим товарищем по работе! Доноси на него! Я уж не говорю, что все стали работать плохо, — на каждого можно было донести, испортить ему существование. Но теперь еще для каждого гражданина Города Солнца товарищ по труду становится врагом, которого надо уличить раньше, чем он уличит тебя. Снеши обогатить, иначе обогнет он, поставясь занугать, не то сам станешь жить в страхе перед ним. Мы превратили наш город в клязучую ненавистью клоаку, но не получили взамен ничего. Из того, что нам доносили, нельзя было понять, где наглая и бесстыдная ложь, а где правда, где злостные наветы, а где возмущение честного работника, своим трудом мог подвести бездельников, а потому нам чаще приходилось наказывать достойнейших людей. Мы добились, что их совсем не стало. Ужасающая нищета, ненависть и ложь!.. Чужа набирала силу, благородный Томмазо. И виной тому был твой слишком простой взгляд на жизнь...

Что ответил на это Кампанелла, мне уже узнать не удалось — привидения миновали наш автомобиль и свернули за угол. Томас вопросительно взглянул на Олю — ехать ли ему за ними дальше, но она молча отрицательно качнула головой, и он, не настаивая, направил автомобиль к выезду из поселка Военного Коммунизма.

— Пап, а я не понимаю: неужели трудно было все обдумать заранее? — прервала она молчание, когда мы выехали за пределы поселка Военного Коммунизма.

— Знаешь, есть одна древняя мудрость: «Не суди — да не судим будешь». Бросить с высот сегодняшнего опыта камень презрения в Кампанеллу или первостроителей поселка Военного Коммунизма легко, труднее понять их. Надо всегда помнить, что ими двигало благородное стремление создать общество, где все будут счастливы.

— А вот я, — ухмыльнулся Томас, — читал другую древнюю мудрость: «Благими намерениями вымощена дорога в ад...» Что вы на это скажете?

— Только то, что не войдя в воду — не научишься плавать, и первостроители поселка Военного Коммунизма шагнули в воду решительно. Да, они нахлебались воды, чуть не утонули, но все же выплыли, хотя и другим стилем.

— Это как?

— Видишь ли, они поначалу действительно попытались сделать многое из того, что придумали социалисты-

Какие чудотворные зверь
привыкли! И эти
завистливы настолько
дочери, что и зверь наш
не намоет наших веревоч
домой.

утописты. Здесь, в поселке Военного Коммунизма, пробоваги, например, отменить деньги и почти всю заработную плату выдавали товарами. Здесь даже хотели отказаться от торговли и наладить вместо нее прямой обмен продуктами — сдаешь государству определенное количество пшеницы и получаешь за нее сколько-то ситца и мыла.

— Как это «сдаешь»? — не понял Томас. — Продаешь?

— Да, но продажа эта была особая — по ценам, которые самовластно устанавливало государство. Оно же решало и то, сколько ты можешь оставить себе из выращенного урожая, а сколько продать по твердым ценам в счет продразверстки...

— А это еще что такое? — не унимался наш водитель. — Продразверстка-то? — переспросил я. — Подождите, Томас, сейчас вспомню, я ведь когда-то в институте к экзамену заучил наизусть часть закона о продразверстке... Ага, вспомнил. Там было написано так:

...обязать каждого владельца хлеба весь избыток сверх колличества, необходимого для обеспечения людей и личного потребления по установленным нормам до нового урожая, завести к сдаче в недельный срок после объявления этого постановления.

В случае обнаружения у кого-либо избытка хлеба, не заявленного к сдаче, хлеб отбира-

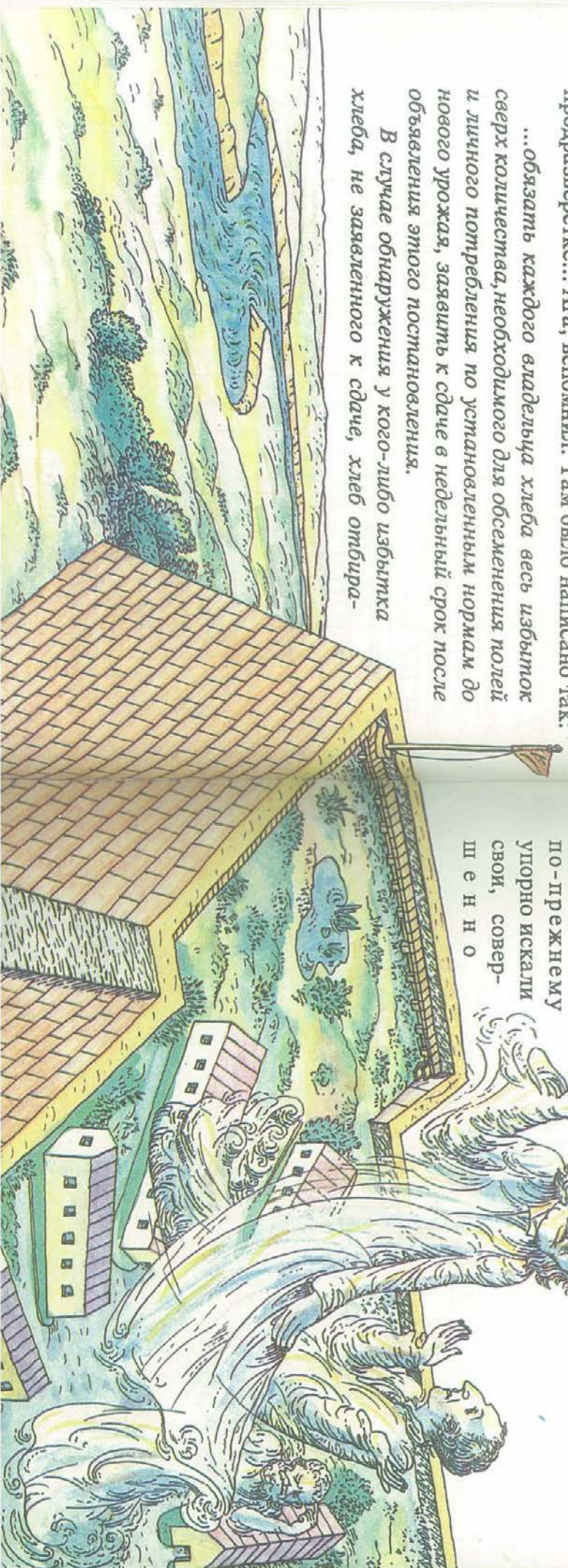
ется у него бесплатно, а причитающаяся по твердым ценам стоимость незаявленных излишков вынуждается в половинном размере тому лицу, которое укажет на сокрытые излишки... и в половинном размере, — сельскому обществу.

— Да, — грустно протянула Оля, — действительно похоже на Город Солнца: и сколько кому есть, по нормам определяют, и премию доносчику дают...

— Что делать — когда они принимали этот закон, им приходилось очень туго. Со всех сторон были враги, шла война, голод в городах был жесточайший... И потом — они сами скоро поняли, что так им счастливой жизни не построить, и как только война кончилась, они стали обдумывать иной способ устроить свою жизнь...

— Как в «БИЗ-НЕС-СИТИ»?

— Нет. Они по-прежнему упорно искали свои, совершенные

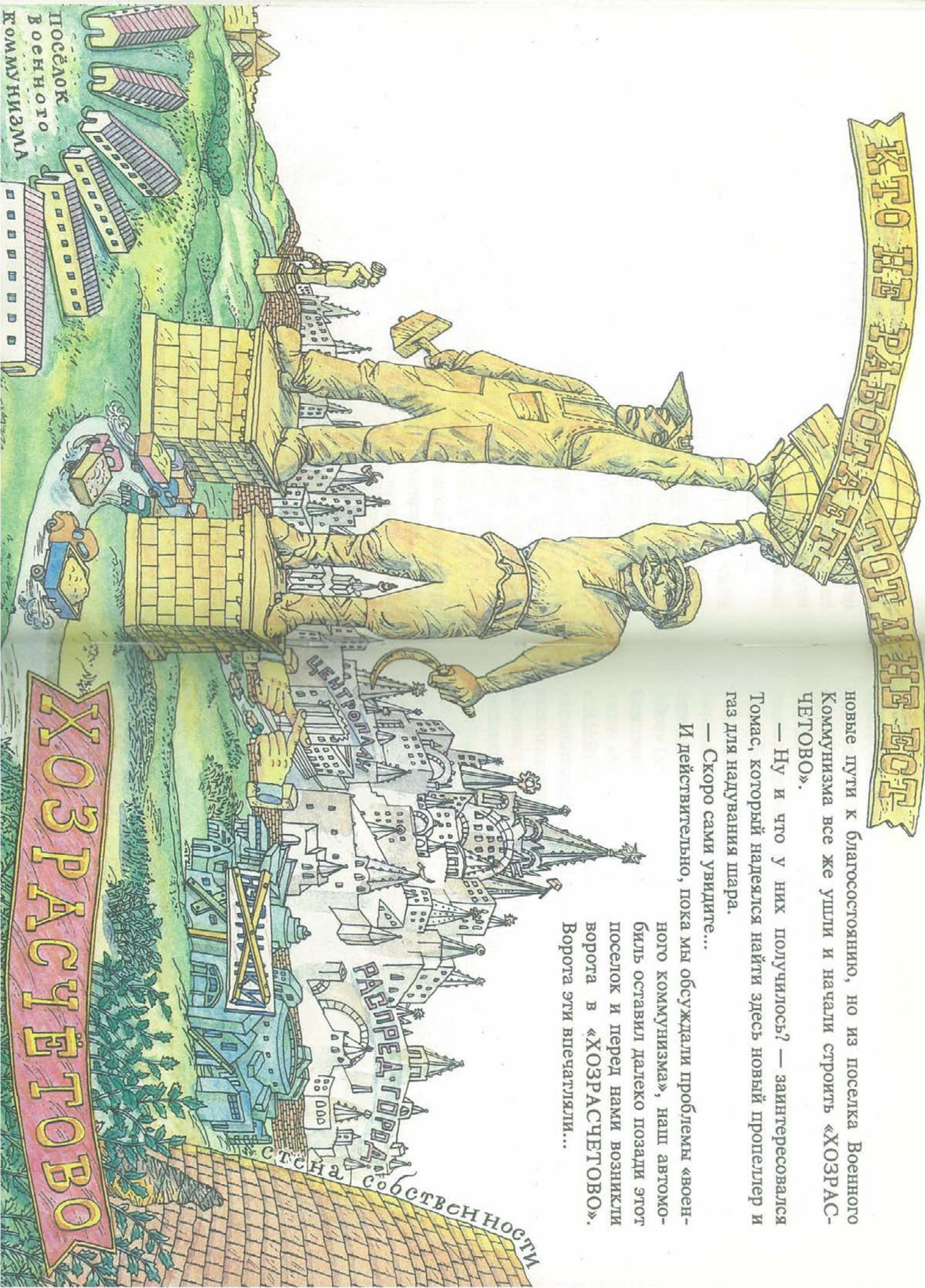
КТО НЕ РАБОТАЕТ ПОД НИМ ГОД

новые пути к благосостоянию, но из поселка Военного Коммунизма все же ушли и начали строить «ХОЗРАСЧЕТОВО».

— Ну и что у них получилось? — заинтересовался Томас, который надеялся найти здесь новый пропеллер и газ для надувания шара.

— Скоро сами увидите...
И действительно, пока мы обсуждали проблемы «военного коммунизма», наш автомобиль оставил далеко позади этот поселок и перед нами возникли ворота в «ХОЗРАСЧЕТОВО».

Ворота эти впечатляли...

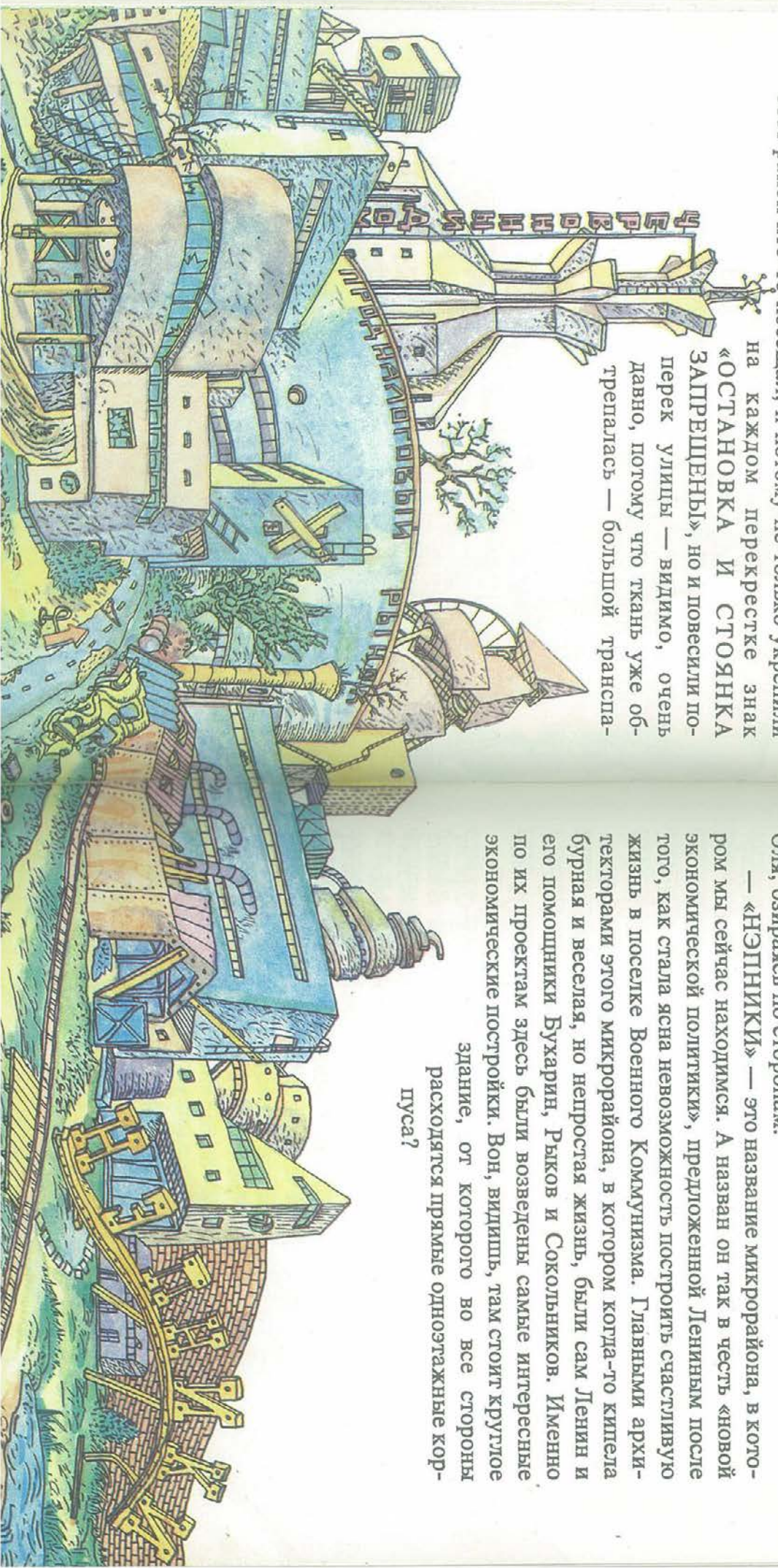
По сравнению со столь внушительными воротами окраина «ХОЗРАСЧЕТОВО» производила скромное впечатление. Впрочем, это присуще многим городам — в центре сосредоточены красивые дома, а окраины застроены маленькими домишками, складами, предприятиями. Окраина «ХОЗРАСЧЕТОВО», ко всему прочему, была и необитаемой. Об этом свидетельствовали шлагбаумы, перегородившие все улицы, отходящие от основной магистрали. Кроме того, во всех домах были заколочены двери и окна. Судя по всему, городские власти не хотели, чтобы этот район кто-то посещал, и потому не только укрепили

на каждом перекрестке знак «ОСТАНОВКА И СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНЫ», но и повесили поперек улицы — видимо, очень давно, потому что ткань уже обтрепалась — большой транспа-

рант «ОСМОТР НЕПНИКОВ ЗАПРЕЩЕН!» Правда, судя по всему, этот запрет соблюдался жителями «ХОЗРАСЧЕТОВО» не слишком строго — на некоторых улицах шлагбаумы были сломаны, а кое-где были видны и дома, с дверей и окон которых кто-то уже оторвал прибитые доски. При общей скромности архитектуры этого района, здесь попадались дома, необычность и выразительность облика которых вызвала интерес, несмотря даже на то, что многие из них были недостроены.

— Папа, а что это — «непники»? — поинтересовалась Оля, озираясь по сторонам.

— «НЕПНИКИ» — это название микрорайона, в котором мы сейчас находимся. А назван он так в честь «новой экономической политики», предложенной Лениным после того, как стала ясна невозможность построить счастливую жизнь в поселке Военного Коммунизма. Главными архитекторами этого микрорайона, в котором когда-то кипела бурная и веселая, но непростая жизнь, были сам Ленин и его помощники Бухарин, Рыков и Сокольников. Именно по их проектам здесь были возведены самые интересные экономические постройки. Вон, видишь, там стоит круглое здание, от которого во все стороны расходятся прямые одноэтажные корпуса?

— Это сколько же на каждого приходилось? — вдруг заинтересовался Томас.

— Не знаю, сейчас попробую прикинуть, — озадачился я, пытаюсь вспомнить число жителей «НЭПНИКОВ». — Ну...получается примерно по шесть с лишним миллионов на каждого, включая трудных младенцев. Эдакий город миллионеров! Вот только что можно было купить на эти миллионы... Кстати, у Владимира Маяковского есть даже шутовское стихотворение на эту тему. Вот, слушай:

Самогн почитистить — 1 000 000.

Состояние!

*Раньше б дом купил —
и даже неглохой.*

Привыкли к миллионам.

*Даже до Луны расстояния
советскому жителю кажутся чепухой.*

*Дернул меня черт
писать один отчет.*

*«Что это такое?» —
спрашивает с тоской
машинистка.*

*Черт его знает, что это такое,
если созда
у него*

тридцать семь нулей.

— Вот это да! — воскликнулась Оля. — Тридцать семь нулей — это что же за число?

— Понятия не имею, — честно признался я. — Я только одно знаю — если зарплата тебе выдают мешками или меряют на метры — да-да, не смеяться, Томас, именно так и было! — но купить ты на эти обесценившиеся деньги ничего не можешь, то интерес к деньгам исчезает. Гор-

говля при этом умирает и начинает возрождаться натуральное хозяйство для самообеспечения продуктами, а также натуральный товарообмен — товар меняют на товар. А это верный путь к всеобщей нищете — помнишь, мы с тобой об этом говорили еще в первый день нашего путешествия?

— Ну и как же здесь с этим справились? — не отставала Оля.

— Очень умно — выпустили в обращение новую денежную единицу под названием «Червонец» и объявили, что каждый может в любой момент поменять его на определенное количество золота или какой-нибудь пользующийся повсеместным спросом товар. Причем для начала выпустили этих новых денег очень немного, так что они сперва были редкостью и за ними стали даже гоняться. И вот тогда люди поверили, что эти деньги будут устойчивы, что их стоит зарабатывать, потому что за них что-то можно будет купить. Червонец стал «твердыми» деньгами, и благодаря этому удалось засыпать Инфляционное болото и в память о победе возвести Червонный дом...

— Послушайте, — перебил меня Томас, — а почему же люди ушли из этих домов, если здесь все так здорово получилось?

— Ох, — вздохнул я, — это вопрос сложный... Но я попробую ответить коротко. Дело в том, что после смерти Ленина те, кто возглавил «ХОЗРАСЧЕТОВО», решили, что «НЭПНИКИ» слишком напоминают «БИЗНЕССИТИ» и потому надо отказаться от разработанного Лениным генерального плана застройки. Поэтому они велели всем покинуть эти дома и улицы, объявили весь микрорайон запретной зоной и отдали распоряжение начать строительство «ХОЗРАСЧЕТОВО» заново, но уже по совсем иному образцу...

— Какому? — заинтересовалась Оля.

— Скоро увидите...

более удобные дорожные развязки? Это же истинная мука так ездить!

— Во-первых, разрушить крепости КАС не так-то просто. Видишь, какие мощные валы окружают этот городок бюрократов от экономики! А во-вторых, служители Командно-Административной Системы — совсем не дураки. Они десятилетиями внушали и внушили, наконец, жителям «ХОЗРАСЧЕТОВО», что единственная их забота — народное благо. Людей уверили в том, что без ежедневного внимания КАС «ХОЗРАСЧЕТОВО» постигли бы самые страшные из экономических бедствий — безработица, голод и отсутствие уверенности в завтрашнем дне...

— А откуда же тогда появились проломы в этой стене? Или она обрушилась просто от времени? — спросил Томас, озабоченно вслушиваясь в натужный стук мотора нашего автоветерана.

— Нет, время тут ни при чем. Эти проломы — следы отчаянных попыток самых отважных из деловых людей этого района взять Центры Бюрократического Управления штурмом и добиться руководства экономикой на основе экономических интересов людей, на основе хозрасчета, а не с помощью команд...

— Подожди, папа, — удивилась Оля. — Ты говоришь, что они добивались хозрасчета, но ведь весь район так и называется «ХОЗРАСЧЕТОВО»?! Что-то я ничего не понимаю!

— Охо-хо-хо, — вздохнул я. — Называться-то он так называется, но на самом деле история «ХОЗРАСЧЕТОВО» полна примеров ожесточенной борьбы с хозрасчетом. Ведь сам термин «хозрасчет» произошел от двух слов: хозяин и расчет. И смысл его предельно прост — у всего должен быть хозяин, который будет заботиться о своей собственности, будет вести дело расчетливо, чтобы выпускать только те товары, которые пользуются спросом. Но такой

хозрасчет — поперек горла работникам Центров Бюрократического Управления. Сама посуди, ведь если дать всем деловым людям свободу хозяйствовать по своему разумению и в соответствии с требованиями рынка, то зачем нужны все эти бюрократические крепости? Вот поэтому — для маскировки — служители КАС вслух кричали о верности идее хозрасчета, а на деле пробили его, липкая работы, а нередко и просто сажая в тюрьмы тех энтузиастов, которые пытались наладить хозрасчет не на словах, а на деле.

— И чем же это кончилось?

— А кто тебе сказал, что правление КАС в «ХОЗРАСЧЕТОВО» уже закончилось? — пожал я плечами. — Как видишь, пока что обречь их никак не удается. Бюрократы ведь, Оля, племя очень живучее, и вся страна экономика страдает от них испокон века...

— Папа, но ведь в «БИЗНЕС-СИТИ» мы же их не видели?!

Мамышко разговоров
про этих БЮРОКРАТОВ,
а я пока что не бегега зрел
ни одного из них.
А очень приятно.
Наверное, это какие-то
окопные штыки;
есть они вешки так разносто
П О М Б К А Н О Т.

— Видно, вы там пробьли очень недолго, — усмехнулся Томас, включаясь в разговор. — На самом деле и у нас их хватает, но приходится им куда тяжелее — наш способ хозяйствования строго проверяется рынком. И потому, коли не сумеешь угодить спросу покупателей или изготовить продукцию со слишком большими затратами — сразу разоришься! И никто тебе не поможет, какие бы изысканные бюрократические доклады ты ни сочинял. И потому в «БИЗНЕС-СИТИ» бюрократы привольно расплодились только в государственных учреждениях и компаниях, а в частных компаниях и корпорациях живется им куда труднее.

— И все же я не понимаю — почему в «ХОЗРАСЧЕТОВО» им удалось себе создать такую райскую жизнь? — не ускокаивалась Оля.

— Видишь ли, дело в том, что, поскольку основатели «ХОЗРАСЧЕТОВО» отменили частную собственность, все предприятия, железные дороги, леса, поля стали принадлежать всему народу. Но надо же кому-то повседневно управлять и распоряжаться этой общенародной собственностью. А кому? Пришлось поручить это дело государственным органам управления. И разросся поэтому в «ХОЗРАСЧЕТОВО» государственный аппарат управления до невиданных в истории размеров — на каждые 8 работающих здесь приходится один управленец! Вообще-то, конечно, без управленцев в стране Экономика обойтись невозможно и польза от них может быть очень большая, если... если только заняты они настоящим делом и работают, помня каждую минуту о необходимости делать только ту продукцию, что действительно нужна людям. Но беда в том, что в районе-то этом само слово «рынок» всегда было чуть ли не бранным — хоть и ушли люди из поселка Военного Коммунизма, а рассуждают все еще так, как в те времена.

— Ну и что?

— А то, что нравится это кому-то или не нравится — но не придумало человечество за всю свою историю лучшего контролера разумности дел в стране Экономика, чем рынок. И потому как только его в «ХОЗРАСЧЕТОВО» объявили вредным пережитком старого, для бюрократов наступило полное раздолье. Любой лентяй смог добиться для себя тепленького местечка — лишь бы его отчеты начальству выглядели покрасивее, а планы — пограндиознее...

— И как же люди тут думают жить дальше? Что они делать-то собираются?

— Строиться заново, что же еще! Жить-то под началом Центров Бюрократического Управления не под силу ни одному нормальному деловому человеку.

— Это значит что же — в четвертый раз уже все сначала?! — ахнул Томас.

— К сожалению, — развел я руками. — И эта новая стройка будет очень простым делом — и свободно места в «ХОЗРАСЧЕТОВО» осталось уже немного, и строительными материалами плоховато — почти все извезли на возведение бюрократических небоскребов. Главная же трудность — люди уже устали и изверились в том, что заживут когда-нибудь хорошо. Но выхода-то нет — прокормить себя надо самим...

В этот момент наш разговор прервался, потому что мы наконец-то въехали в ворота и оказались на площадке для досмотра. С немалым трудом мы убедили дежурного, что попали сюда из «БИЗНЕС-СИТИ» без каких-либо враждебных намерений, а просто по воле стихии. Когда же Томас втолковал ему, что мы не намерены задерживаться в «ХОЗРАСЧЕТОВО» и покинем его немедленно, как только найдем новый протеллер и заправим шар газом, он начал так язвительно смеяться, что мы невольно последовали его примеру, хотя и не поняли — что же в наших словах такого смешного?

— Видать, вы и действительно мало что знаете о «ХОЗРАСЧЕТОВО»! — покачал головой дежурный, отсмеявшись и утерев выступившие слезы большим белым платком, украшенным узором из крупных синих и красных отгисков печатей.

— А что? — насторожился Томас, да и у нас с Олей улыбка сползла с лиц — задержка в «ХОЗРАСЧЕТОВО» никак не воходила в наши планы.

— Так ведь вы же попали в городок Машиностроителей. Здесь вы можете разжиться только пропеллером, да и то вряд ли — вы же не заказывали его год назад, не так ли? А за газом вам надо в городок Газовиков — и там вас, я думаю, тоже никто с распространителями объятиями не поджидает!

— Не понял! — удивился Томас. — У меня есть деньги! Я могу заплатить даже наличными. И немедленно! Скажите только, сколько и кому.

— Да кому нужны твои деньги! — перешел на «ты» дежурный (похоже, что ему было приятно опущать свое превосходство над этим залетным простаком). — У нас свои порядки, не то что в вашем загагнивающим «БИЗНЕСИТИ». У нас главное — попасть в план! А для этого надо за год вперед подать начальству заявку — дескать, для выполнения ваших мудрейших указаний мне, сирому и убогому, нужно то-то и то-то и в таком-то количестве...

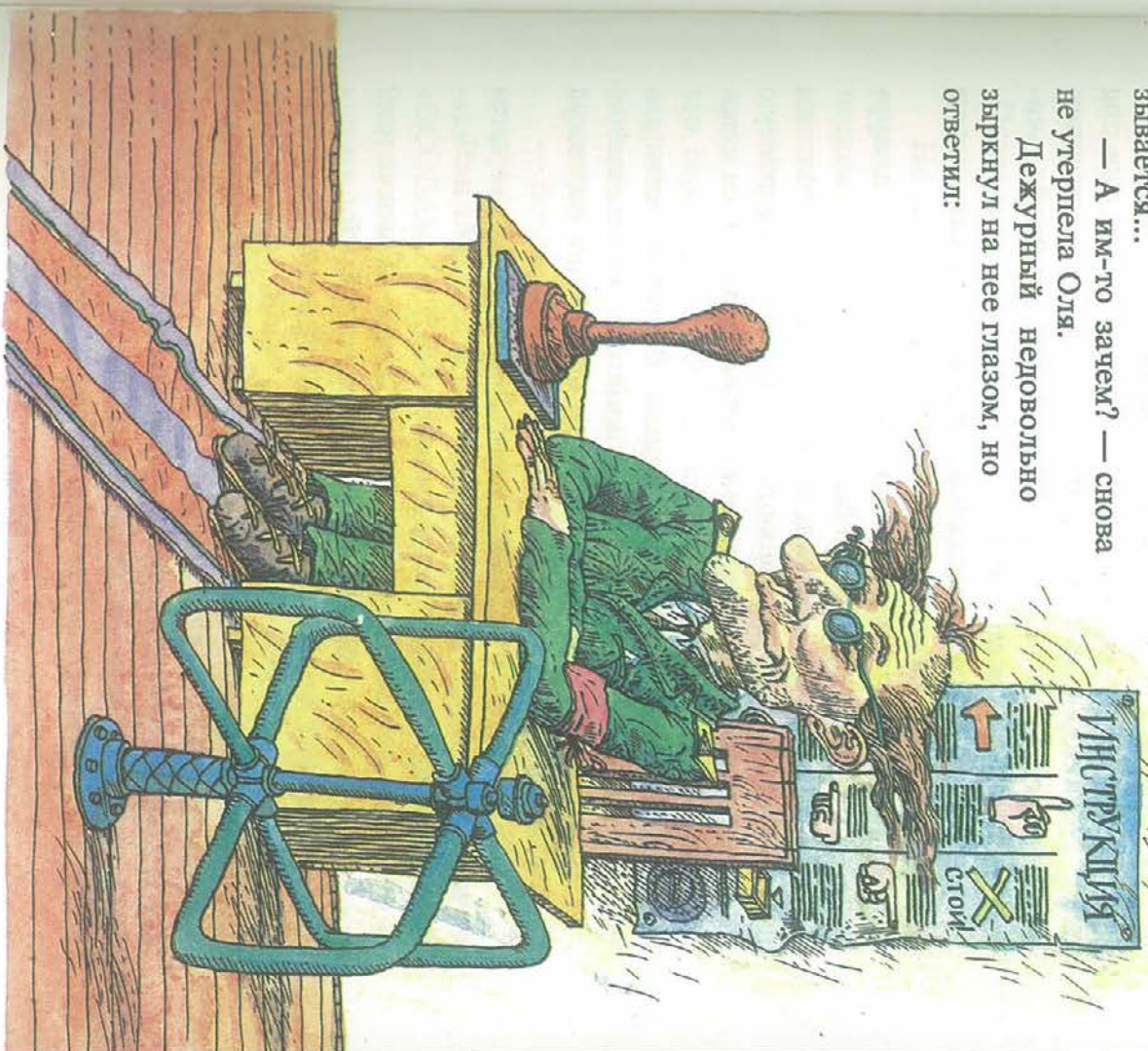
— А как же можно на год вперед знать, что и сколько мне понадобится? — вклинилась в лекцию дежурного Оля.

— погоди, девочка, не мешай! — отмахнулся от нее дежурный, недовольный, что его перебили. — Значит, так. Подаетшь ты заявку начальству. А оно, начальство, тоже не лыком шито — знает, что просят у него всегда и все с ба-а-льшущим запасом, дескать, запас карман не ломит. Потому оно, начальство, значит, берет в руку карандаш и заявку-то твою ра-а-з и наполовину сокращает! А уж потом посылает в самый главный городок — ЦЕНТРО-

ПЛАН называется. Там заявку твою еще малость обкорнают и в план на будущий год вставят. А как план тот утвердят, то из него две выписочки делают. Одну пошлют на завод, где будут делать то, что тебе нужно, а вторую — в совете друтой, но тоже очень важный городок — РАСПРЕД-ГОРОД навываается...

— А им-то зачем? — снова не утерпела Оля.

Дежурный недовольно зыркнул на нее глазом, но ответил:

— А в Распред-городе сидят начальники, которые приставлены следить, кто что на самом деле изготавливает и тому ли, кому предписано, продает. Так что, когда заказ твой готов будет, его сначала пошлют на склады РАС-ПРЕД-ГОРОДА, и там он будет лежать, пока ты не предъявишь бумажку, что это именно ты продумал эту заказывать. И вот только тогда ты получишь то, что тебе нужно! Вот как у нас все здорово продумано. И все при деле! И никаких там тебе рынков да бирж. А ты говоришь — «наличные»... — передразнил дежурный запальчивую реплику Томаса.

— А если мне через год уже заказ этот окажется не нужен? — недоуменно спросил Томас.

— А это уже твои проблемы! — ухмыльнулся дежурный. — Главное, чтобы план был выполнен!

— Так что же нам делать? — упавшим голосом понтересовалась Оля, понявшая, что полет на стартовую площадку и возвращение домой могут отодвинуться несколько дней.

— Как что? — удивился нашей бестолковости дежурный. — Писать заявку на будущий год, что же еще!

— А быстрее никак нельзя? — обреченно вздохнул Томас, грустно покачивая головой.

— Быстрее можно только по особой заявке, для чрезвычайных случаев, — важно пояснил дежурный, назидательно вздев к небу указательный палец.

— А где ее взять? — сразу ожила Оля. — У вас ее нет?

— У меня все есть, — тордо сказал дежурный. — А может быть, вы нам ее дадите? — не отставала Оля.

— Нет, никак нельзя, — отрицательно покачал головой дежурный. — Не положено!

— Скажите, а вы сувениры собираете? — вдруг сменила тему разговора наша спутница.

— Собираю, а что? — удивленно посмотрел на нее

дежурный. — Как не собирать, когда мимо тебя день-денской едут люди со всех концов «ХОЗРАСЧЕТОВО»... — А можно мы вам тоже сувенир подарим?

— А какой у вас сувенир? — заинтересовался дежурный.

— Золотой песок, — выпалила Оля, глядя на дежурного с незнакомым мне выражением в глазах.

— Ну да? — ахнул дежурный и весь пошел красными пятнами. — У меня в коллекции такого нет.

— Вот и чудесно! — тнула свою линию Оля. — Позвольте нам преподнести вам этот маленький сувенир для пополнения вашей замечательной коллекции.

Не давая Томасу опомниться, она отцепила у него с пояса один из маленьких мешочков с золотым небесным песком, которые наш капитан предусмотрительно прихватил с собой, покидая поврежденный воздушный шар.

Мы и глазом моргнуть не успели, как мешочек оказался в руках у дежурного и тут же исчез где-то в недрах его огромного письменного стола. Из тех же потайных закрытых дежурный вынул какой-то листочек с отпечатанной на нем наискось красной полосой и вручил его Оле со словами:

— Всегда приятно иметь дело с умным человеком. Для него у меня всегда сувенир найдется!

На листочке крупными буквами было напечатано: «СОБАЯ ЗАЯВКА НА», дальше шел пробел для названия нужной продукции, а ниже буквами помельче было написано: «Подлежит немедленному удовлетворению после подписания следующими ответственными работниками». Еще ниже колонкой было отпечатано с десяток каких-то фамилий и против каждой — место для подписи.

— Это что — нам еще надо столько подписей-виз собирать? — ахнул я, поняв, ЧТО нам предстоит.

— А как же! — развел руками дежурный. — Тут уж я

ничего поделывать не могу! Протеплелер и баллоны с газом вам выдадут с особого склада только после того, как вы соберете все эти подписи, не раньше...

Когда мы вернулись в машину, Томас вопросительно уставился на меня, ожидая, что я скажу ему, куда ехать за подписями. Но я молчал. Молчала и Оля, понимая, что сейчас будет.

— И где же это ты научилась взятки-то давать? — строго спросил я наконец.

— А что делать-то было?! — немедленно перешла в контратаку моя дочь. — Вы-то оба с Томасом носы повесили и руки опустили! А я к маме домой хочу! И без меня вы бы ни за что «Особой заявки» не получили! Вот!

— Так-то оно так, — неодобрительно качнул я головой. — Но только если принимать вот такие правила игры КАСовцев, то порядка в «ХОЗРАСЧЕТОВО» никогда не навести!

Оля только дернула плечом, но промолчала. Я оторченно вздохнул и дал Томасу знак двинуться вперед — на штурм бюрократов.

За прошедшие пять дней путешествия по стране Экономика мы пережили много приключений, порой весьма опасных, но сбор подписей на заявку стал для нас самым тяжелым испытанием. Здесь нам не прозили никакие опасности, но бессмысленность самого этого занятия была столь велика, что я едва удерживался от скандала.

Когда настало время обеденного перерыва, служебные кабинеты митом опустели, и нам пришлось тоже прервать свои блуждания по бюрократическому лабиринту. Устроившись за столиком в столовой, мы решили пообедать. Я уныло прикидывал, сколько часов нам придется еще потратить на получение остальных подписей.

Мои размышления прервала Оля.

— Папа, и как же здешние деловые люди вообще ухитряются что-то организовать?

— С большим трудом. Надо честно сказать, что жизнь руководителей предприятий при хозрасчете «по-бюрократическому» совсем невеселая — шагу шагнуть самостоятельно нельзя, а сверху все шпигот приказы да требуют отчетов об их исполнении. А это все оттого, что чем больше приказов, тем вроде бы бюрократ лучше работает. И только тогда, когда дела в «ХОЗРАСЧЕТОВО» пошли уж совсем плохо, местные деловые люди смогли выбить разрешение на то, чтобы у них было больше самостоятельности. Но получается это пока не очень хорошо...

— А почему?

— Прежде всего потому, что КАСовцы стараются всячески вставлять палки в колеса. А потом, годы и десятилетия бюрократического правления не прошли даром для жителей «ХОЗРАСЧЕТОВО» — многие из них заболели тяжелойшей экономической болезнью — иждивенчеством.

— Это когда человек работать не хочет и требует, чтобы его другие кормили, да?

— Совершенно верно. Усилиями КАСовцев болезнь иждивенчества захватила многих людей, которые стали считать, что, как бы они ни трудились, государство все равно им все даст и обеспечит нормальные условия жизни. Множество предприятий десятилетиями получали больше денег в качестве помощи, чем принесли дохода обществу.

— Подожди, папа, — Оля даже отложила вилку, — мне непонятно! Ты говоришь, что бюрократы поощряли иждивенчество. По-моему, как раз наоборот: если люди больны иждивенчеством и ждут, что им, как пленцам, все положат в рот добрые дяденьки из КАСа, то за все трудности они и винить будут тамшних бюрократов.

— Представь себе — нет! Если люди больны иждивенчеством, то им и в голову не приходит, что ненормален весь окружающий их экономический порядок.

Вину же за свои беды они возлагают на какого-нибудь конкретного бюрократа, считая, что они плохо живут из-за его личной нерасторопности и бездушия. А такой образ мысли очень устраивает служителей Командно-Административной Системы — ведь всегда можно без труда снять одного бюрократа, а на его место посадить другого. И люди сразу успокаиваются — как же, их послушали, им пошли навстречу... Значит, до тех пор, пока новый руководитель опять не разозлит людей, Командно-Административная Система может жить в полном спокойствии!

— Ох, — теперь вздохнула уже Оля, — получается, значит, что единственное спасение для «ХОЗРАСЧЕТОВО» — раздать общую собственность, чтобы у всего был свой конкретный хозяин, и пусть каждый выкручивается как знает, так что ли?

— Странный ты человек, — пожал я плечами, — ну зачем тебе однозначный ответ? Жизнь-то в стране Экономика очень разнообразная, и надо просто дать людям свободу хозяйствовать по своему разумению. А там жизнь покажет — какая форма, какой способ окажутся лучшими именно для данных условий. А потом — просто так раздать собственность не получится. Как ты, например, «раздашь» крупный металлургический комбинат или огромный автозавод? В лучшем случае их можно сделать акционерными компаниями...

— По-моему, ты улыливаешь от ответа, — улыбнулась Оля.

— Вовсе нет! — собрался я защищать свою позицию. Но тут над городком резко прозвенел звонок, извещающий об окончании обеденного перерыва, и, тяжело вздохнув, я отправился вместе с Олей и Томасом собирать оставшиеся подписи на нашей заявке.

Справиться с этой задачей нам удалось только к самому концу рабочего дня.

Пока мы добрались с нашей заявкой до заветного

склада, пока потрузили пропеллер и баллоны с газом на наш грузовичок, кое-как привязав бесценный багаж ка-нагами к остаткам кузова, уже начало темнеть, а когда мы доехали до места нашей вынужденной посадки — уже была глубокая ночь. Ночевать в кабине было невозможно. Нелзя было и оставлять груз на шоссе. Пришлось нам с Томасом, спотыкаясь и чертыхаясь в темноте, перетаскивать груз, молясь всем богам, чтобы никто не позарился на пропеллер и баллоны, пока мы циркулируем между кабиной шара и шоссе. Можно было, конечно, оставить Олю сторожить либо кабину, либо грузовик, но, увы, эта трусиха категорически отказалась оставаться в темноте одна и ходила за нами туда-обратно, стараясь не отстать ни на шаг.

Когда мы кончили таскать груз, сил осталось только на то, чтобы заползти в кабину, укутаться оболочкой шара и провалиться в сон. Об ужине мы даже и не вспомнили...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*В которой мы
штуршуем скалы,*

я ОЛЮ
ПЫТАЮТСЯ
ПОХИТИТЬ.

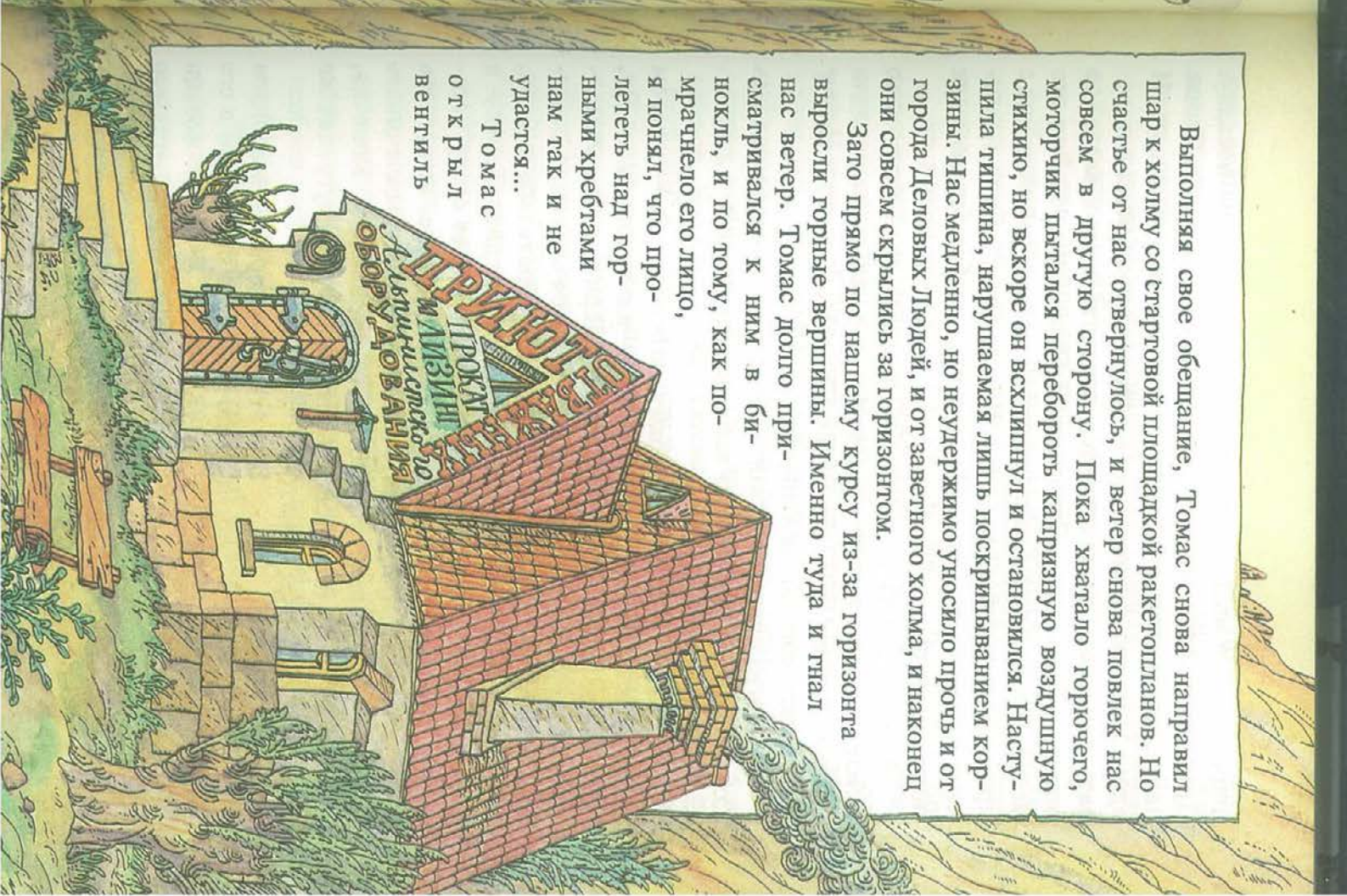
С трудом открыв глаза на следующее утро, я обнаружил, что Томас уже встал и копошится с мотором, заменяя поломанный пропеллер на новый. Оля же и не думала просыпаться. Поскольку завтракать нам было нечем, пришлось начать грудовой день на пустой желудок. К тому времени, когда Оля, наконец, проснулась, мы уже закончили дела с мотором и начали потихоньку наполнять шар газом.

К сожалению, газа нам выдали явно недостаточно — видно, сработала привычка урезать любые заявки. Из-за этого подъемная сила шара оказалась куда меньше, чем было необходимо. Поэтому, чтобы взлететь, нам пришлось облегчить корзину, выкинув из нее все, что только было можно. Наконец, медленно и как будто нехотя, наш шар начал подниматься в небо, оставшая внизу не слишком гостеприимное «ХОЗРАСЧЕТОВО».

Выполнив свое обещание, Томас снова направил шар к холму со стартовой площадкой ракетопланов. Но счастье от нас отвернулось, и ветер снова повлек нас совсем в другую сторону. Пока хватало горючего, моторчик пытался перебороть капризную воздушную стихию, но вскоре он всхлипнул и остановился. Наступила тишина, нарушаемая лишь поскрипыванием корзины. Нас медленно, но неудержимо уносило прочь и от города Деловых Людей, и от заветного холма, и наконец они совсем скрылись за горизонтом.

Зато прямо по нашему курсу из-за горизонта выросли горные вершины. Именно туда и гнал нас ветер. Томас долго приставивался к ним в бинюкль, и по тому, как по-мрачнело его лицо, я понял, что пролететь над горными хребтами нам так и не удастся...

Томас
открыл
вентиль

шара и начал выпускать газ, направляя шар на посадку. Другого выхода у нас не было. Готовясь к посадке, Томас направил бинокль вниз и начал осматривать местность. И вдруг лицо его просияло, и он начал активно манипулировать вентиляем, явно стремясь посадить шар в каком-то определенном месте. Вскоре мы с Олей тоже увидели это место. Почти у самой горы пригуглился маленький домик с красной черепичной крышей. На его крыше была укреплена какая-то вывеска. Но прочесть ее без бинокля мы пока не могли.

Впрочем, ждать пришлось недолго — Томас лихо приземлил шар метрах в десяти от домика, и мы увидели вывеску на нем: «ПРИНОТ ОТВАЖНЫХ. Прокат и лизинг альпинистского снаряжения».

— А что значит «лизинг»? — сразу заинтересовалась Оля, когда мы вылезли из кабины и двинулись к домику. — Прокат-то я знаю...

— Лизинг — это тоже прокат, но особенный — с правом выкупить со временем то, что ты взял напрокат. Ну, например, решил Томас построить фабрику по изготовлению воздушных шаров. Ему понадобятся станки, а денег-то у него на это нет. Но он может обратиться в банк, который купит это оборудование и сдаст Томасу в лизинг. Это значит, что Томас сможет сразу обновить эти станки на своей фабрике, выпускать шары, продавать их, а из выручки выплачивать банку стоимость оборудования. Конечно, плюс плата банку за такую услугу, как же без этого!

Под эти разговоры мы миновали путь до домика и постучали в его дверь. Дверь открыл хозяин дома. Джек Сервис (так его звали) был одет в штормовку. Лицо его окайм-

ляла окладистая седая борода, а кожа была так продублена ледяными ветрами и обожжена горным солнцем, что стала темно-коричневой.

Выслушав рассказ о наших приключениях, Джек сразу задал вопрос в лоб:

— А вы сегодня завтракали?

И узнав, что нет, сразу начал накрывать на стол. Надо ли говорить, что мы не стали отказываться от его приглашения...

Во время завтрака мы узнали много полезного. Во-первых, выяснилось, что горы, которые претрадили дорогу нашему воздушному шару, называются хребтом Заработной Платы, и обойти этот хребет невозможно. Более того, оказалось, что только пройдя через эти горы, можно добраться по порту Международного Сотрудничества, откуда начинается дорога к стартовой площадке ракетопланов. Наконец, Джек сказал, что он может вызвать из «БИЗНЕС-СИТИ» машину технической помощи, которая привезет газ для заправки Томасова шара, или просто отвезти этот воздушный корабль вместе с его хозяином обратно на площадку Акционером — что уж хозяин шара предпочтет? Правда, придет машина только завтра — уж больно далеко нас занесло от города Деловых Людей...

Иными словами, мы поняли, что наши пути с Томасом расходятся. Наша дорога лежала вверх и только вверх, хотя ни я, ни Оля никогда еще не участвовали в альпинистских экспедициях. И мысль о том, как мы будем карабкаться по заснеженным скалам, не вызвала у меня особого восторга, да и Оля явно не спешила отправляться на восхождение.

Похоже, что многоопытный хозяин без труда нас раскусил. Он откинулся на стуле, привычно поскрипывающем под его мощным телом, и, прихлопнув ладонью по столу, сказал:

— Ладно, хватит прохлаждаться! В горы надо уходить

с утра. Я иду с вами. И никаких возражений! Мне давно пора размяться, а то засиделся здесь внизу. Собирайтесь — и поскорее! Только сначала отметьтесь у спасательного компьютера, — и он кивнул головой в угол комнаты, где стоял довольно старенький компьютер.

Впрочем, при всей своей допотопности, этот компьютер успешно работал в составе специальной системы помощи всем альпинистам, собиравшимся штурмовать хребет Заработной Платы. Он помогал им выбрать маршрут восхождения и оценивал сегодняшнее состояние любого маршрута. Наконец, каждый альпинист получал здесь крошечный жетон-радиопередатчик, сигналы которого принимала специальная антенна, тоже связанная с компьютером. Это помогло постоянно проследживать маршрут любого альпиниста, а при несчастье — быстро найти его спасательному отряду, главой которого являлся все тот же Джек Сервис.

Повинуясь запросам компьютера, мы ввели в него основные сведения о себе. Компьютер закодировал их в память, а нам в специальном окошко выбросил жетон. Мы уже решили, что беседа с компьютером закончена, как вдруг он издал резкий сигнал, а на его экране вспыхнула надпись:

СООБЩИТЕ :

ЯВЛЯЕТЕСЬ ЛИ ВЫ ЧЛЕНОМ ПРОФСОЮЗА (ДА/НЕТ)?

— А зачем это компьютеру знать? — удивилась Оля, имевшая, судя по всему, весьма туманное представление о том, что такое профсоюзы.

— Думаю, что ответ на этот вопрос может весьма существенно повлиять на наше дальнейшее продвижение, — усмехнулся я. — Давай проверим, если хочешь. Попробуй сообщить компьютеру, что ты не состоишь в профсоюзе.

Аккуратно нажимая на клавиши, Оля напечатала слово «Нет» и нажала клавишу «ВВОД». На экране вспыхнула новая надпись:

СОЖАЛЕНО О ВАШЕЙ НЕОСМОТРИТЕЛЬНОСТИ!

ПОДЪЕМ НА ТАРИФНЫЙ ПЕРЕВАЛ

ВАМ ПРИДЕТСЯ СОВЕРШАТЬ В ОДИНОЧКУ,

С ПОМОЩЬЮ АЛГИНИСТСКОГО ОСНАЩЕНИЯ.

ОПАСАЙТЕСЬ ЛЕДНИКОВ УВОЛЫНЕНИЯ

И РАСШЕЛИН БОЛЕЗНИ. ЕСЛИ ВЫ РЕШИТЕ ВСЕ-ТАКИ

ВСТУПИТЬ В ПРОФСОЮЗ —

НАЖМИТЕ ОДНОВРЕМЕННО КЛАВИШИ

«CONTROL» И «INS» НА КАРМАННОМ КОМПЬЮТЕРЕ,

КОТОРЫЙ ВЫ ПОЛУЧИТЕ У ДЖЕКА

— Подумаешь, испугал, — пренебрежительно дернула плечиком Оля, похоже, уже почувствовавшая себя бывалым путешественником, которому не страшны любые преграды на пути.

— Обойдемся и без профсоюзов!

Джек, слышавший наш разговор, ничего не сказал, но укоризненно покачал головой, впрочем, не переставая ни на минуту возиться с упаковкой рюкзаков. Не прошло и часа, как мы были полностью экипированы и тронулись в путь. Томас проводил нас до подножья. Ох, как не хотелось нам прощаться! Мы вместе пережили трудности и успели нам подружиться. Расставаться с друзьями всегда грустно, но что поделаешь — такова жизнь. Мы обнялись на прощание. Подъем начался.

Надо сказать, что дело это оказалось весьма непростым, а главное — небыстрым. Путь к перевалу вел по узенькой и очень извилистой тропке, и нам приходилось почти все время идти вплотную прижимаясь к скале. В результате через час такого движения мы продвинулись в

лапой. Я перевернул его на спину, чтобы освободить мою дочку из плена. И остолбенел — на меня глянуло заросшее бородой, но совершенно обычное человеческое лицо. В нем не было ничего звериного. Впрочем, я тут же забыл об этом, принявшись лихорадочно осматривать Олю, безвольно обвисшую в моих руках, — нет ли на ней крови?

— Да вы не волнуйтесь! — раздался из-за моего плеча голос Джека. — Я же стрелял не пулей, а иглой с быстродействующим снотворным...

Наконец Оля открыла глаза. Я облепченно вздохнул.
— Кто это был, папа? — спросила дочка. — Снежный человек, да?

— Да какой там снежный человек?! — расхохотался Джек. — Это же обычный штрейкбрехер! Их тут очень много. Я потому и ношу с собой ружье со снотворными пулями.

— А кто это такие — штрейкбрехеры? — спросила Оля уже более ясным голосом, высвобождаясь из моих объятий и поправляя куртку.

— Штрейкбрехеры-то? — переспросил Джек, усмехаясь и покачивая головой. — А это те, кто думает только о своей выгоде, не желая считаться с интересами других людей. В общем — эгоисты. В нашей стране таких немало. Они отказываются вступать в профсоюзы, работают даже во время общих забастовок — за что их и прозвали «штрейкбрехерами», что по-немецки значит «разрушители забастовок». Здесь, у нас в горах, их все ненавидят, и потому жить им приходится вдали от людей, в скальных пещерах, одеваясь в медвежьи шкуры...

— А зачем он пытался меня похитить?

— Так ведь тоскливо человеку жить одному, даже если он штрейкбрехер и свои экономические интересы ставит выше всего во Вселенной. Нужна же какая-то живая душа, которой можно было бы доказывать правоту своей жизненной позиции.

— А разве не надо думать о своих интересах? — поинтересовалась Оля, бросив на меня взгляд — Дескать, помню ли я наши разговоры на шоссе Экономических Интересов.

— Надо, конечно, надо, — пожал пле-

III Т Р Е Я К Б Р Е Х Е Р
м, кто не хочет вместе со всеми
уваживать интересы всех,
наду старается высидеться
перед жояева...

НЕ
ЗАБЫТЬ!

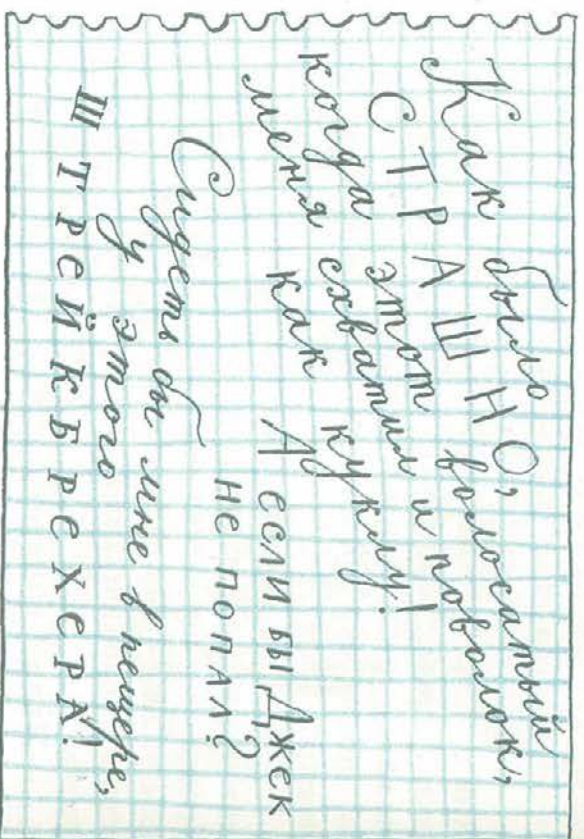
чами Джек. — Только знаешь, я когда-то прочел слова, которые запомнились мне на всю жизнь: «Если я не за себя, то кто — за меня? Но если я только за себя, зачем я?» Подумай об этом, ладно?

— Ладно, — серьезно пообещала Оля, и мы тронулись обратно к потайному лифту, оставив штрейкбрехера доспасть в тени скалы, куда мы с Джеком оттащили его, чтобы он не лежал на снегу (еще обморозится!).

Едва мы подошли к дверям лифта вплотную, как они сами раздвинулись, и мы вошли в кабину.

Через мгновение мы уже были на вершине, где была устроена смотровая площадка. Оттуда перед нашим взором распахнулась величественная картина. Оказывается, хребет Заработной Платы образовывал ровное кольцо, внутри которого простиралась довольно плоская долина.

Присмотревшись, мы обнаружили, что подобные нашей смотровые площадки расположены по всему внутреннему склону горы. Как выглядели другие горы хребта Заработной Платы, разглядеть было довольно трудно —

мешало расстояние. Но тут Оля вдруг заметила, что в углу нашей смотровой площадки стоит... телескоп.

— А это-то здесь зачем? Или здесь наблюдают за звездами?

— Да нет, — усмехнулся Джек. — Астрономы сюда не заглядывают. Да ты и сама присмотришься — телескоп-то нацелен не в небо, а на соседнюю гору...

— Она что — какая-то особенная? — сразу заинтересовалась моя спутница. — А как на нее посмотреть в телескоп?

— Пойдем поближе, там, похоже, тоже вмонтирован свой компьютер... — предложил я.

Так и оказалось, и через минуту мы уже читали на экране вот такую надпись:

К ВАШИМ УСЛУГАМ —

ТЕЛЕСКОП ТАРИФНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ !!!

НАЧАЛО И ОКОНЧАНИЕ НАБЛЮДЕНИЙ — КЛАВИША «INS».

ДЛЯ НАВОДКИ ТЕЛЕСКОПА НА ДАЛЬНИЕ ГОРЫ —

НАЖМИТЕ НА КЛАВИШУ «+» И ДЕРЖИТЕ ДО ПОЛУЧЕНИЯ

ОТЧЕТЛИВОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ.

ДЛЯ НАВОДКИ ТЕЛЕСКОПА НА БЛИЖНИЕ ГОРЫ —

НАЖМИТЕ НА КЛАВИШУ «-» И ДЕРЖИТЕ ДО ПОЛУЧЕНИЯ

ОТЧЕТЛИВОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ.

К ТЕЛЕСКОПУ ПОДКЛЮЧЕНО УСТРОЙСТВО

АВТОМАТИЧЕСКОГО СРАВНЕНИЯ ТАРИФОВ.

ВКЛЮЧЕНИЕ — КЛАВИША «TAB».

ЖЕЛАЕМ УСПЕШНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ !!!

— Ух ты, — удивилась Оля, — целое представление к обычному телескопу! А это устройство... как его... «сравнения тарифов», оно-то зачем?

— Э, голубушка, оно же здесь самое главное! — покачал головой Джек. — Телескоп-то этот здесь уста-

новили не для случайных туристов вроде вас, а для контроля за тем, всем ли платят за работу по справедливости.

— А зачем это нужно?

— Видишь ли, человек всегда и острее всего требует справедливости и одинакового подхода ко всем. И здесь на плато Распределения, где завершается разделение между людьми созданных их трудами товаров и полученных обществом доходов, эти требования звучат всегда особенно остро.

— А почему? Разве так трудно сделать, чтобы все были довольны?

— Очень трудно, — пришел я на помощь Джеку. — От размера зарплат зависит слишком многое в твоей жизни да и в жизни твоих детей, которых ты должен прокормить, одеть, обуять да еще и заплатить за их учебу. Надеяться можно прежде всего на себя. В лучшем случае государство тебе немного поможет в беде. И потому человек, приходя на рынок труда как владелец бесценного товара — умения делать товары для других, конечно же, отчаянно торгуется, чтобы получить за этот товар цену, то есть заработную плату, повыше. И соединная усилia в профсоюзе, куда входят те, кто умеют делать одно и то же дело, люди более успешно выторговывают себе зарплату повыше. Хозяину просто говорят: «Либо всем платишь такую зарплату, которую мы считаем справедливой за наш труд, либо ни один из членов профсоюза работать не согласится и дело остановится!»

— А почему тогда людям вообще приходится торговаться-то, раз без их рабочей силы никто обойтись не может?

— Да потому, что, во-первых, покупатель рабочей силы старается заплатить за труд поменьше, чтобы его собственные доходы были побольше. А во-вторых, даже если бы он вдруг и захотел заплатить своим работникам

как можно больше, у его щедрости есть своя экономическая граница. Как ты думаешь, какая?

— Ну-у-у... — протянула Оля, стараясь выиграть время. — Наверное, он не может заплатить рабочим больше, чем сам получит на рынке за изготовленный ими товар. Так?

— Умница! — обрадовался я. — Совершенно верно. Только на самом деле граница здесь проходит еще ниже. Сама посуди, ведь из выручки от продажи товара надо покрыть расходы на потраченные при изготовлении товара материалы, электроэнергию, отложить деньги на ремонт и замену износившегося оборудования. А ведь еще надо внести налоги в государственную казну. Да и себе предприниматель тоже хочет выкроить некоторую сумму, а иначе зачем ему вообще братья за дело?

— И как же тут можно договориться? Прямо как у Крылова в басне «Лебедь, рак и щука» — каждый тянет в свою сторону!

— По-рыночному и договариваются, как же еще, — включился снова в разговор Джек. — Если рабочие запрашивают такую зарплату, при которой вести дело становится невыгодным, предприниматель это дело закрывает. Но тогда товар перестает поступать на рынок и становится дефицитным. Цены на него начинают подниматься, а поэтому у предпринимателя уже появляется возможность заплатить рабочим столько, сколько они требуют. Ну а если дефицит рассасывается за счет товаров, привезенных из-за рубежа, тогда спор за зарплату проигрывают уже рабочие.

— И что тогда?

— Тогда им приходится умерять свои требования. Ведь если они не

АМОРТИЗАЦИОННЫЙ ФОНД
это деньги, которые предприятие
взводит на себя за новые станки
и ремонт зданий.
НЕ ЗАБЫТЬ!

могут продать свою рабочую силу, то больше им нечего продать, чтобы прокормить себя и свою семью, понятно? А голод не тетка — приходится соглашаться на зарплату ниже.

— А телескоп-то здесь при чем? — вернулась к своему вопросу Оля.

— Во-первых, — начал загибать пальцы Джек, — чтобы следить — не платят ли где-нибудь за такую же точно работу побольше. Если такое местечко обнаруживается, то люди либо стараются туда перейти работать, либо начинают требовать, чтобы и им платили не меньше. Можешь называть это чувством справедливости, можешь — завистью, но дело обстоит именно так. А вторая забота, которая заставляет держать такие телескопы на всех смотровых площадках, — желание узнать: не платят ли где-нибудь за легкую работу больше денег, чем человек получает у себя на предприятии за труд более тяжелый? Плата за труд — ее здесь часто называют тарифом — всегда находится в центре внимания жителей страны Экономика. И с помощью вот таких телескопов мы ведем постоянные сравнения. Хочешь, мы тоже попробуем этот телескоп в деле?

— Да, — с удовольствием согласилась Оля, которой уже давно нетерпелось поглазеть в компьютерный телескоп.

Манипулируя клавишами, Джек навел телескоп на дальнюю от нас вершину и принялся настраивать изображение на резкость. Наконец ему это удалось, и, прикладываясь поочередно глазом к окуляру, мы увидели точно такую же смотровую площадку на вершине горы. Там тоже стоял какой-то человек и, прильнув к телескопу, смотрел на... нас!

От неожиданности Оля вздрогнула и отпрянула от телескопа.

— Ты чего испугалась? — усмехнулся Джек.

— А кто это на нас смотрел? Противно как-то...

— Приятного мало, — согласился я. — Но ничего не поделаешь — люди всегда интересуются заработками друга друга и ищут место, где можно заработать денег побольше и полетче. Вот мы тебе только что рассказали о том, как люди, объединяясь в профсоюзы, добиваются, чтобы им платили одинаково за одинаковую работу на любом предприятии, кому бы оно ни принадлежало. Так? Но есть в стране Экономика и еще более трудная задача — в каком соотношении должны находиться зарплаты людей совершенно разных профессий.

— Чего-чего? — переспросила Оля, которая, похоже, пропустила мои последние слова мимо ушей, стараясь навести телескоп так, чтобы мы видели человека на противоположной горе, а он нам в глаза заглянуть не мог бы.

— Проще говоря, вопрос стоит так — должен ли шахтер зарабатывать больше водителя грузовика? А если да, то на сколько? Вот как бы ты решила эту задачку?

— Я? — удивилась Оля. — Ну, не знаю... А сколько часов они работают в день?

— Оба — по восемь часов и по пять дней в неделю, — спокойно ответил я.

— Тогда скажи... скажи, сколько тонн угля добывает за день шахтер и сколько тонн перевозит водитель?

— Я тебе скажу только одно — ты идешь в ложном направлении. Ну а если бы я сказал, что шофер водит не грузовик, а междугородний автобус, ты что, сравнивала бы количество добытых тонн и вес перевезенных пассажиров, так что ли?

— Ну, тогда я не знаю — кто сколько сумеет выторговать, так что ли?

— О, в самую точку, — развел руками Джек.

— Правда? — искреннее удивилась Оля, не ожидая, что оказалась права.

— Конечно, и здесь идет настоящий рыночный торг. Например, если шахтеры решат, что им платят слишком мало за их нелегкий труд, а забастовки не помогают, то некоторые начинают увольняться с шахт и меняют профессию. Да и молодежь все реже выбирает эту работу для себя. Добыча угля сокращается, он становится дефицитным, и цены на него начинают расти. Тогда, чтобы привлечь побольше работников (если, конечно, нельзя заменить их новыми, пусть и дорогими машинами),

зарплату шахтерам начинают повышать до тех пор, пока люди не начинают бросать свою работу, чтобы наняться на шахты, где заработок стал таким высоким.

— Ну а если проферы решат, что им теперь платят слишком мало по сравнению с шахтерами, тогда что?

— Тогда они начнут поступать так же, как шахтеры, добываясь и себе повышения заработной платы или меняя профессию... — пожал плечами Джек, удивляясь тому, что это может быть кому-то непонятно.

— Но это же получается бесконечный замкнутый круг повышения зарплаты для всех!

— Ну, на самом деле круг этот вовсе не бесконечный, — поначал я головой. — Ты забыла о том, что есть еще и такая вещь, как цена, которую определяет рынок. Если зарплата повышается слишком сильно, то производство продукции может стать невыгодным и ее просто перестанут выпускать. И что будет тогда, а?

— Ну, — протынула задумчиво Оля, — наверное, предприятия закроются и рабочие, запросившие слишком высоко зарплату, окажутся вообще без работы и без зарплат, да?

— Именно так, умница. Поэтому в жизни борьба работников за получение как можно большей суммы денег приводит к тому, что устанавливается более или менее устраивающая всех зарплата.

— Пока снова кому-то не покажется, что он получает слишком мало, — хихикнула Оля.

— Зря хихикаешь, — пожал я плечами, — ничего тут смешного нету. Начнешь работать, сама увидишь — когда дело идет о зарплатах, разгораются такие страсти, что не приведи господи!

А есть еще один сложный вопрос — это разный уровень квалификации работников одной и той же профессии. Чем лучше результаты труда работника, тем большей оплатой он заслуживает. И это справедливо, не так ли?

— Наверное, — неуверенно сказала Оля.

— Не наверное, а точно, — наседаю я на нее. — Но как определить — НАСКОЛЬКО он работает лучше и насколько БОЛЬШЕ ему следует по справедливости платить, а?

— Понятия не имею. А как? Измерить разве это никак нельзя?

— Тепло-тепло, почти горячо, — хлопнул в ладоши

Джек. — Думай дальше — ты на верном пути!

— Ну... — напряглась Оля, — наверное, надо придумать какие-то способы измерения умелости. Например, можешь сделать какую-то сложную вещь — получишь плату высокую, не умешь — низкую, да?

— Отлично, — обрадовался ее сообразительности Джек. — Примерно так это и делается в стране Экономика.

— Ну что, будем спускаться?

— Давай, — согласилась Оля и вопросительно глянула на Джека. — А как?

— Ну, это уж совсем просто, — ответил он на ее вопрос. — Сейчас я вызову кабинку фуникулера, в которой вы спуститесь вниз. А я двинусь назад — поджидать новых клиентов. Кстати, внизу есть такой же пункт проката и лизинга, как и мой. Туда вам надо сдать снаряжение. Там же и расплатитесь. Желаю удачи!

Он шагнул к краю площадки, где в скалу был врезан пульт с несколькими кнопками, и нажал на одну из них. На пульте сразу же вспыхнула красная лампочка, один из камней сдвинулся, и за ним открылись двери на площадку фуникулера. А через несколько минут подъехала кабинка. Джек открыл нам двери, помог затолкать внутрь кабинки рюкзаки и прощально помахал рукой, когда мы заскользили по канату вниз.

До дна лошники было уже недалеко, когда кабинка вдруг остановилась и сразу же ожил экран компьютера, смонтированного в стенку. На нем появилась надпись:

ПРОМЕЖУТОЧНАЯ ОСТАНОВКА —

КАРНИЗ ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА.

СООБЩИТЕ НАПРАВЛЕНИЕ

ВАШЕГО ДАЛЬНЕЙШЕГО ДВИЖЕНИЯ.

ПОДЪЕМ НА ДРУГОЙ ПИК ХРЕБТА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ —

КЛАВИША «Г».

СПУСК В ЛОЩИНУ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ —

КЛАВИША «С»

— А почему фуникулер не доходит до самого низа? — удивилась Оля. — Вроде же с самого начала речь шла именно об этом?

— Я думаю, он решил нас подстраховать — вдруг мы на самом деле не собирались спускаться в самую лошину Общественного Потребления, а просто собирались добраться к подножью другой горы, где присмотрели более выгодные условия работы? Тогда нам было бы действительно удобнее двигаться по карнизу Прожиточного Минимума — ведь с него можно начать подъем на любую из гор хребта Заработной Платы.

— А этот карниз — природный или его люди вырубали? Уж больно он удобен — в настоящих торах такого я никогда не видала.

— Как тебе сказать? — почесал я в затылке. — Вообще-то создала его природа страны Экономика, а уж таким гладким и удобным для перемещения сделали человеческие руки за века существования хребта Заработной Платы. Кстати, если тебе интересно — когда-то на этом карнизе шли нештучные бои!

— Бои? А кого с кем? И за что?

— Кого? Трудящихся с предпринимателями. А вот за что — этот вопрос посложнее. И чтобы я смог тебе на него ответить, скажи мне сначала ты — меньше чего не может быть заработная плата, как ты считаешь?

— Не знаю, — пожалла плечами дочь, — наверное, есть какая-то сумма, меньше которой получать нельзя, чтобы хватило на жизнь...

— Верно, но что значит «надо на жизнь»? Кому? И на какую жизнь?

— Как это на какую? — теперь уже удивилась Оля. — Что, у человека разве могут быть несколько жизней?

— Ну, жизнь-то у человека, конечно, только одна, но она может быть разной — один всю жизнь перебивается с хлеба на воду, а другой меняет роскошные лимузины

каждый год и при этом считает, что он получает такие доходы, которые ему «надо на жизнь».

— По-моему, ты ко мне придираешься, — возмущенно сказала дочь. — «Надо на жизнь» — это значит столько денег, сколько нужно, чтобы не умереть от голода, как-то одеться и заплатить за жилье. Мы же об этом договорились еще в первый день, помнишь, когда выясняли, что человеку надо?

— Не сердись, Оля. Я не зря спрашиваю — вопрос не такой простой. Представь себе, что ты — женщина, кормилец семьи и у тебя новорожденный ребенок, а жена сидит с ним дома, не работает. Вот теперь и скажи — «надо на жизнь» должно хватать на то, чтобы и их прокормить или нет?

— Конечно!

— А если ты обожаяешь детей и у тебя их пятеро — от года до десяти лет? Жена, конечно, работает при такой семье не в состоянии. Тут как быть? Включать расходы на содержание еще шести человек в тот минимум, который тебе «надо на жизнь» или нет?

— Включать, конечно! Дети же должны есть!

— Тогда получается, что у каждого человека свой прожиточный минимум, так что ли? В зависимости от того, какая у него семья? И зарплата, значит, обязательно должна ему этот минимум средств на существование обеспечивать?

— А что тут такого — люди-то все разные? И все имеют право на жизнь.

— Тут ты, конечно, права, но давай посмотрим на дело с другой стороны.

— С какой?

— Со стороны справедливости, так, как она понимается жителями страны Экономика. Представь себе двух рабочих, которые трудятся бок о бок в одном и том же цеху, делают одинаковую работу, но только у одного нет

детей и жена тоже работает. А у второго трое детей и жена сидит с ними дома, ведет хозяйство. Если следовать твоей логике, то зарплата у второго рабочего, которому надо прокормить кроме себя еще четверых иждивенцев, должна быть значительно больше, чем у первого, хотя результаты труда у них одинаковые, так?

— Так, — упорно тнула свою линию Оля.

— Хорошо, допустим, что законы страны Экономика будут построены в соответствии с твоей точкой зрения. Но к чему это приведет? Давай разберемся. Во-первых, любой предприниматель будет стараться не брать на работу или под любым предлогом уволить многодетного рабочего, и он окажется безработным...

— Можно запретить это делать — принять такой закон и все!

— Ну, знаешь, когда юридические законы начинают действовать против законов экономических, из этого ничего хорошего не выходит — либо юридические законы перестают действовать, либо экономические законы начинают так мстить за насилые над собой, что не приведи господи! А потом, даже если ты добьешься соблюдения закона о защите прав многодетных работников, то остается еще проблема с бездетным рабочим.

— А у него-то что за проблема?

— Ничего себе вопросы! Попробуй-ка взглянуть на эту проблему его глазами. Он работает ничуть не хуже, чем его сосед, а получает куда меньше.

— Но ему и денег-то надо меньше — у него же дома дети голодные не сидят! — не сдавалась Оля.

— Так-то оно так, но дети, в конце концов, это твое личное дело, твоя радость и твое семейное счастье...

— Почему это?! — возмутилась Оля. — Дети вырастут и будут работать на все общество. Если не будет детей, то кто будет потом кормить бездетных стариков? Кто будет их лечить? Кто будет делать для них лекарства и одежду?

— Так-то оно так, — покачал я головой, — но в реальной жизни большинство людей живет сегоднешним днем и не хочет думать о том, что будет через 20 — 30 лет, а уж тем более не любит подчинять свои личные интересы интересам всего общества. Нравится это тебе или нет, но человек пока таков, и с этим надо считаться. Здесь есть реальное и очень простое противоречие между экономическими интересами каждого отдельного человека и экономическими интересами всего общества.

— Ну и как же быть?

— Искать решение, которое худо-бедно устроит всех, что же еще здесь поделаешь? И в стране Экономика такое решение в конце концов нашли. Верхняя граница зарплат здесь определяется только результатами твоего труда. Нижняя же граница — прожиточный минимум — устанавливается единой для всех. Прожиточного минимума должно хватать, чтобы такая семья не умерла с голода и могла иметь крышу над головой. Даже если работать будет только один из взрослых. Конечно, в жизни не все получается так гладко.

— А как же быть тем, у кого детей больше? Голодать?

— Когда-то так и было — голодали и помощь могла прийти только от благотворительных обществ. Но потом в результате долгой борьбы за свои права трудящиеся добились того, что появились общественные фонды потребления. Они-то и помогают старикам, больным, многодетным. Сейчас ты сама это увидишь, если прикажем компьютеру опустить нас, наконец, в лошину Общественного Потребления.

Нажатие на клавиш «С» действительно снова включило двигатель фуникулера, и он, наконец, доставил нас на дно лощины. Когда мы вышли из кабины, то увидели, что из павильончика на улицу вели 7 дверей! И на каждой из них была своя надпись. На первой было написано — «Для несовершеннолетних», на второй — «Для инвали-

дов». В третью дверь приглашали пройти пенсионеров, в четвертую — учащихся. Пятая дверь была предназначена для тех, кто не работает по болезни, шестая — для безработных, и только на седьмой была надпись «Для туристов».

— А зачем здесь столько дверей? — заинтересовалась Оля, направляясь не спеша к «туристической» двери.

— Странный вопрос! — в свою очередь удивился я. — Ведь в долине Общественного Потребления помогают совершенно разным группам жителей и помогают по-разному. Учащемуся дают стипендию, чтобы он смог завершить образование. Ребенку из многодетной семьи помогают пособиями, чтобы родителям было на что купить ему еду и одежду. Пенсионеры платят пенсию, а больному — возмещают расходы на лечение. Каждому свое — поэтому каждый должен выйти через свою дверь, где его ждут работники, отвечающие именно за этот вид помощи.

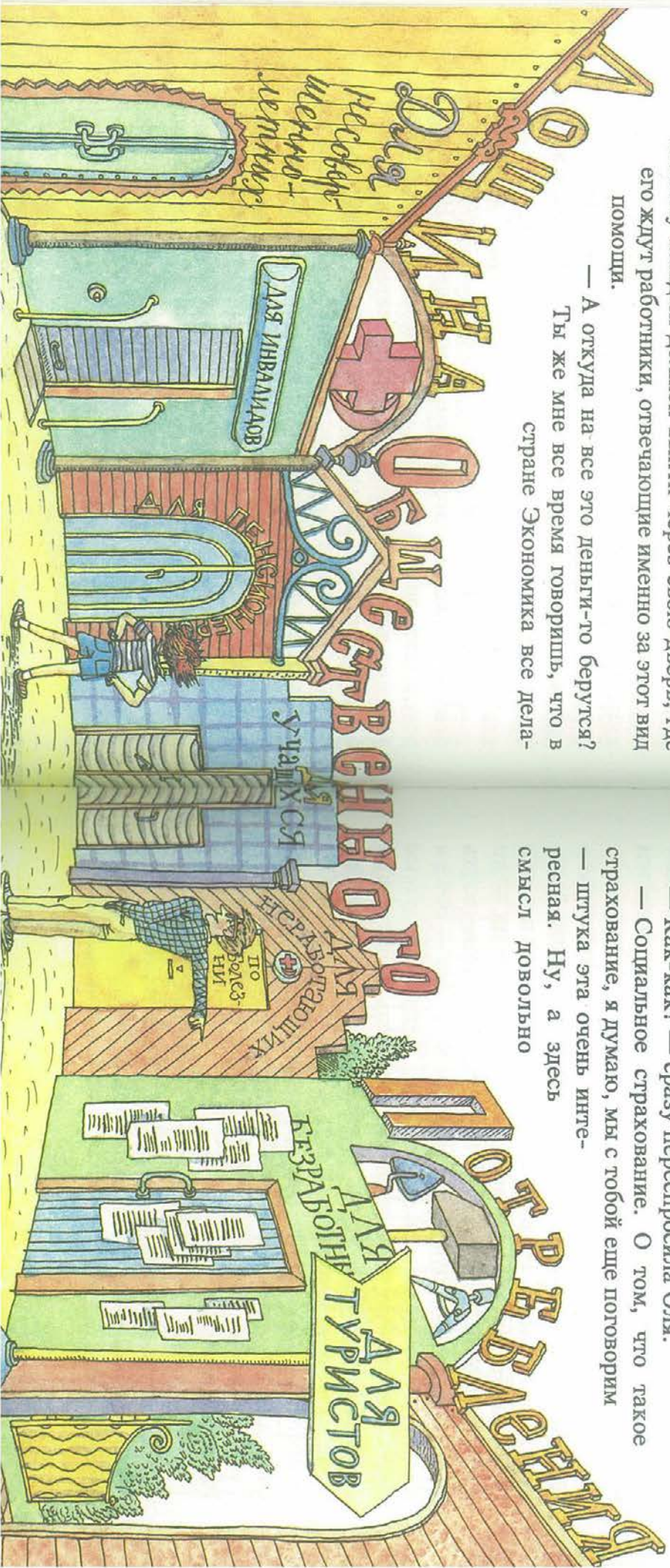
— А откуда на все это деньги-то берутся?
Ты же мне все время говоришь, что в стране Экономика все дела-

ется за деньги, все надо заработать своим трудом, что тут каждый смотрит за соседом — не получает ли тот слишком много, и дрожит сам над каждой копейкой! Разве не так?

— Так. Но жизнь страны Экономика сложнее, чем тебе кажется, и появление здесь лошины Общественного Потребления вовсе не отменяет все то, о чем мы с тобой говорили раньше. Во-первых, кое-что и тут прямо зависит от того, как ты сам работаешь и сколько получаешь. Например, размер пенсии прямо зависит от того, сколько лег ты работал и сколько получал. А что касается других пособий, то деньги для них берутся, конечно, не из воздуха. Для этого заранее откладывается часть заработков жителей страны Экономика. Называется это отчислениями на социальное страхование...

— Как-как? — сразу переспросила Оля.

— Социальное страхование. О том, что такое страхование, я думаю, мы с тобой еще поговорим — штука эта очень интересная. Ну, а здесь смысл довольно

простой — каждый владелец предприятия должен часть своей выручки платить особым организациям, которые копят деньги, чтобы подстраховать, уберечь работника от нищеты в старости. Распоряжаются такими страховыми пенсионными фондами чаще всего профсоюзы.

— И все-все покорно отдают деньги на эти цели? — скептически сощурила глаза Оля.

— Ну, насчет покорно не скажу, многие, особенно те, кто побогаче и кому надо платить суммы побольше, пытаются уклониться. Но в общем-то механизм этот во многих странах сегодня хорошо отлажен и помощь в дощине Общественного Потребления люди получают. Кто лучше, кто хуже, но помощь эта вполне реальна.

— Я все равно не понимаю, — гнула свое мое спутница. — Что трудящимся полезны такие фонды — это понятно. Но почему богатые-то соглашаются отдавать деньги на такие цели? Им же от этого никакой выгоды?!

— Вот тут ты ошибаешься, — покачал я головой. — Конечно, богатые люди не пользуются бесплатными больницами и школами. Но и им есть выгода от такой помощи большим, бедным и безработным. Ведь нищие люди — это порок в любом обществе. Отсюда всегда можно ждать взрыва народных волнений и забастовок. А это — потеря доходов для владельцев капиталов. Поэтому разумнее отдать небольшую часть доходов на помощь малому числу сегодня, чем потерять большую часть этих доходов завтра из-за забастовок и восстаний. А уж в «ХОЗРАСЧЕТОВО»-то вообще долго считали, что общественные фонды потребления — это стоголовая дорога к будущему раю для всех...

— А почему ты говоришь об этом с такой горечью? Разве это не так?

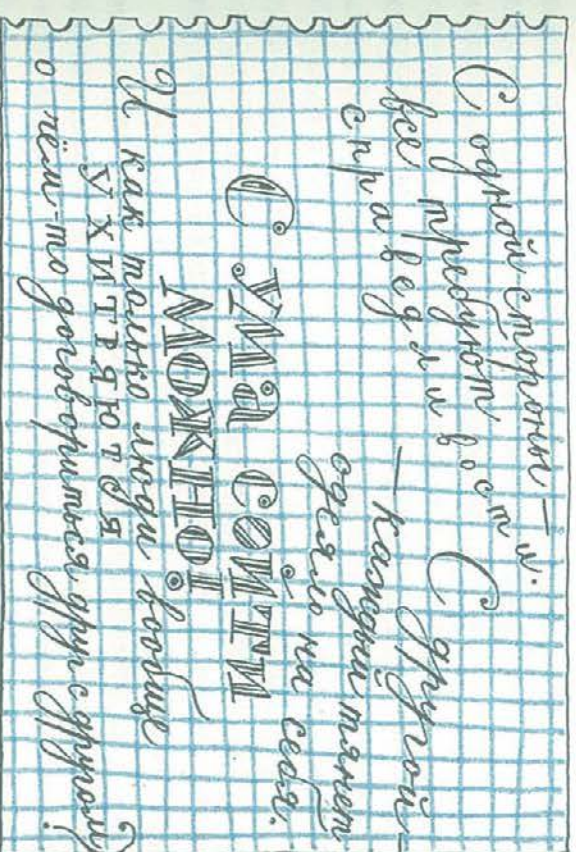
— Да нет, — помолчав ответил я. — Все оказалось не так просто, как виделось создателям «ХОЗРАСЧЕТОВО». Со временем выяснилось, что такая помощь — вещь совсем не безобидная.

— Не понимаю, что плохого в бесплатных школах и больницах?

— В принципе это прекрасно — каждый получает равные возможности для образования и лечения. Все это так. Но тут есть два подводных камня, две грозные опасности, справиться с которыми очень непросто.

— Опасности? — удивилась Оля.

— Да-да, опасности. Первая из них — ослабление интереса к труду. Человек работает потому, что у него нет иного способа прокормить себя и свою семью. И подавляющая часть человечества живет только на собственную зарплату. Поэтому после того как исчезло рабство, человека побуждают трудиться лучше только желание по-лучить заработную плату побольше и страх оказаться безработным. И чем каждый человек работает лучше и изобретательнее, тем богаче становится и он сам, и все общество в целом. Но если человек начинает многое получать бесплатно, то к труду он начинает относиться уже с прохладцей. А уж если ему и жилье дают бесплатно,

и отдых оплачивают почти на три четверти... Сама понимаешь, к чему это ведет.

— А мне всегда казалось, что это очень хорошо, — растерянно пожалала плечами Оля.

— Увы, не тебе одной...

— А тогда какая вторая опасность?

— Да все та же — бюрократия. Чем больше общество раздает людям бесплатно, тем больше и бюрократический аппарат, который занимается таким распределением, и крепче власть этого аппарата над человеком. А к чему приводит полновластие бюрократии, ты уже в «ХОЗРАСЧЕТОВО» видела...

Болтая так, мы вышли через двери для туристов, сдали альпинистское снаряжение коллеге Джека и, расплатившись, неторопливо двинулись по тенистой дорожке. Лощина Общественного Потребления была чрезвычайно мирным уголком, наверное, самым безмятежным во всей стране Экономика. По обе стороны от шоссе непрерывной цепочкой танулись школы, детские сады, медицинские учреждения, на лавочках в скверах сидели пенсионеры...

Внезапно откуда-то раздался тревожный рев сирены, и не успели мы понять, в чем дело, как все вокруг окутал густой туман. Сирена, наконец, замолкла, и невидимые в тумане громкоговорители сообщили, что на лощину опустился туман ИНФЛЯЦИОННОГО ОБНИЩАНИЯ и всем рекомендуется не трогаться с места до тех пор, пока он не рассеется.

— Батюшки! — всплеснула руками Оля. — Это еще что за напасть такая? А мне-то казалось, что в этой лощине все так мирно! И при чем здесь инфляция — здесь же нет реки Денег?!

— Я же тебе говорил — в стране Экономика всегда надо быть начеку! А этот туман — главная беда лощины Общественного Потребления. Видишь ли, зловещие испытания Инфляционного гейзера носят в воздухе по всей

стране Экономика, но здесь им особенно легко конденсироваться и стать туманом, в котором тяжело дышать и еще труднее — прожить на те деньги, которые выдаются местным жителям. Беда в том, что горы в хребте Заработной Платы постоянно растут благодаря борьбе профсоюзов за более высокие заработки. Ведь из-за инфляции цены постоянно увеличиваются, и чтобы завтра жить хотя бы так, как ты живешь сегодня, тебе нужно получать куда больше.

— Ну и что? Ты же говорил, что это правильно?

— Я и сейчас повторю то же самое. Но беда в том, что пенсионерам, инвалидам, безработным добиваться увеличения своих выплат куда тяжелее, чем рабочим. Они ведь не могут забастовать! Поэтому периодически горы хребта Заработной Платы заслоняют солнце над лощиной Общественного Потребления. Тогда там становится темно и сыро — а это идеальные условия для появления Инфляционного Тумана...

— И что же делать?

— Ну, долго так продолжаться не может. Ведь трудящиеся заинтересованы в том, чтобы, спустившись в старости или из-за болезни с вершин Заработной Платы, они могли жить в лощине Общественного Потребления не голодая и видя солнце над головой. Поэтому, добившись повышения своей заработной платы, они начинают добиваться и увеличения отчислений на помощь бедным, больным и безработным.

— Да, — протянула Оля, — а мне казалось, что здесь-то уж у людей — кроме безработных, конечно, — нет никаких проблем и волнений.

— Так может казаться только со стороны, — покачал я головой, — а на самом деле проблем тут тьма-тьмушная. Только начни разбираться!

Тем временем налетевший ветерок разогнал остатки тумана. Мы двинулись в путь и вскоре дошли до озера,

которое лежало в ущелье, рассекавшем хребет Заработной Платы.

На берегу озера были выстроены причалы, и у них на волнах покачивались катамараны и яхты со свернутыми парусами.

— Какое красивое озеро! — восторженно протянула Оля.

— Да, это один из заветных уголков страны Экономика — озеро Номинальных Доходов, — кивнул я головой. — Сюда с утесов Заработной Платы стекают денежные потоки, питающие это озеро и вытекающую из него реку Семейных Расходов.

— Папа, а почему это озеро так называется — «Номинальных Доходов»? Что это значит?

— Видишь ли, в стране Экономика есть два вида доходов — номинальные и реальные. Номинальные доходы — это та сумма денег, которую получают как заработную плату. А реальные доходы — это стоимость товаров, которые на эти деньги можно купить.

— А какая разница? — не поняла Оля. — Если я получила на руки 200 рублей, то и потрагить смогу ровно столько же. Если только я сама ночью не напечатала еще 100 рублей фальшивыми бумажками! — и она захихикала, довольная собственным остроумием.

— Не помню, говорил ли я тебе, что юмор — не самый главный из твоих талантов? — сдержанно поинтересовался я.

— Ну и пусть! — дернула плечиком Оля. — Но по существу-то я права, это же каждому ясно!

— Совсе нет. Ты

все время за-

бываешь об ин-

фляции! А она в стране

Экономика вездесуща и отпечатывается буквально на

всем, что хоть как-то связано с деньгами. И в этом райском уголке, как ты только что убедилась, от нее тоже нет спасения. Вот и приходится проводить различие между доходами номинальными — сколько ты денежных единиц, например рублей, получил на руки в кассе — и реальными.

— Все равно не понимаю, — упрямо замотала головой моя собеседница. — Смысл-то в этом какой?

— Большой, — гнул я свое. — Допустим, что заработная плата у тебя действительно 300 рублей в месяц и получаешь ты такие деньги уже третий год. Но за это время из-за инфляции цены на все товары поднялись, например, на четверть. А что это значит? Да только то, что на ту же сумму денег купить ты сможешь товаров на четверть меньше, чем три года назад. Иными словами, номинальные доходы у тебя вроде бы не сокращались, а реальные — сильно упали. Но тебя-то волнует, сколько ты на эти деньги сможешь купить нужных тебе вещей.

Так что не обольщайся полноводностью и красотой озера Номинальных Доходов — для жителей страны Экономика куда больший интерес представляет совсем другое озеро — Реальных Доходов, и путь наш с тобой лежит именно туда.

— А как мы туда поплывем?

— Попросим кого-нибудь прихватить нас с собой — видишь, сколько тут у причала стоит яхт и катамаранов? Мир не без добрых людей...

На том мы и порешили, тем более что солнце уже скрылось за вершинами гор, окружавших долину Общественного Потребления, да и есть хотелось нестерпимо. Я принялся ставить палатку, а Оля, натаскав веток, развела костер и открыла консервы. Так — у костра, под шум денежных водопадов — мы и закончили седьмой день нашего путешествия по стране Экономика.

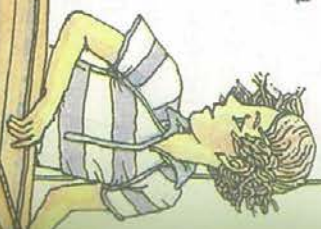
ГЛАВА

ВОСЬМЬМАЯ

В которой мы саргисья на шель,
а Оля получает

СТРАХОВОЙ ПОДАРИ

Утром меня разбудили чьи-то веселые голоса. Пока Оля зевала и протирагла глаза, я выбрался наружу и через минуту познакомился с молодой супружеской парой — Наташей и Сережей. Они готовились отплыть вниз по реке на катамаране, который назвали странным именем «СЕБЮД». Впрочем, как они со смехом пояснили, это было сокращение от слов «семейный бюджет». Это понятие было для них совсем новое — они недавно поженились и собирались в первое плавание по реке Семейных Расходов. Узнав, что и мы движемся в том же направлении, молодые люди охотно пригласили нас с собой. Когда же Наташа узнала, что я экономист, она очень обрадовалась. Оказывается, разбудили меня утром их спор именно на экономические темы — молодожены никак не могли договориться, как им составить программу для компьютера, который помо-

МЕНШЕ ДЕНЕГ НЕ БЫВАЕТ
РАСХОДЫ
РАСТУТ
вместе

с ДОХОДАМИ

2-й ЗАКОН
ПАРКИНСОНА

СЕМЕЙНЫЙ
БЮДЖЕТ

гал управлять катамараном. Компьютер требовал от них информацию о том, как они собираются тратить свои будущие заработки. Мнения новобранцев разошлись. Вот Наташа и решила использовать меня в качестве независимого консультанта и, крепко схватив за руку, потащила за собой на палубу катамарана.

На экране установленного там в герметичном корпусе компьютера светилась надпись:

КАТАМАРАН «С Е Ю Д» К ВАШИМ УСЛУГАМ !!!

ПОСТАНОВКА И СПУСК ПАРУСА — КЛАВИШИ «F3» И «F4».

УВЕЛИЧЕНИЕ ПЛОЩАДИ ПАРУСА — КЛАВИША «+».

УМЕНЬШЕНИЕ ПЛОЩАДИ ПАРУСА — КЛАВИША «-».

ПОВОРОТ ПАРУСА — КЛАВИШИ «F9» И «F10».

ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КОМФОРТНОСТИ

И БЕЗОПАСНОСТИ

«С Е Ю Д» ОСНАЩЕН ДВИГАТЕЛЕМ,

ПИТАЕМЫМ ИЗ БАКА СЕМЕЙНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ.

ЗАПРАВКА БАКА — ЗА СЧЕТ ДОХОДОВ ПАССАЖИРОВ.

ВКЛЮЧЕНИЕ ДВИГАТЕЛЯ — КЛАВИША «F2».

СООБЩИТЕ, БУДЕТЕ ЛИ ВЫ ЗАПРАВЛЯТЬ БАК

СЕМЕЙНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ (ДА/НЕТ)?

ЕСЛИ БУДЕТЕ — СООБЩИТЕ СУММУ

ВАШИХ ЕЖЕМЕСЯЧНЫХ СЕМЕЙНЫХ ДОХОДОВ

И ДОЛГО ДОХОДОВ, ОТКЛАДЫВАЕМЫХ

В СБЕРЕЖЕНИЯ.

ВВОД ИНФОРМАЦИИ — КЛАВИША «ВВОД».

ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ОТМЕЛЕЙ КРУПНЫХ РАСХОДОВ

МОЖНО

ВЫЗЫВАТЬ БУКСИР ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КРЕДИТОВ.

ВЫЗОВ БУКСИРА — КЛАВИША «F5».

ЧТОБЫ ОТПЛЫТЬ — НАЖМИТЕ КЛАВИШУ «ВВОД».

ЧТОБЫ ПРИЧАЛИТЬ — НАЖМИТЕ КЛАВИШУ «ПРОБЕЛ».

— Вот мы и заспорили, — повернулась ко мне Наташа, — делать сбережения или пока не стоит?

— Я бы сделал, но решать вам. Вообще-то, смысл в этом есть — река Семейных Расходов очень коварная, отмели Крупных Расходов возникают часто. Без сбережений на этих отмелях приходится худо. Потребительский кредит, который можно взять в банке, — это самое безобидное средство. Хуже, когда приходится брать деньги в долг у ростовщиков из теневой экономики.

— И сколько же нам откладывать в сбережения?

— Это вопрос сложнейший... С одной стороны, чем больше денег отложите в сбережения, тем вы защищены от жизненных неожиданностей. Но, с другой стороны, откладывая деньги в сбережения, вы сможете меньше потратить сегодня. А жизнь человеческая так коротка и может из-за несчастного случая или болезни превратиться в любой момент... Кроме того, деньги все время обесцениваются из-за инфляции и роста цен...

— Ты нас совсем запутал! — всплеснула руками Оля, тоже перебрывшаяся на борт «СЕБЮДА». — Скажи просто — да или нет?

— Опять ты хочешь самых простых решений! — возмутился я. — В стране Экономика чаще всего не бывает однозначных ответов: можно делать только так — и все будет прекрасно! Тут ответ всегда звучит по-другому: это решение имеет такие-то плюсы, но и такие-то минусы. Здесь нет абсолютных истин, все истинно относительно.

— Это как?

— А так — любую проблему в стране Экономика можно решать разными способами. Например, стране не хватает электроэнергии. Что делать? Можно построить новые электростанции, но на это нужны деньги, строительные материалы. А можно дать деньги ученым, чтобы они придумали, как лучше экономить электроэнергию. Вот и приходится сравнивать разные варианты решений,

взвешивать — у какого решения плюсов больше, а минусов меньше. И в семейных расходах все происходит точно так же...Люди-то все разные, так?

— Ну и что?

— А то, что один человек привык думать только о сегоднешнем дне и верит, что завтра будет молод и здоров и без труда заработает столько денег, сколько ему понадобится. Зачем же сберегать деньги?! Другой очень скромно в своих запросах и довольствуется в жизни малым. Ему вполне хватает на все-про-все текущих заработков, и копить тоже нет нужды. Поэтому каждый человек решает вопрос — сберегать деньги или нет — по-своему.

— Можно вам задать вопрос? — вступил в разговор Сережа, до сих пор молча слушавший мои рассуждения.

— Конечно, — повернулся я к нему.

— Вот вы сказали, что сбережения уменьшаются из-за инфляции. Это что же получается — я откладываю деньги, чтобы купить какую-то дорогую вещь, а пока на нее коплю, из-за инфляции все опять подорожает и мне накопленных денег опять не хватит?! Как же быть?

— Да-а, — задумчиво сказала Наташа. — Значит, если Сережа хочет скопить денег на мотоцикл, нам надо будет из-за растущих цен откладывать в сбережения все большую и большую часть зарплаты и сидеть впроголодь, так что ли?

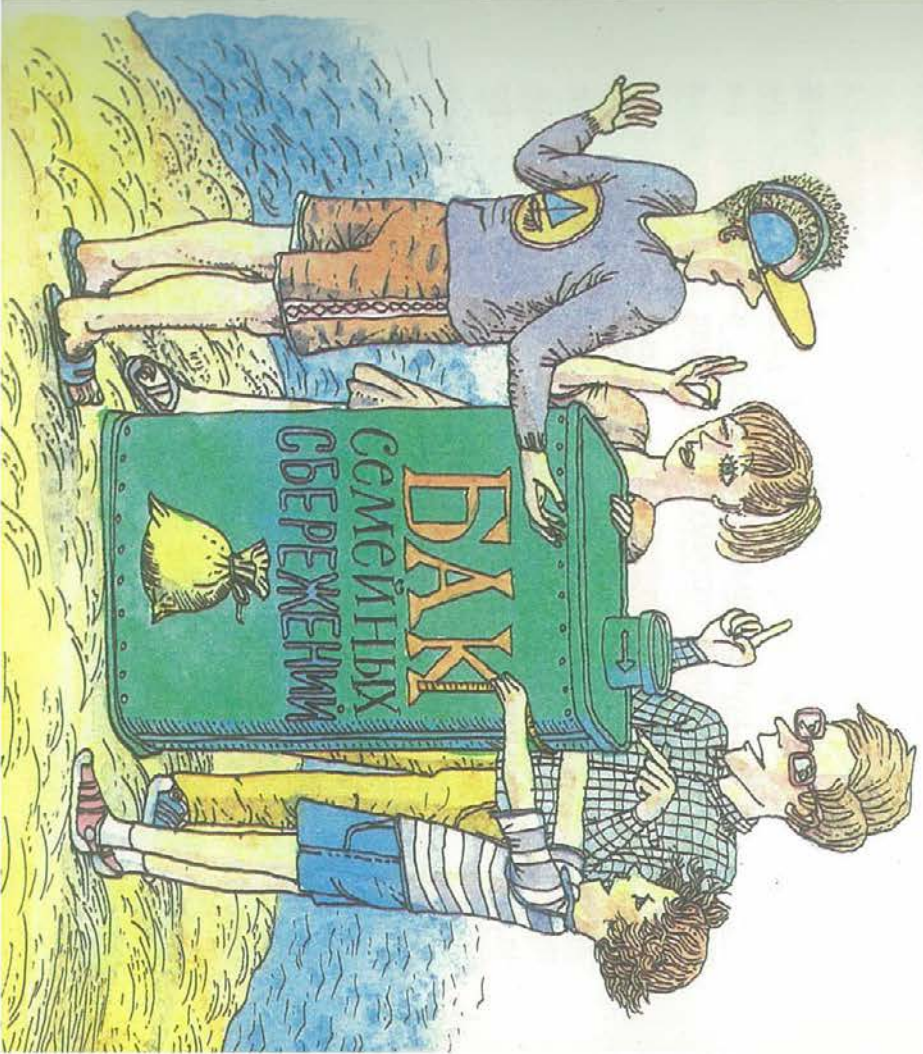
— Вовсе нет! — возразил я. — Это будет зависеть от того, насколько умело вы распорядитесь своими деньгами. Конечно, если вы будете тратить все, что зарабатываете, то мотоцикла Сереже еще долго не видать. Трудно будет купить мотоцикл и в том случае, если будете складывать отложенные деньги в укромное местечко. Совсем другое дело, если эти суммы вы будете хранить в банке или купите ценные бумаги — акции и облигации какого-нибудь предприятия.

— А это-то что нам даст? — удивленно взглянула на

меня Наташа. — Цены же все равно растут — лежат ли мои деньги у меня дома или в банке?!

— Не спорю, — улыбнулся я. — Но дело в том, что банки или предприятия, продающие акции и облигации, обычно стараются выплачивать за пользование деньгами плату большую, чем скорость роста цен из-за инфляции. Например, если из-за инфляции цены растут ежегодно на 3%, то люди соглашались хранить деньги в банке в том случае, если положенная в банк сумма ежегодно будет возрастать больше чем на 3% — скажем, процентов на пять.

Похоже, что мои пояснения в чем-то все же убедили Наташу, и она решительно отстучала на клавиатуре компьютера сообщение о том, что в дальнейшем они

собираться отглядывать в сбережения 7% своих заработков. Вопросительно взглянув на Сережу, который молча согласно кивнул головой, она нажала клавишу «ВВОД». На экране тотчас вспыхнула надпись:

ИНФОРМАЦИЯ ПРИНЯТА К СВЕДЕНИЮ.

МОЖНО ОТПЛЫВАТЬ

При этом в правом верхнем углу экрана появилась рамочка, а в ней символическое изображение большой бочки. Увы, пока она была почти пустой. Лишь на самом доньшке виднелся тоненький слой жидкости, который, как мы догадались, должен был показать размер семейных сбережений наших гостеприимных хозяев.

Наташа уступила место у пульты Сереже, и вскоре, как только мы с Олей перенесли на борт «СЕБЮДА» наше туристское снаряжение, катамаран уже закачался на волнах озера Номинальных Доходов, направляясь ко входу в ущелье, по которому устремляла свой бег река Семейных Расходов.

Чувствовалось, что Сережа раньше уже ходил под парусами, — во всяком случае озеро мы пересекли и вышли на реку Семейных Расходов. Оля и я пристроились на скамеечке, наслаждаясь плаванием, а Наташа шустро сновала по палубе, выполняя Сережины указания.

«СЕБЮД» вошел в ущелье, озеро Номинальных Доходов скрылось из глаз, и тут нас ждало первое испытание. Река сделала поворот, и мы очутились на краю огромной воронки, в денежных волнах которой вращались... прокрутки питания: буханки хлеба, батоны колбасы, пакеты с молоком, кочаны капусты, банки с какими-то консервами!

Не знаю, как у Оли, а у меня сердце тревожно замерло — еще слишком свежи были впечатления от похожего водоворота у статуи Бога Денег. К счастью,

Сережа встретил это испытание без тени растерянности и сразу начал манипулировать парусом, чтобы вырваться из предательских объятий «апштитного» водоворота. Увы, несмотря на все его старания парусная оснастка «СЕБЮДА» была явно слабовата для того, чтобы справиться с водоворотом, и через несколько минут мы уже бесильно вращались по воле волн, а потом нас отбросило куда-то в сторону и наш катамаран снова свободно закачался на волнах. Но радость наша была недолгой.

Оказывается, водоворот отбросил нас в маленький заливчик, денежный поток в котором был поразительно неподвижен, хотя в нескольких метрах от входа в заливчик крутоверть денег и продуктов не прекращалась ни на миг. Сережа попытался поймать в паруса «СЕБЮДА» попутный ветер, чтобы вырваться из тихой гавани опять на просторы реки Семейных Расходов. Но сколько он ни манипулировал — провисшее полотнище паруса не шевельнулось ни разу.

— Знаете, Сережа, — прервал я молчание, — мне кажется, я знаю, куда мы попали. Это залив Ведняков и, насколько я слыхал, здесь почти всегда царит полное безветрие...

— А как же нам отсюда выбраться? — взглянула на меня Наташа, и я увидел, что ее глаза уже подозрительно поблескивают — такого озорывательного начала своей семейной жизни она явно не ждала.

— Сложный вопрос, — ответил я. — Чтобы покинуть это тихое, но не слишком веселое местечко, надо добиться, чтобы ваших заработков хватало не только на еду...

— Подумаешь, проблема! — пренебрежительно сморщила нос Оля. — Можно питаться хлебом и молоком, а это стоит недорого.

— Это тебе так кажется, пока сама не начала вести хозяйство. А на самом деле, чтобы нормально прокормить семью из трех человек, надо в месяц потратить на

несколько десятков рублей больше, чем зарабатывает в месяц почти половина всех горожан в нашей с тобой стране. Примерно на столько же эта сумма больше и средней зарплаты молодых людей в возрасте до 30 лет. Вот и представь, какво приходится такой семье, например, когда в ней рождается ребенок и вся семья начинает жить только на зарплату отца, потому что мать сидит с малышом дома. А ведь еда — не единственная обязательная статья расходов, надо же еще платить за квартиру, газ, электричество, тратиться на лекарства, покупать малышу пеленки, кроватку, коляску...

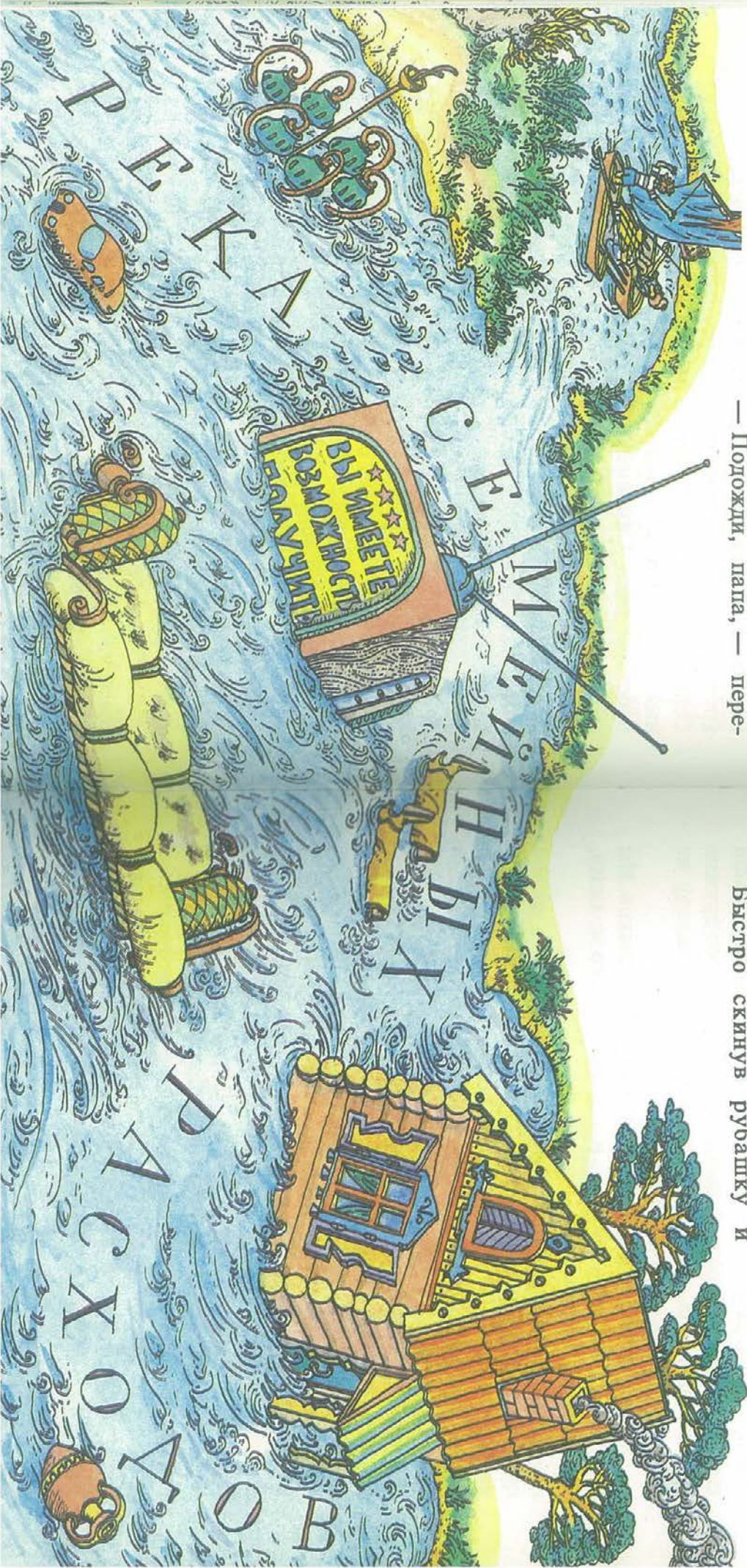
— Подожди, папа, — пере-

била меня Оля, — но на все это у такой семьи просто не остается денег?! Как же они живут?!

— Плохо. Либо мужу приходится подрабатывать сверхурочно, приходя домой только чтобы поспать, либо молодые начинают брать деньги у родителей. А то и просто недодают, выкраивая деньги на другие неотложные нужды, а это потом сказывается болезнями, невозможностью хорошо работать.

— Ладно, все ясно! — махнул рукой Сережа. — Что зря время переводить — надо мне попытаться найти какой-нибудь приработок.

Быстро скинув рубашку и

джинсы и оставшись в плавках, он прыгнул с борта и полпыл к берегу. Не было его довольно долго. Но наконец его голова вынырнула у борта, а когда я помог ему вскарабкаться обратно на палубу «СЕБЮДА», выяснилось, что он доставил с берега пару весел — плату за работу, которую нашел для себя.

Наташа начала причитать, что у него и так здоровье не слишком крепкое, но Сережа нежно погладил ее по плечу и приказал занять его место у командирского пульты. Сам же начал пристраивать весла, надеясь с их помощью выйти из полосы затишья. Я отрядил Олю помогать Наташе, а сам пристроился у одного из весел, чтобы повысить наши шансы на успех. Сережа командовал «И-раз!»; мы дружно взялись за весла, и «СЕБЮД» заскользил к выходу из залива.

Много раз нас отбрасывало назад в залив Бедняков. Мы уже потеряли счет попыткам, и в душе я только молился, чтобы весла не сломались.

И все же мы вырвались — в какой-то миг очень удачно совпали наш с Сережей мощный гребок и сильный порыв ветра, который Наташе удалось поймать в до предела расправленные паруса. Миг этот длился, казалось, меньше удара сердца, но его хватило, чтобы «СЕБЮД» выскользнул из плена и устремился вниз по реке. Сережа и я вытащили весла из уключин и блаженно растянулись на палубе, чувствуя, как горят наши ладони и ноет спина. Наташа же, все более вживаясь в роль главного распорядителя семейного бюджета, весла наш кораблик все дальше и дальше, а Оля взяла на себя роль впередсмотрящего и заранее предупреждала Наташу о появлении впереди по курсу таких соблазнительных, но дорогих и потому недоступных для наших молодых хозяев предметов домашнего обихода, как холодильники, цветные телевизоры и даже — страшно сказать! — легковые автомобили. При тех доходах, которыми пока располагали Наташа и

Сережа, столкновение с подобными «минами» было чрезвычайно для них серьезными экономическими проблемами.

Но все-таки уберечься нам не удалось, хотя были мы уже на подходе к озеру Реальных Доходов.

Вдруг наш бортовой компьютер издал столь резкий сигнал, что мы все мигом подскочили и спрудились около него. Нашим глазам предстала вот такая заманчивая надпись:

ВЫ ИМЕЕТЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЛУЧИТЬ
САДОВЫЙ УЧАСТОК
НА ОПУШКЕ СОСНОВОГО ЛЕСА В 45 КМ ОТ ГОРОДА.
СООБЩИТЕ СВОЕ РЕШЕНИЕ (ДА/НЕТ) И НАЖМИТЕ
КЛАВИШУ «ВВОД».

НА РАЗМЫШЛЕНИЯ ВАМ ДАЕТСЯ 30 СЕКУНД!
У ВАС ОСТАЛОСЬ:
28 СЕКУНД

Цифры в рамочке быстро замелькали в такт ритмическому поткиванию, которое послышалось из компьютера.

— Берем, конечно, берем! — выпалил Сережа и лихо радочно нажал указанные компьютером клавиши. Наташа только рот открыла, ошеломленная столь стремительным решением супруга. Похоже, менее всего она собиралась становиться хозяйкой картофельных «плантаций».

На компьютере появились строчки с новой информацией:

УЧАСТОК ВАМ ВЫДЕЛЕН. ПОЗДРАВЛЯЮ!
ЖЕЛАЮ ПРИЯТНОГО ОТДЫХА И ВЫСОКИХ УРОЖАЕВ!
НА ОСВОЕНИЕ УЧАСТКА И СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМА ВАМ
НЕОБХОДИМО ПОТРАТИТЬ ЗА 3 ГОДА 11 000 РУБЛЕЙ.

НАПОМИНАЮ — ГОДОВОЕ СОДЕРЖИМОЕ ВАШЕГО БАКА
СБЕРЕЖЕНИЙ

СОСТАВЛЯЕТ 294 РУБЛЯ. ЗА 3 ГОДА — 882 РУБЛЯ.

СОЖАЛЕНО, НО ВЫ СЕЛИ НА МЕЛЬ КРУПНЫХ РАСХОДОВ.

РЕКОМЕНДУЮ ВЫЗВАТЬ БУКСИР !

И в тот же момент мы ощутили резкий толчок, и «СЕБЮД» бесильно застыл посреди реки.

— Ну, Сережа! — негодованью Наташи не было предела, и только наше с Олей присутствие удерживало ее от того, чтобы устроить Сереже первый семейный скандал.

— Что — Сережа, что — Сережа, — начал оправдываться он. — Ты не понимаешь — получить землю для садового участка в хорошем месте и так близко от города почти невозможно, нельзя же было упускать такой случай...

— Случай, случай! Плакал теперь твой мотоцикл! И вообще — как мы теперь выбиратья будем? Веслами тут делу не поможешь!

— Буксир вызовем...

— Какой еще буксир?! — не желала успокоиться Наташа.

— Да вы не сердитесь так, Наташа, — позволил я себе вмешаться в спор супрутов. — Сережа верно говорит — вы помните, в инструкции по управлению «СЕБЮДОМ» было написано, что для преодоления отmelей Крупных Расходов можно вызвать буксир Потребительских Кредитов. Думаю, что сейчас у вас нет другого выхода...

Наташа горестно вздохнула и нажала клавишу «F5», которая предназначалась для вызова буксира. На экране компьютера появилась рамочка с надписью:

К ВАМ МОЖЕТ БЫТЬ ВЫСЛАН БУКСИР ПОТРЕБИТЕЛЬ-

СКОГО КРЕДИТА

МОЩНОСТЬЮ В 10 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ. УСЛОВИЯ ОПЛАТЫ ЕГО

УСЛУГ :

266

СРОК ВОЗВРАТА КРЕДИТА — 8 ЛЕТ ПО 104 РУБЛЯ В МЕСЯЦ.
ПЛАТА ЗА КРЕДИТ — 10% В ГОД.

ПРИ НЕСВОЕВРЕМЕННОМ ВОЗВРАТЕ — 12% В ГОД.

СООБЩИТЕ, ХОТИТЕ ЛИ ВЫ ПОЛУЧИТЬ КРЕДИТ

НА ТАКИХ УСЛОВИЯХ

(ДА/НЕТ, И НАЖМИТЕ КЛАВИШУ «ВВОД»

— Братъ? — повернулся ко мне Сережа и кивнул головой на экран.

— Конечно! Что вы, Сережа, это же роскошные условия — бывает, что за кредит приходится платить 15-20 процентов. Вот это действительно тяжко!

— Десять процентов! — удивленно охнула Наташа. — Это сколько же тогда придется в конце концов заплатить? Чтобы ответить на этот вопрос, мне пришлось выйти на блокнот и ручку и провести нужные расчеты.

— Получается, что за каждую 1000 рублей ссуды вам, в среднем, придется заплатить банку по 540 рублей. А если будете запаздывать с платежами, то, думаю, в итоге возвращать придется денег раза в 2 больше, чем взяли.

— Ничего себе! — от возмущения глаза у Наташи стали круглыми-круглыми. — И неужели кто-то соглашается одолживать деньги на таких условиях?!

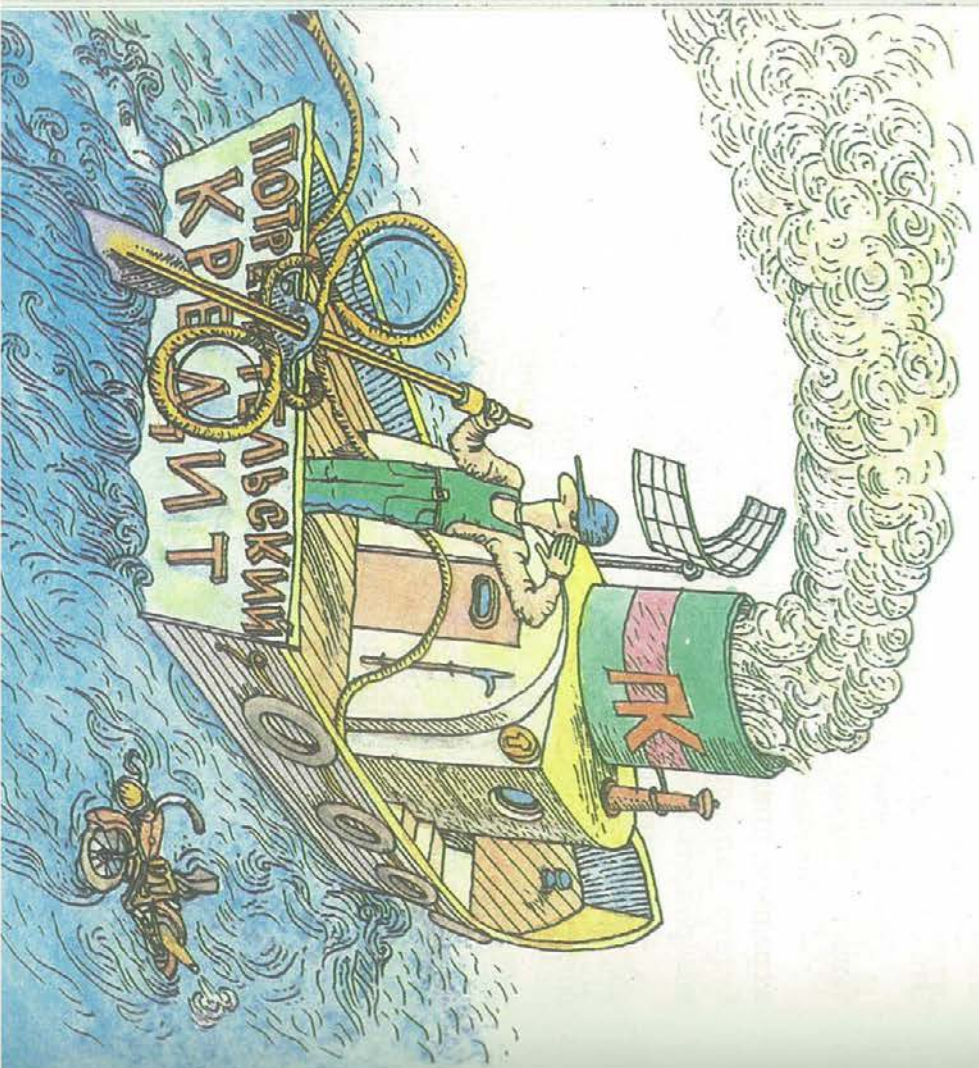
— Если нет другой возможности, то приходится идти на такое. Но зато в первое же лето вы сможете провести свой отпуск на собственном участке, а когда у вас появятся малыши, то проблемы, куда его девать, тоже не возникнет...

Пока я проводил с Наташей разъяснительную работу, буксир уже подошел. Сережа закрепил

НЕ ЗАБЫТЬ!

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИМ КРЕДИТОМ
то когда люди берут деньги в банке, то платят несколько лет по насильно
вот так несколько лет по насильно
и выплачивают деньги за то, что они
за то, что они

на носу «СВЬЮДА» конец каната, который нам переборсили с кормы буксира. Рывок — и «СВЬЮД» снова радостно заколыхался на волнах реки Семейных Расходов. Буксир издал прощальный гудок и быстро утлыл. На память о его визите компьютер поменял изображение в рамке, где раньше виднелась символическая бочка Семейных Сбережений. Теперь она исчезла бесследно — ведь все, что Наташа и Сережа сумеют сэкономить, отныне будет уходить на возврат суды. Вместо бочки в рамке теперь появилось изображение столбика монет и надпись «СУММА ВАШЕГО ДОЛГА ПЕРЕД БАНКОМ».

Через несколько часов мы преодолели, наконец, последний отрезок реки Семейных Расходов и выплыли на простор озера Реальных Доходов. По размеру оно было заметно меньше, чем озеро Номинальных Доходов. Берега же озера Реальных Доходов были застроены домами самого разного размера и архитектуры.

— Что это за город, папа? — заинтересовалась Оля, с любопытством озираясь по сторонам.

— Это поселок Семейного Благосостояния. Видишь, какая здесь пестрота в застройке — от крошечных домиков, в которых ютятся пенсионеры, инвалиды и молодые семьи с детьми, до шикарных вилл, в которых живут самые богатые из здешних граждан. В застройке этого поселка как в зеркале отражается одна из самых острых проблем страны Экономика — разница в богатстве ее граждан.

— А что тут такого сложного? — повернулась ко мне Наташа. — Всегда, во все века были богатые и бедные. Тут уж, видимо, ничего не поделаешь...

— Не все так просто, — несогласно покачал я головой. — Конечно, нельзя добиваться, чтобы все люди жили одинаково. В «Хозрасчетево» мы с Олей уже видели, к чему приводят такие утопические мечты. Но, с другой стороны, история страны Экономика показывает, что когда разница между богатыми и бедными уж слишком велика, это тоже плохо.

— Почему? — подала голос Оля.

— Прежде всего, когда люди слишком бедны — они не могут много покупать, а значит, предпринимателям некому продавать свои товары. Экономика начинает задыхаться, как от удущья, и начинается кризис перепроизводства со всеми присущими ему бедами. И потом — бедные люди недовольны жизнью, работой, потому что не могут прокормить свою семью. А когда таких людей много, то это означает и ухудшение работ предпрития, начинаются забастовки, бунты, восстания... Впрочем, это разговор

ЖИТЬ В ДОНАТ...
 Наверное, это очень тяжело
 от вас как откровения
 в сс, что хочешь почувствовать
 и уже сегодня?
 Ох-хо-хо, как всё это сложно!

Долгий, а нам уже пора швартоваться. Насколько я понимаю, вам еще надо найти себе жилье, верно? — повернулся я к Сереже.

— О-о-х, — тяжело вздохнул он и безнадежно махнул рукой.

— А разве это так сложно? — удивленно повернулась ко мне Оля. — Вон же сколько тут домов! Неужели так сложно найти здесь себе пристанище?

— Непросто, Олечка, непросто. А главное — очень дорого, — грустно сказала Наташа.

Тем временем Сережа аккуратно подвел наш камазан к берегу, и мы спустились на землю. К нам сразу подбежали несколько человек и начали в чем-то горячо убеждать, перебивая и отталкивая друг друга. Лишь постепенно мы разобрали, что все они...предлагали Наташе и Сереже помочь в поиске жилья!

— Кто это? — повернулась ко мне Оля.
 — Это жилищные маклеры — посредники по делам с

жильем. Они помогают снять или купить квартиру или дом. Им платят владельцы домов, которым они помогают найти жильцов. Впрочем, когда жилья не хватает, за услуги маклеров платят уже те, кто ищет жилье.

— Вот, а Наташа говорила, что здесь найти жилье трудно. Маклеры же им проходу не дают! — удивленно покачала головой Оля.

— То, что маклеров много, еще ни о чем не говорит — важно другое: сколько Наташе и Сереже придется платить за жилье, которое им сейчас предлагают...

К сожалению, мои сомнения оказались справедливыми. Маклеры один за другим бросали свои уговоры, и вскоре Наташа и Сережа остались на берегу одни.

— Ну что? — спросил я, подходя поближе.
 — Я так и знала, — грустно махнула рукой Наташа. — Они предложили такие дорогие квартиры, что нам это совершенно не по карману...

— И что же вы будете делать? — сочувственно заинтересовалась Оля.

— Для начала попробуем найти квартиру в каком-нибудь кооперативном доме, где можно стоимость квартиры вносить по частям много лет. А не удастся — придется брать ссуду в банке и покупать квартиру, хотя это такая кабалда на всю жизнь, что тошно становится...

— Почему? — сразу заинтересовалась Оля.
 — Видишь ли, — охотно принялся объяснять Сережа, — условия возврата такой суммы очень непростые. Мало того, что ты должен платить банку за пользование одолженными деньгами, но если ты хоть раз не сможешь вовремя выплатить очередную взнос — придется убираться из уже обжитого дома на все четыре стороны...

— Как это убираться? — удивленно Оля не было границ.
 — Вот так и убираться, а банк заберет твою квартиру в счет оставшегося долга и продаст ее кому-то другому, а

тебе не вернет даже тех денег, что ты ему уже выплатил. Я слышал, например, что в США ежегодно несколько миллионов человек вот так выселяются из своих домов...

— И неужели вы согласитесь на такие условия?

— А что делать? Зато с первого же дня мы сможем жить в своей квартире, а не мыкаться, снимая комнаты у чужих людей...

От этого разговора настроение у Оли резко упало. Она молча брела за мной, опустив голову. Поэтому когда я внезапно остановился, она врезалась в меня и от неожиданности даже ойкнула.

Остановился же я потому, что моим глазам предстали вот такой дорожный указатель:

— Ой, а что там дальше? Может быть, мы пойдем по другому пути?

— Увы, — пожал я плечами, — другого пути у нас нет, давай страховаться — и в дорогу!

— А как это «страховаться»? — недоуменно посмотрела на меня Оля.

— Да, я ж тебе еще об этом не рассказывал, — сообщил я. — Мой промах, признаю. Страхование — особый вид деятельности в стране Экономика, а точнее сказать — экономическая игра с судьбой...

— Игра? — вспыхнул интерес в Олиных глазах.

— Да, игра. Допустим, что тебе 30 лет. Доживешь ли ты до 35 лет? Никто этого не знает. Ты можешь дожить и до 90 лет, а можешь попасть под машину на следующий день после своего тридцатилетия, и твои дети останутся без кормильца. Горе из памяти не сотрешь, но облегчить материальные трудности осиротевшей семье вполне возможно. Если ты, конечно, застрахован. Это означает, что ты заключаешь со страховой организацией особый договор. Например, договариваешься так: я вам отдаю безвозвратно 50 рублей, но если в течение следующих 5 лет я погибну от несчастного случая или внезапной болезни, то вы заплатите моей семье 1000 рублей.

— Не понимаю, — удивилась моя спутница, — а остальные-то 950 рублей они откуда возьмут? Так же они в пять минут разорятся!

— Э, нет. Разорение страховой организации не грозит — она ведет свои дела, опираясь на помощь математиков, и потому, как правило, получает большую прибыль. Предположим, что такой договор страховая компания заключила с сотней тридцатилетних мужчин и получила от них соответственно в виде страховых взносов 5 000 рублей. И сделала она это, собрав сведения о том, сколько в среднем ежегодно из каждой сотни мужчин в возрасте от 30 до 35 лет погибает или умирает от болез-

ни. Допустим, что данные многолетних наблюдений показывают: в среднем ежегодно из каждой сотни мужчин такого возраста хоронят троих. Теперь страховая организация знает: вероятнее всего и среди сотни ее клиентов погибнет или умрет не больше трех, а значит, после выплаты их семьям сумм страховок у страховиков останется в виде чистого дохода 2 000 рублей.

— Веселенькая работка, ничего не скажешь! Сидеть и подсчитывать, сколько людей умрет завтра!

— Работа, конечно, не слишком веселая, но полезная людям. Страховое дело — огромная отрасль, и сейчас кое-где страховые организации начинают опережать даже банки по размерам сумм, которые у них есть. Ведь за сотни лет страховики научились с выгодой для себя страховать все, что угодно: суда, уходящие в плавание, — от кораблекрушения, знаменитую певицу — от потери голоса, нападающего футбольной команды — от перелома ноги, владельца картинной галереи — от кражи полотна великого художника и так далее и тому подобное. Страховым организациям это приносит прибыли, а тем, кого постигает беда, помогает компенсировать хотя бы денежные потери. Так что в стране Экономика без страховиков никто и шага не ступит. Я еще удивляюсь, как они раньше нам свои услуги не предложили!

— Поняла, — ворчливо сказала моя спутница. — Ну и где она, эта страховая контора?

Я показал вправо — туда, куда советовал нам направиться указатель. В

НЕ

ЗАБЫТЬ!

этом направлении мы и пошли, гадая о том, какие приложения могут поджидать нас впереди, на берегах ручья со столь мирным названием. Впрочем, далеко идти не пришлось — мы оказались перед небольшим, но очень забавным зданием. Архитектор придумал ему форму большой согнутой ладони, причем большой палец служил козырьком над входом в дом. Наверное, это должно было символизировать ту защиту от экономических бед, которую получал каждый посетивший этот дом.

Внутри страховой конторы не было ни души — лишь светились яркими рекламными картинками экраны компьютеров. Подсев к ближайшему из них, я нажал клавишу «ВВОД», как это советовала надпись пульта управления. Рекламная картинка сразу исчезла с экрана, а вместо нее появилась надпись:

СООБЩИТЕ, ОТ ЧЕГО ВЫ ХОТИТЕ ЗАСТРАХОВАТЬСЯ:

1. НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ. 2. ПОЖАРА. 3. КРАЖИ.

4. АВАРИИ. 5. СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ. 6. ПРОЧИХ БЕД.

НАБЕРИТЕ ВЫБРАННЫЙ ВАМИ НОМЕР,

НАЖМИТЕ «ВВОД»

— А мы от чего будем страховаться? — повернулась ко мне Оля.

— Думаю, что нам сейчас лучше всего застраховаться от несчастного случая. Кто его знает, что нас ждет на той тропочке...

Не споря, Оля нажала клавишу с цифрой 1, а потом клавишу «ВВОД». Надпись в рамочке изменилась:

СТРАХОВАЯ СУММА — 1 000 РУБЛЕЙ.

СУММА СТРАХОВОГО ВЗНОСА ЗАВИСИТ

ОТ ВАШЕГО ДАЛЬНЕЙШЕГО МАРШРУТА.

СООБЩИТЕ, КУДА ВЫ НАМЕРЕНЫ НАПРАВЛИТЬСЯ:

1. НА ОЗЕРО НОМИНАЛЬНЫХ ДОХОДОВ —
ВЗНОС 25 РУБЛЕЙ.

2. В ГОРОД ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ —
ВЗНОС 50 РУБЛЕЙ.

3. К МОРЮ НАЦИОНАЛЬНОГО БОГАТСТВА —
ВЗНОС 100 РУБЛЕЙ.

ЕСЛИ ВЫ СОГЛАСНЫ НА ТАКИЕ УСЛОВИЯ,
НАЖМИТЕ НОМЕР ВАШЕГО МАРШРУТА
И КЛАВИШУ «ВВОД»

— А почему суммы взноса такие разные?

— Так ведь и риск разный, а значит, у страховочной организации и разные шансы на то, что ей придется выплачивать тебе полную сумму страховки. Путь вверх по реке Семейных Расходов, согласись, куда безопаснее, чем переход через хребет Заработной Платы по дороге к городу Деловых Людей. Поэтому, чем опаснее твой маршрут, тем больше страховкой взнос она с тебя берет, чтобы самой не разориться.

— Это что же — наш путь дальше в 4 раза опаснее, чем плавание по реке, и в 2 раза опаснее перехода через хребет?

— Похоже, что так. Но иного пути нет, так что соглашайся и давай отправляться в путь.

С явной неохотой Оля сообщила компьютеру о нашем согласии, а я положил в приемное отверстие нужную сумму денег. Компьютер проглотил их, а на экране вспыхнула рамка с сообщением:

ВЫ ЗА СТРАХОВАНЫ.
ПРИ НЕСЧАСТНОМ СЛУЧАЕ НАЖМИТЕ СИГНАЛ ТРЕВОГИ.
ЖЕЛАЕМ СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

Одновременно из отверстия в боковой стенке компьютера на стол выпала маленькая пластинка, по-

хожая на плоский микрокалькулятор. На ней было написано: «СТРАХОВОЙ ПОЛИС. В СЛУЧАЕ ОПАСНОСТИ НАДАВИТЕ ПАЛЬЦЕМ НА КРАСНЫЙ КРУЖОК В ЦЕНТРЕ». И действительно — в центре пластинки был изображен маленький красный кружок с восклицательным знаком. Я спрятал страховый полис — свидетельство о страховании — в нагрудный карман, и мы вышли на улицу.

Уже темно, и мы решили переночевать опять на берегу, в палатке, и уже завтра засветло отправиться в дальнейший путь, который сулил нам новые испытания.

ТАВАДА ВЪЗТАЯ,

в которой нас берут в плен,
и едва спасаемся

ОТ АТАКИ С НЕБА.

Авечное утро нашего путешествия выдалось на редкость солнечным и тихим. Когда, позавтракав, мы тронулись в путь, поверить в то, что нас могут ждать какие-то неприятности, было просто невозможно. И даже Оля, которая поначалу шла очень осторожно, через полчаса уже весело подпевая мелодично журчавшему ручью Семейного Богатства, вдоль которого шла наша тропа.

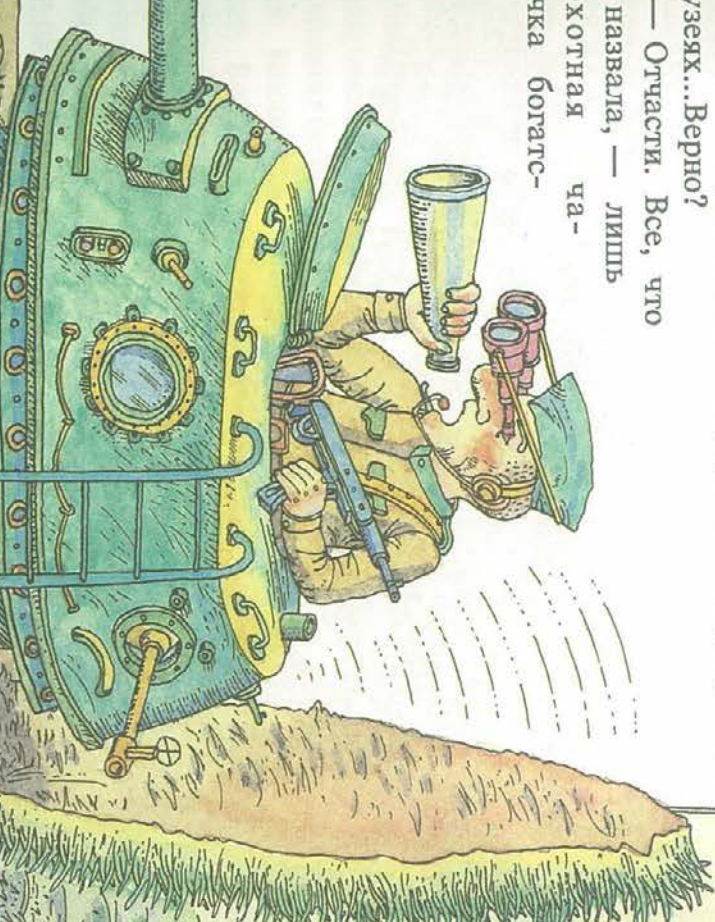
— Папа, а почему этот ручей так назвали? — нарушила молчание Оля. — Какие-токие у семейного бые богатства? Вон Сереже и

Нагаше еще сколько лет придется экономить каждую копейку!

— Ну, это ты зря так говоришь, — не соглашался я. — На развитие любой страны влияет главным образом положение в семьях и на предприятиях. От зажиточности семей зависит спрос на товары для населения, а от доходности предприятий — спрос на станки, металлы и рабочую силу, а значит, и безработица. Да и богатство страны в конечном счете складывается-то... А впрочем, лучше ты мне скажи, как ты думаешь — из чего оно складывается?

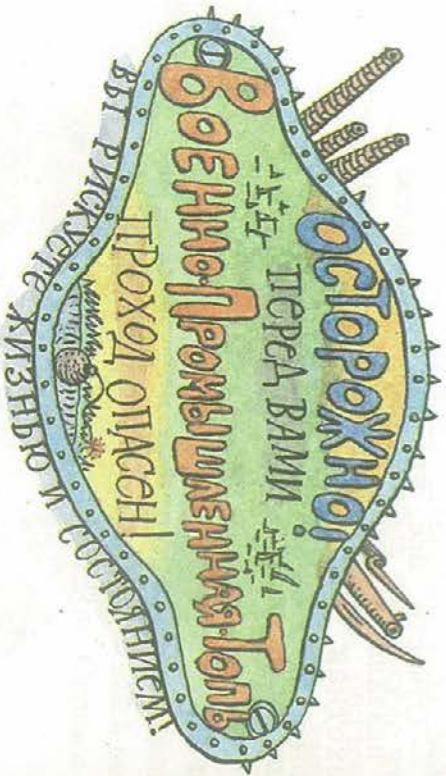
— Я? — удивленно взглянула на меня Оля и чуть не упала, зацепившись о какой-то корень. — Я думаю, что богатство страны это золото, бриллианты, картины в музеях... Верно?

— Отчасти. Все, что ты назвала, — лишь крохотная часть богатства

тва любой страны. А вот главное, из чего оно состоит — имущество семей, здания и оборудование предприятий и природные богатства — леса, реки, месторождения полезных ископаемых, плодородные поля. Впрочем, страна может быть очень бедна полезными ископаемыми, но семьи ее граждан состоятельны, а предприятия оснащены лучшим оборудованием. И такая страна будет очень богатой. Пример тому — Япония. Но не может быть богата страна, в которой люди бедны и за душой у них ничего нет. В такой стране люди несчастны и плохо работают, не видя в своем труде смысла. Так что этот ручей имеет большое значение, и от него сильно зависит уровень моря Национального Богатства. Более того...

Я замолк, потому что тропка перед нами внезапно исчезла, а путь преградил дорожный указатель:

Оля как вкопанная застыла на месте.

— Что это еще за топь такая?

— Написано же — Военно-Промышленная. Война и приговления к ней, как ни прискорбно, тоже пока часть страны Экономика. Мир издавна разделен на страны, и они веками воюют между собой. Внешние причины и поводы

для боевых действий могут быть самыми разными, но истинная цель всех одна и та же — получение экономической выгоды. Иногда для этого надо захватить часть территории соседней страны, где есть, например, богатое месторождение полезных ископаемых или тьнутся особо плодородные поля. Иногда — разорить страну, которая уж слишком успешно торгует на мировых рынках.

— Странно, — покачала головой Оля, — а мне всегда казалось, что война — это политика, а вовсе не экономика...

— Ты все верно говоришь, но дело-то в том, что сама политика тоже определяется экономической жизнью государства, его нуждами и проблемами. И пока кому-то будет выгодно, чтобы люди вооружались и враждовали друг с другом, оружие будет заполнять дека предприятий, а не витрины музеев.

— Но война же — такая беда для всех! Ведь и страна-победительница теряет столько людей убитыми. Кому же это может быть выгодным?!

— Так-то оно так, но, к сожалению, кое-кому в стране Экономика и война, а уж особенно приговления к ней очень выгодны. Эти «кое-кто» — владельцы и работники Военно-Промышленного Комплекса или, сокращенно, ВПК. Так во всем мире называют предприятия и корпорации, которые производят оружие до межконтинентальных ракет. Видишь ли, военные закупки производят государство, и потому они обязательно будут оплачены, а значит, те, кто изготавливает оружие, оказываются защищены от капризов рынка и им

НЕ ЗАБЫТЬ!
 ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС — это предприятие, которое производит оружие и боеприпасы, которые используются в войне. Да еще и получают выгоду от войны. Это значит, что они защищены от капризов рынка и им

что бы там разные смутьяны-миролюбцы ни болтали, мы заставим всех покупать наше оружие. А вы будете его делать, делать, делать... Да, делать. Заберите их и отведите в барак для рабочих! — приказал он солдатам, безмолвно стоявшим сзади нас.

И через минуту мы снова очутились в подземном коридоре, подталкиваемые в спину дулами автоматов. Коридор сделал поворот, и мы вдруг очутились в пещере,

все пространство которой занимал заводской цех. Пока мы с Олей шли по зарешеченному проходу, успели понять, что здесь действительно делают самое разнообразное оружие — везде виднелись стволы, корпуса ракет, башни танков. Какое конкретно, этого мы разглядеть не успели — солдаты втолкнули нас в какую-то каморку и ушли, захлопнув дверь.

Мы с Олей бессильно опустили на стоявший у стены топчан и молча обменялись растерянными взглядами. Да, в такую ситуацию мы еще не попадали! Что делать?

И в этот момент я почувствовал, что мой локоть упирается в какой-то жесткий предмет в кармане куртки. Страховой полис! Вряд ли он мог нам как-нибудь помочь в такой ситуации, но почему бы не попробовать? Я вытащил его из кармана и нажал на изображение красного кружка в центре. В тот же миг кусок стены нашей каморки бесшумно скользнул в сторону и за ним открылся какой-то проход. Куда он вел, мы не знали, но это был хоть какой-то шанс!

Не теряя ни секунды, я схватил Олю за руку, и мы бросились в отверстие. Стена каморки бесшумно закрылась за нами, и мы очутились в тесном туннеле, слабо освещенном крохотными красными лампочками. Мы быстро зашагали по нему вперед. Коридор причудливо петлял и шел то вверх, то вниз.

И вдруг туннель кончился. Мы оказались в маленькой комнатке. В одной из ее стен были встроены раздвижные двери. На них было написано:

АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД.

ПРИГОДЕН ЛИШЬ ДЛЯ УМЕЮЩИХ ПЛАВАТЬ.

КАК ТОЛЬКО ВЫ ВСТАНЕТЕ НА ЖЕЛТЫЙ ПРЯМОУГОЛЬНИК

ПЕРЕД ДВЕРЯМИ, ОНИ РАСПАХНУТСЯ

И ВАМ НАДО БУДЕТ НЫРНУТЬ В ВОЛОТО, ЧТОБЫ ВЫГЛЫБТЬ

В НЕ ОХРАНЯЕМОМ СОЛДАТАМИ МЕСТЕ.

ГЛУБИНА — 2 МЕТРА. ЖЕЛДЕМ УДАЧИ!

— Нырятъ в болото! — ужаснулась Оля. — Фу, какая гадость!

— У тебя есть другие предложения? — оборвал я ее нитье. — Нет? Тогда иди ко мне и дай руку. Набери воздух в грудь, и как только я сожму тебе руку, шагай вместе со мной на желтый прямоугольник!

Раз, два, три! Мы резко ступили на заветное место перед дверями. Они разлетелись в стороны, и в комнатушку хлынула мерзко пахнувшая болотная жижа. Мы оттолкнулись ногами от пола каморки и изо всех сил начали выгребать на поверхность. В ушах уже начало стучать, когда наши головы наконец вынырнули из болота.

Через минуту мы уже были на опушке леса — грязные, мокрые, но живые. Укрывшись за толстым деревом, мы осторожно сели и попытались хоть как-то привести себя в порядок, обтеревшись листьями и лопухами, в изобилии росшими вокруг.

В небе сияло солнце, в листве щебетали какие-то птички, и с трудом верилось, что еще недавно мы были глубоко под землей, в недрах зловещего завода, день за днем изотавливающего смерть для всего живого!

— Ну и что мы будем теперь делать? — спросила Оля, горестно разглядывая свою одежду.

— Понятия не имею, — честно признался я. — Давай я снова попробую воспользоваться страховым полисом. Один раз он нас выручил, вдруг поможет и теперь?

Оля молча пожалла плечами, а я вытащил пластмассовый прямоугольник страхового свидетельства из кармана и снова надавил на красный кружок. В тот же миг откуда-то неподалеку раздалось негромкое пощелкивание. Оно было слишком мерным, чтобы его можно было принять за голос какой-то птицы. Мы переглянулись и перебежками, по одному, устремились туда, откуда слышались эти звуки.

Путь наш был недалек. Сигнал-приманка раздавался из крохотного динамика, укрепленного в большом дупле старого дуба. Ниже в этом же дупле был установлен компьютер, на экране которого мерцала красными буквами такая надпись:

ПРОХОД ЧЕРЕЗ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ТОПЬ

ВОЗМОЖЕН ТОЛЬКО ПО ПОДАЙНОЙ ТРОПЕ КОНВЕРСИИ.

НАЖМИТЕ КЛАВИШУ «ВВОД».

И ПРИНТЕР НАПЕЧАТАЕТ ВАМ СХЕМУ ЭТОЙ ТРОПЫ

— А что значит «конверсия»? — поинтересовалась Оля, дожидаясь, пока принтер кончит печатать нам карту.

— Этот термин означает перевод военной промышленности на выпуск мирной продукции. Нельзя же просто так взять и закрыть предприятия, которые вчера делали танки и ракеты — там же работают миллионы людей, а у них семьи, дети... Вот у нас в городе Воткинске есть завод, делавший раньше ракеты, которые мы вместе с американцами теперь решили вообще уничтожить. Значит, этому заводу надо переучиваться — переходить с выпуска ракет на выпуск, например, стиральных машин. Дело сложное и новое, но нужное. А для нас нужно дело — продвигаться вперед, а потому бери карту и в путь!

Увлеченные этим разговором, мы не заметили, что лес вокруг нас постепенно редееет, и потому, выйдя внезапно на его опушку, от неожиданности даже ошарашивались.

Пейзаж резко изменился.

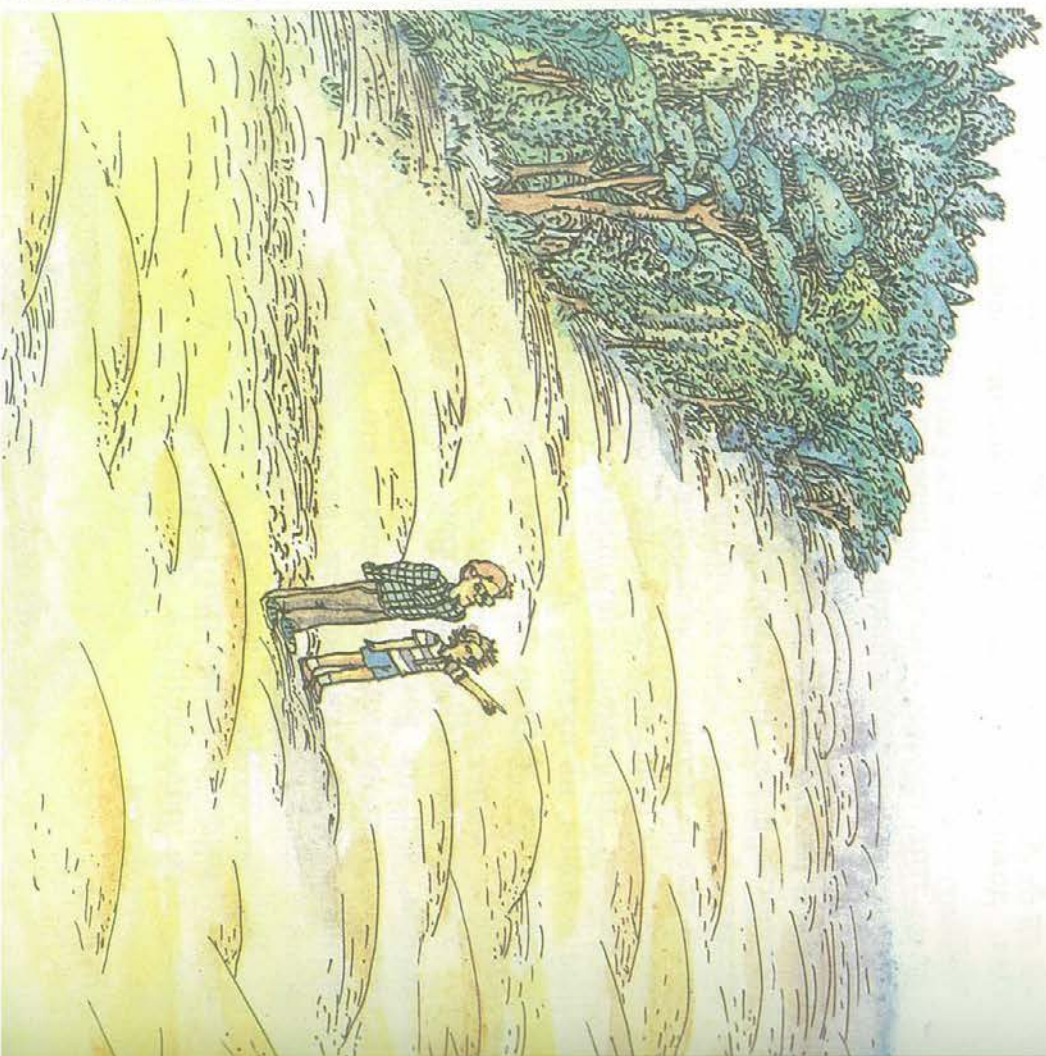
Лес обрывался за нашей спиной, как обрубленный чьим-то мечом.

К этому переводу предприятия военной промышленности на выпуск мирной продукции. Дело сложное и новое. НЕ ЗАБЫТЬ!

Впереди же перед нами простерлась пустыня, и лишь песчаные барханы да редкие кактусы как-то разнообразили ее унылый вид. Тропинка кончилась, и не было вокруг никаких указателей, которые могли бы подсказать нам дальнейший путь.

Не решаясь углубиться в пустыню, мы медленно тронулись вдоль опушки леса.

Мы прошли, думано, метров сто, как вдруг нашим глазам предстал ... памятник.

На постаменте крупными буквами было выбито «ВРА-
ГАМ ПРИРОДЫ», а ниже — буквами помельче — шла
надпись:

*Можно, пожалуй, сказать, что назначение человека
как бы заключается в том, чтобы уничтожить свой род,
предварительно сделав земной шар непригодным для
обитания.*

Жан-Батист ЛАМАРК
(1.8.1744-18.12.1829 гг.)

— Какие злые слова... — передернула плечами Оля, как
будто ей на секунду стало зябко.

— Что ты имешь в виду: посвящение на памятнике
или то, что написал Ламарк? — не понял я.

— И то и другое! Разве можно считать всех людей
врагами природы?! А если человек сажает деревья, очи-
щает реки от мусора, не разводит костры в лесу — разве
справедливо называть его врагом природы?!

— Эх, Оля, — горестно вздохнул я, — почти не-
возможно сегодня найти на Земле человека, полностью
безвиного перед природой. Например, вспомни, как
приятно зимой, вернувшись с улицы, ощущать тепло
квартиры. Но ведь тепло это куплено ценой разрушения
природы, и, радуясь ему, ты становишься соучастником
преступления против планеты Земля!

— Да почему же? — сердито посмотрела на меня дочь.

— Потому! Вот давай прикинем, сколько ударов нано-
сится природе ради того, чтобы ты могла дома ходить в
легком халатике. Все начинается с добычи топлива, когда
мощные экскаваторы прорезают в теле земли огромные
карьеры, чтобы добираться до пластов угля. Впрочем, еще
раньше строители делают так, что вокруг будущего
карьера резко снижается уровень почвенных вод — без
этого нельзя, иначе карьер сразу превратится в озеро! От
этого гибнет вся растительность вокруг и земля становится

мертвой пустыней. Но вот уголь добыли и привезли на
теплоэлектростанцию, где его сожгли в топке. При его
сгорании образовался углекислый газ. Слышала о таком?

— Конечно, нам в школе рассказывали, что он нужен
деревьям для нормального развития — Деревья этот газ
всасывают, а выделяют кислород. Так?

— Так-то оно так, но беда в том, что уже лет 200 назад
люди стали вырубать так много лесов, что оставшиеся уже
не могли справиться с углекислым газом и его количество
в воздухе стало расти. А уж когда начали возникать
огромные города, которые надо было отапливать, возмож-
ности лесов и вовсе стали недостаточными для борьбы с
этим газом и за эти два века его стало в воздухе на четверть
больше. А ведь этот газ — и еще несколько других, тоже
связанных с деятельностью человека, — парниковые, то
есть чем больше их в атмосфере, тем труднее теплу уйти в
космос...

— Но это же и хорошо — меньше будет на Земле
холодных мест, везде будет тепло, как в тропиках, и под
Москвой будут расти бананы. Вот здорово!

— Роскошная картина — ничего не скажешь. Вот
только нынешние тропики Земли погيبнут — там будет
только подчистую выжженная солнцем пустыня. Пустыней
станут и многие районы в США, где сейчас процветает
земледелие, плоды которого спасают от голодной смерти
несколько миллиардов человек. Что ждет их? А потом —
все активнее тают льды на полюсах и потому поднимается
уровень Мирового океана. К середине будущего века —
тебе тогда будет лет 70 — вода может подняться еще на
метр, и тогда погибнут, подобно легендарной Атлантиде,
вполне реальные крупнейшие города-порты: Нью-Орлеан,
Каир, Шанхай, Лондон, Одесса... И это еще не вся плата,
которой требует от природы Земля теплая батарея в твоём
доме...

— Хватит, папа! И так уже на душе нехорошо. Лучше

скажи, козу-то зачем на этот памятник поставили? Она-то в чем виновата?

— Коза? А ты разве не слыжала никогда, что именно с помощью коз человек создал на Земле новые пустыни?

— Как это создал? Да какому сумасшедшему нужны пустыни?

— Согласен, они никому не нужны. Но беда людей в том, что они обычно сначала губят природу неразумным экономическим поведением, а потом начинают думать — почему это жить на Земле становится все хуже и хуже? И история с козами — классический тому пример. Видишь ли, когда-то в Азии и Северной Африке коза была главным домашним животным. И в конце концов люди развели огромные стада коз, которые они все время перегоняли с одного пастбища на другое. Но мирная коза — страшный враг природы, потому что выедает без остатка весь растительный слой, а ее копыта еще и разрушают почву. Там, где прошло большое стадо коз, больше уже ничего не растет. И потому массовое разведение коз кончилось тем, что на месте некогда зеленых полей и лесов образовались сначала безжизненные пустыри, а потом — пустыня...

— Знала бы, что ты опять будешь всякие страсти рассказывать, я бы тебя про козу не спрашивала! — с чувством сказала Оля. — Лучше скажи, как нам пересечь эту пустыню и вообще как можно сделать так, чтобы и люди хорошо жили, и природа не гибла?

— Конечно, можно закрыть глаза и уши, чтобы не слышать и не видеть, как гибнет природа планеты, но разумнее жить в согласии с природой, бережно относясь ко всему живому.

Потрепав Олю по плечу, я решительно шагнул из ласковой тени леса под пылкое солнце, и мы двинулись вперед через Великую Экологическую пустыню. Далеко впереди я приметил высокую черную скалу. С нее наверняка было видно на несколько километров вперед, и я

решил взобраться наверх, чтобы определиться — куда идти дальше.

С непривычки мы двигались довольно медленно и только через час подошли к скале. Вглядываясь в нее, я вдруг с радостью заметил отверстие пещеры — там мы могли чуть-чуть отдохнуть от безжалостных лучей солнца. Теперь даже хлюпающее объятие Военно-Промышленной топи воспринималось немножко по-другому. До пещеры было уже рукой подать, как вдруг откуда-то с неба послышался переворачивающий душу свист. Мы с Олей как по команде взглянули вверх и обмерли...

Прямо на нас с неба пикировала огромная стая каких-то странных созданий с продолговатыми телами и короткими круглыми носами. Крыльев у них не было, но заднюю часть их туловищ окутывали какие-то облачка. Это были живые ракеты!

— Аэрозоль! — ошеломленно прошептала моя спутница.

И она была права! Злобная стая состояла из... аэрозольных баллончиков! Я уже мог отчетливо разобрать хорошо знакомые мне этикетки лака для волос, антистатика, средства от комаров и многих других товаров бытовой химии, мирно стоявших у меня в хозяйственном шкафу. Но здесь — в стране Экономика — они почему-то стали летать и сбивались в стаю. Не знаю почему, но инстинкт подсказал мне, что эта стая полна далеко не мирных намерений и нам надо срочно спасаться! Не рассчитывая на Олину расторопность, — она окаменела на месте, распахнув от изумленья глаза и рот, — я крепко схватил ее за руку и изо всех сил поволок в пещеру. Мы уже были на пороге, когда первые аэрозольные начали атаку, разом выбросив из своих головок-кловов облака пахучих химикатов. В горле у меня сразу пересохло, на глаза навернулись слезы. Но наконец мы оказались под сводами пещеры. Едва мы проскочили вход, как вдруг у нас за

спиной что-то зарокотало и тяжелая стальная пластина, опустившись, плотно закрыла отверстие в скале. Мы опять оказались закрытыми в пещере, но зато по крайней мере летучие аэрозоли уже не могли до нас добраться.

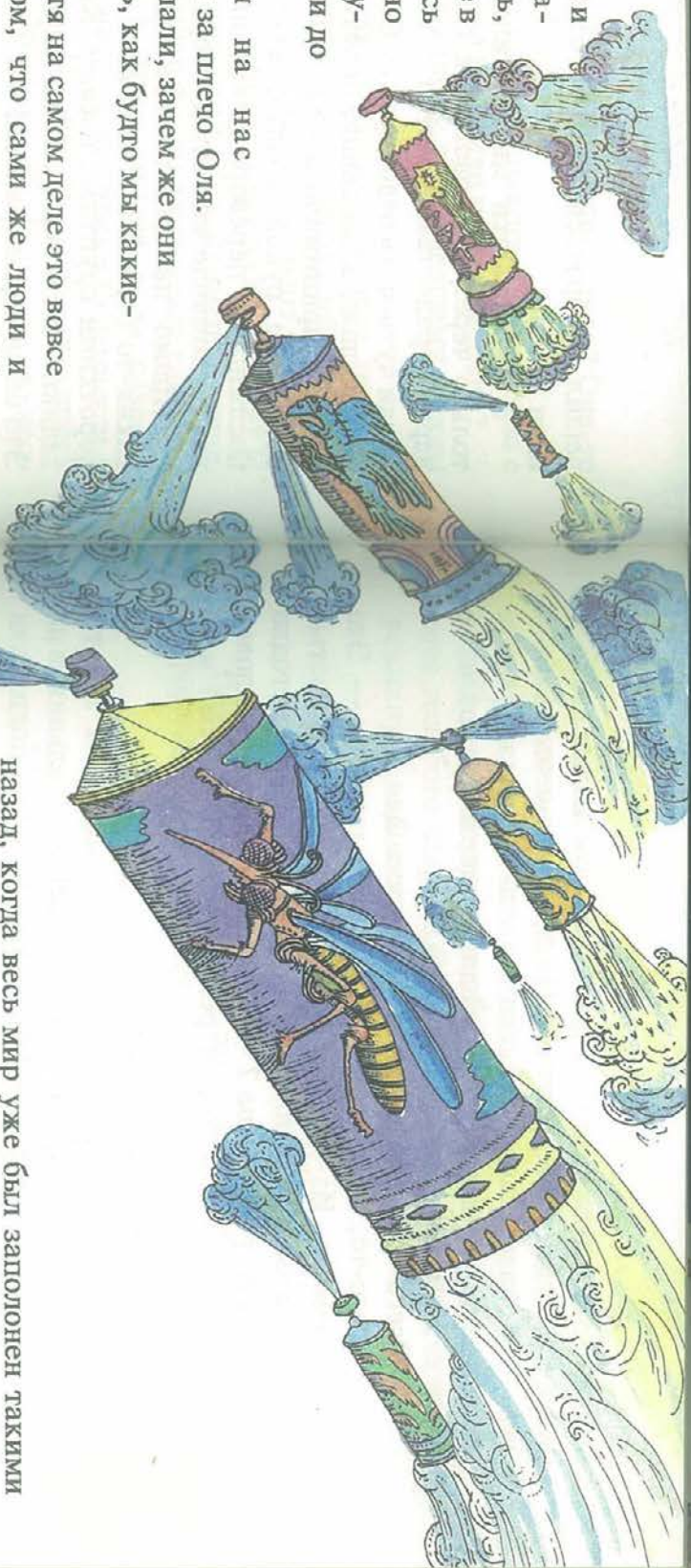
— Но почему они на нас напали? — тронула меня за плечо Оля.

— Ведь люди же их и сделали, зачем же они нас пытаются уничтожить, как будто мы какие-то вредные комары?!

— Самое смешное, хотя на самом деле это вовсе не смешно, состоит в том, что сами же люди и обучили аэрозоли искусству охоты на человека! И если хочешь знать, эта охота уже идет полным ходом в самой что ни на есть настоящей жизни...

— Как это? — изумленно спросила Оля.

— Очень просто. Все аэрозоли в мире устроены одинаково: в них под давлением накачано нужное человеку вещество, смешанное с газом фреоном. Этот газ очень удобен — он, как говорят химики, нейтрален, то есть не взаимодействует с полезными веществами баллончиков и потому не портит их, а высокое давление, нужное для разбрызгивания, обеспечивает. Все бы хорошо, но вот несколько лет

назад, когда весь мир уже был заполнен такими баллончиками и холодильниками, которые тоже работают на фреоне, вдруг выяснилось, что такой экономически выгодный фреон — враг человечества!

— Почему?

— Оказалось, что фреон — которого, кстати, в атмосфере Земли и в помине не было еще в начале 50-х годов — разрушает в верхних слоях атмосферы слой, состоящий из газа озона. А озон, как шит, закрывает все живое на Земле от вредного излучения Солнца, пропуская беспрепятственно все излучение, полезное для жизни. Не будь озонового слоя — и людям даже не в самых жарких странах пришлось бы ходить закутанными с ног до головы, иначе бы они все быстро заболели раком кожи и умерли! Но люди об этом не подумали и стали пользоваться фреонами очень активно. Это принесло изготовителям аэрозолей и

холодильников огромные прибыли, а всем людям помогло жить куда удобнее и приятнее. Но фреон — очень живучий газ, он не разрушается десятки и сотни лет, но зато губит озон непрерывно, и уже сегодня содержание озона в воздухе сократилось на 3 процента...

— Всего-то! — облетченно выдохнула Оля.

— Всего-то, — повторил я, покачав головой. — Это совсем немало. Из-за того, что над европейской частью нашей страны озона стало на 3 процента меньше, ежегодно бюджет от рака умирает на 7 — 9 тысяч — тысяч! — человек больше. Аэрозоли охотятся результативно — самый меткий охотник позавидует!

— Так запретить их и все!

— Легко сказать, — развел я руками. — А где ты будешь хранить продукты, если не будет холодильников на фреоне? Сейчас все основные страны мира подписали специальный «антифреоновый» договор — обязались не выпускать фреонов больше, чем они выпускали в 1987 году, а к 2000 году сократить его производство вдвое. Дело-то больно простое — надо же найти фреону заменители, научиться их дешево изготавливать, построить заводы, поменять конструкции холодильников и так далее и тому подобное. И на все это нужны деньги и время, время, время, а озона остается все меньше и меньше, и потому врачи уже сегодня рекомендуют не увлекаться загаранием — солнце без озонового щита светит людям совсем не так ласково, как прежде...

— Ох, и невеселое же у нас сегодня путешествие, — горестно вздохнула моя спутница, привыкшая летом загорать до черноты. — Ну, а что мы дальше будем делать? Нелзя же бесконечно сидеть в этой пещере. Кстати, можно я ее осмотрую?

Оля сделала шаг в глубину пещеры, и тут вдруг наше временное убежище осветилось ярким светом и мы с дочкой одновременно ахнули.

На дальней стене пещеры разом вспыхнули десятки телевизионных экранов, окружавших центральный экран размером метров пять на пять.

На нем появилось изображение медленно вращающегося голубого шарика Земли, снятое из космоса, а потом вспыхнула надпись:

ПРИВЕТСТВУЕМ ВАС

В ЦЕНТРЕ БЕЗОТХОДНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ!

Потом и она исчезла и по экрану побежали строчки информационного сообщения:

ЕЖЕГОДНО НА ЗЕМЛЕ ИСЧЕЗАЕТ

11 МЛН. ГЕКТАРОВ ТРОПИЧЕСКИХ ЛЕСОВ...

ПЛОЩАДЬ ПУСТЫНЬ ЕЖЕГОДНО ВОЗРАСТАЕТ

НА 6 МЛН. ГЕКТАРОВ...

ЧЕРЕЗ 100 ЛЕТ НА ЗЕМЛЕ ОСТАНЕТСЯ ЛИШЬ ПОЛОВИНА

СУЩЕСТВУЮЩИХ СЕГОДНЯ ВИДОВ ЖИВОТНЫХ И

РАСТЕНИЙ...

ПЛОЩАДЬ ДЫРЫ В ОЗОНОВОМ СЛОЕ НАД АНТАРКТИДОЙ

УЖЕ В 2 РАЗА БОЛЬШЕ ПЛОЩАДИ США...

Затем на экране мы увидели изображения научных лабораторий, которые, как мы догадались, были расположены глубоко под землей.

Некоторое время Оля с любопытством всматривалась в изображения приборов и деловито сновящихся около них ученых в белых халатах, а потом повернулась ко мне.

— Значит, спасение природы — это тоже работа страны Экономика?

— Конечно, а как же иначе. Раньше в стране Экономика люди, к сожалению, думали главным образом о личном благе и дне сегодняшнем, в лучшем случае завтрашнем. Заглядывать в послезавтра никто не считал

нужным. А сейчас всем приходится на ходу переучиваться. И не потому, что деловые люди стали такими сознательными, а потому, что другого выхода просто нет. Советские ученые подсчитали, что если в стране Экономика не наступит коренные перемены, то к середине XXII века природа окончательно истощится и 99 процентов всех затрат энергии и труда человечеству придется тратить на то, чтобы на Земле можно было хоть как-то жить. А на поддержание уровня жизни и развитие человеческой цивилизации останется всего-навсего один-единственный процент этих затрат. И тогда человечество покатится назад в своем развитии, а проще говоря — будет стремительно нищать и хиреть!

— И что же делать?

— Не жалеть Деньги на охрану природы и заменять старые способы производства новыми — безотходными технологиями. Специалисты подсчитали, что уже сегодня всем странам мира нужно ежегодно тратить на охрану природы 1/20 от стоимости всех товаров, что производятся за год. Пока решается на это только Япония, а остальные тратят в 4 — 5 раз меньше, но зато и теряют от порчи природы куда больше, чем сэкономили на таких тратах. Сейчас нужно заново учиться способам изготовления всех товаров. Привыкать жить как на космическом корабле, где отходы просто некуда девать и новый воздух по трубочке с Земли не подсосешь, а потому его надо очищать и снова пускать в кабину.

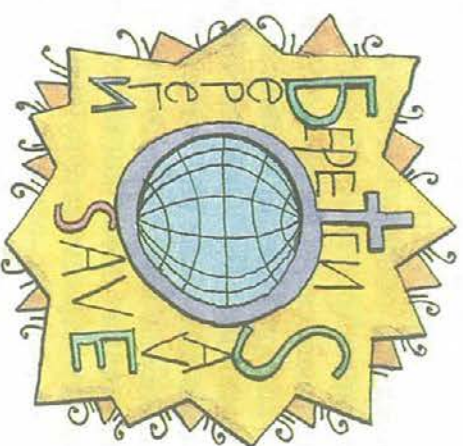
— Поняла, — удивленно кивнула головной Оля. — Так, значит, вот эта лаборатория как раз и придумывает такие новые безотходные технологии?

— Совершенно верно. И честно говоря, я очень надеюсь, что мы здесь узнаем, как же нам преодолеть все-таки Великую Экологическую пустыню.

Но спросить нам, увь, здесь было не у кого, а как попасть вниз — в лабораторию, мы не знали. Тогда я начал

тщательно обшаривать все углы и закоулки нашего убежища и вдруг натолкнулся на маленькую металлическую дверь. На ней не было ни ручки, ни какого-либо замка. Лишь в центре ее виделось забавное изображение панды. Зверек был нарисован художником с такой нежностью и был таким симпатичным, что Оля невольно поглядела картинку пальцем. В тот же миг главно и бесшумно дверь скользнула вверх и за ней открылся широкий светлый коридор. Я махнул Оле рукой, и мы вошли внутрь.

Стены коридора напомнили изображения внутренних помещений космических кораблей, как их показывали в фантастических фильмах. Везде были видны шкалы каких-то неведомых приборов, и единственное, что было нам понятно, — надпись на плакате, все время повторяющемся на стенах:

— А что значит этот нолик с хвостиком? — первым делом заинтересовалась Оля.

— Что-то он мне напоминает, вот только что... — напрут я свою память. — О, вспомнил! Этим знаком астрономы традиционно обозначают на своих картах нашу планету. Так что этот плакат означает «Береги Землю!».

— Береги-береги! — в сердцах сказала Оля. — А как?
— Самый лучший способ сегодня это создание безотходных и ресурсосберегающих технологий. Эти технологии позволяют совершенно не загрязнять окружающую среду отходами, а на производство тратить намного меньше энергии, воды, материалов...

— Намного — это насколько? — деловито спросила Оля.

— Это по-разному получается. Давай посмотрим, как уже сегодня можно сберечь энергию. Например, Франция сейчас тратит энергии на производство одинакового количества товаров в 2 раза меньше, чем Англия и США, и в 4 раза меньше, чем СССР. Значит, если бы в нашей стране были использованы такие же технологии, как во Франции, то можно было бы не строить новые атомные электростанции, закрыть все старые и небольшую часть угольных электростанций, отравляющих округу дымом и кислотными дождями, после которых уже ничего не растет — даже картошка. Вот что значит новые, можно сказать — планетоспасающие технологии! И это единственный путь, который может привести человечество к счастью в будущем. Но времени на их создание и внедрение уже осталось мало. Практически судьба человечества будет зависеть от того, что успеет сделать мое поколение и вы, наши дети, когда станете взрослыми. Сумеете быстро перестроить страну Экономика — будет жить хорошо, не сумеете — тогда ваша старость и молодость ваших детей и внуков будут уже весьма невысладными...

Под эти разговоры мы успели пройти достаточное далеко и вдруг, завернув за очередной поворот, увидели перед собой какое-то необычное транспортное средство. Оно чем-то напоминало вагон современного скоростного поезда, но колес у него не было и сидел этот вагон верхом на одиноком высоком рельсе.

— А я знаю, что это такое, — вдруг заявила Оля, опередив меня на секунду. — Я такое видела в каком-то журнале. Это сверхскоростной поезд будущего, я только не помню, как он называется.

— По-моему, он еще никак не называется, — улыбаясь я. — Это поезд на магнитной подушке — бесшумный и экологически чистый транспорт будущего. Но раз он здесь уже стоит, так, может быть, мы можем на нем прокатиться и сегодня?

Двери вагона были открыты, и мы зашли внутрь. Тогда же створки дверей плавно сомкнулись и голос из репродуктора сообщил: «Поезд отправляется. Следующая остановка — порт ЭКСИМП». И уже через несколько минут мы стремительно неслись вперед по подземному туннелю, оставляя за спиной таинственный Центр Безотходных Технологий и нетерпеливую пустыню вокруг него.

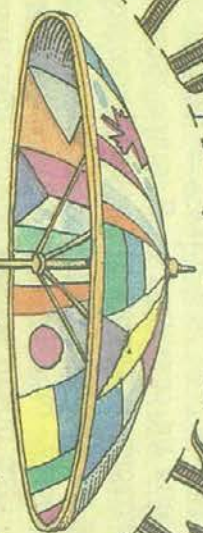
Внезапно наш поезд вырвался из туннеля наружу и резко затормозил. Двери автоматически распахнулись, и мы с Олей выбрались наружу.

Уже темнело. Где-то кричали чайки, подтверждая близость моря Национального Богатства. Оглядевшись по сторонам, я с удивлением обнаружил неподалеку высокое здание с надписью «Гостиница». Туда мы и направлись, предвкушая удовольствие постать на нормальной кровати после двух ночей, которые провели в палатке.

В открытое окно нашего номера донеслись гудки паровозов, прибывающих в порт ЭКСИМП или покидающих его, но этот шум не помешал мне заснуть, едва моя голова коснулась подушки.

ПЕРВАЯ ДЕСЯТКА

В которой нам приходится

ВЫБРАСЫВАТЬСЯ ИЗ САМОЛЁТА,

И ВСЁ ЖЕ МЫ НАХОДИМ ПУТЬ ДОМОЙ.

Проснувшись на десятое утро нашего путешествия по стране Экономика, мы решили первым делом как следует позавтракать. К Олиному удовольствию, выяснилось, что сделать это можно на крыше нашей гостиницы — в кафе, где над каждым столиком возвышался большой зонт, прикрывавший посетителей от солнца и дождя. Зонты были спиты из национальных флагов разных стран мира и были очень красивы.

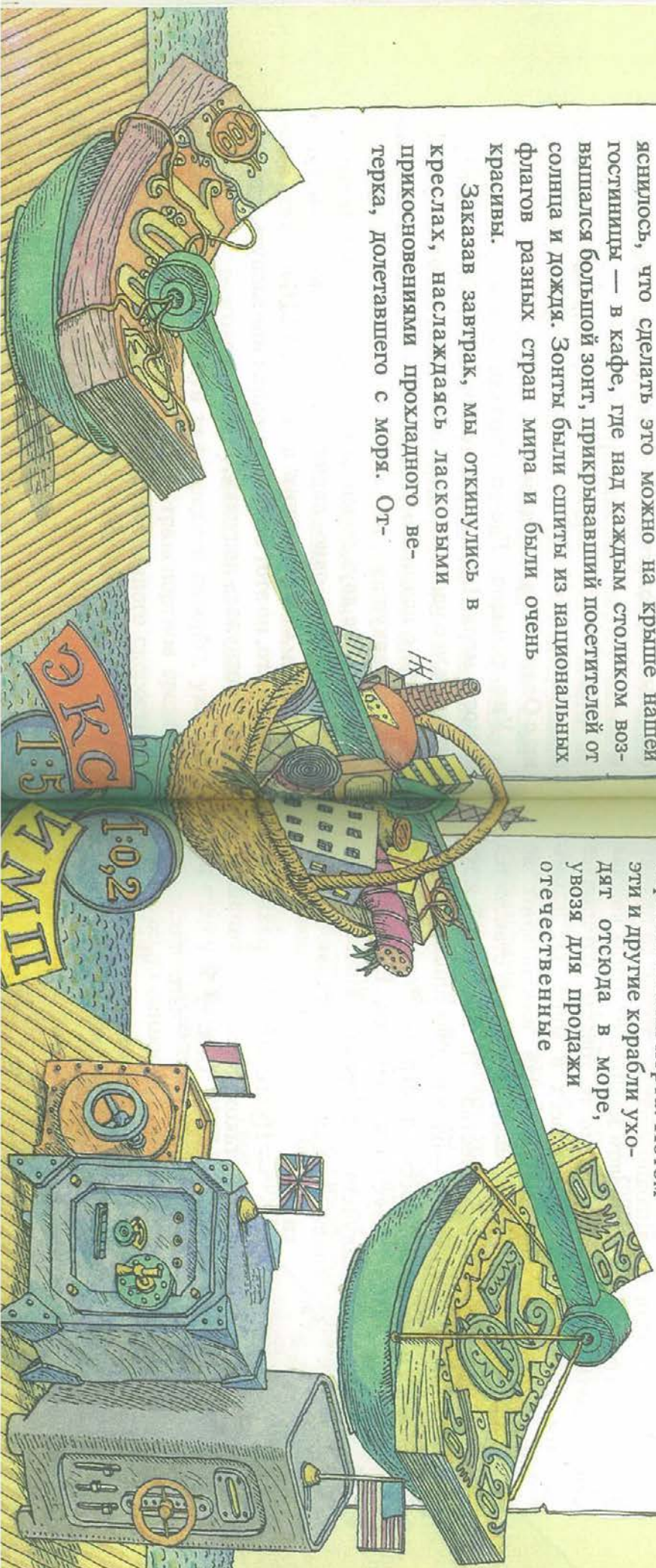
Заказав завтрак, мы откинулись в креслах, наслаждаясь ласковыми прикосновениями прохладного ветерка, долетавшего с моря. От-

сюда, с высоты, были хорошо видны мачты многочисленных кораблей, порталыные краны и, конечно же, вход в порт, над которым сияло его название «ЭКСИМП», повторенное на самых разных языках мира.

— ЭКСИМП, — медленно повторила Оля название порта, как будто пробуя его на вкус. — Какое странное слово. Что оно значит?

— То, что этот порт — морские ворота страны Экономика и через них идет весь экспорт и импорт товаров. Сюда приходят суда многих стран и привозят изготовленные там товары, чтобы их можно было продать здесь с выгодой. Эти корабли приходят с импортными товарами и потому швартуются в Импортной гавани порта. Потом

эти и другие корабли уходят отсюда в море, увозя для продажи отечественные

товары. Товары, которые на них грузят, называют экспортными, и потому погрузка таких кораблей ведется в Экспортной гавани порта.

— А зачем это вообще нужно? Это же, наверное, очень дорого — возить товары туда-сюда через море? Недаром же есть даже такая поговорка: «За морем телушка — полушка, да руль перевоз»... Не лучше ли все нужные товары делать самим, в своей стране, а в другие страны ездить только в гости? И потом — а вдруг там не захотят продать то, что нам нужно? Что тогда делать, как выпутываться?

— Э, нет! Ничего разумного в таком решении не было бы. Ты вспомни, еще в самом начале нашего путешествия мы с тобой выяснили — залогом успешного развития страны Экономика служат разделение труда и обмен товарами. Но если это выгодно в одной стране, то почему бы не сделать то же и в мировом масштабе? Тогда каждая страна сможет выпускать только те товары, которые ее мастера умеют делать лучше всех в мире. От такого международного разделения труда выигрывают не только отдельные страны — легче и богаче становится жизнь всего человечества. И потому международная торговля — одна из древнейших и важнейших профессий в стране Экономика. А насчет телушки и полушки... Вспомни-ка, пожалуйста, что писал о внешней торговле Александр Сергеевич Пушкин?

— Пушкин? Да разве он о таком писал? — удивилась Оля. — Я у него ничего такого не читала.

— Читала, — улыбнулся я, — и не раз. Забыла? Ну-ка, я начну, а ты попробуй продолжить:

«Чем вы, гости, торг ведете?

И куда менарь льивете?»

Корабельщики в ответ:

«Мы объехали весь свет,

Торговали мы конями,

Все донскими жеребцами,

А менарь нам вышел срок —

И лежит нам путь далекий...»

— «Мимо острова Буяна, в царство славного Салтана...» — с ходу подхватила Оля. — Это же «Сказка о царе Салтане»!

— Верно. И вспомни, каждый раз как князь Гвидон заставлял корабельщиков заходить в его порт, выяснялось, что в этот раз корабельщики торговали иным товаром — то «соболями, черно-бурыми лисами», то «донскими жеребцами», то «булагом, чистым серебром и златом». Так оно и есть на самом деле — все страны торгуют самой разнообразной продукцией, причем нередко одну и ту же продукцию и импортируют, и экспортируют...

— Но это же совсем бессмысленно! — удивилась Оля. — Я так поняла, что импортируют те товары, которых в стране не хватает или которые самим производить слишком дорого. Но зачем же товары экспортировать в другие страны, чтобы потом из третьих стран импортировать такие же товары к себе?

— Не спеши обвинять других в глупости, сначала попробуй разобраться. Твое удивление имело бы основание, если бы цены на одни и те же товары во всех странах были одинаковыми и если бы деньги у всех стран имели одинаковую ценность.

— Но разве это не так?

— Конечно, нет! Один и тот же товар в разных странах

стоит совершенно по-разному и различна в ценах нередко очень большая. Это зависит от многих причин — от природных условий страны, от того, какую зарплату сумели себе выбить рабочие в результате профсоюзной борьбы, наконец, от того, что любят жители страны, какие у них национальные традиции и привычки. Например, японцы лишь после окончания второй мировой войны начали постепенно осваивать европейскую обувь, а до того прекрасно обходились традиционными сандалетами. И пока европейским компаниям не удалось с помощью рекламы возбудить у японцев интерес к туфлям и ботинкам, экспорт такой обуви в Японию был совершенно бесполезной затеей.

— А кстати, папа, помнишь, мы с тобой говорили о том, почему нельзя сделать так, чтобы во всем мире были одни и те же деньги. Но если у всех стран свои деньги, то как же они торгуют друг с другом?

— Отличный вопрос! Что ж, давай попробуем разобратся. Допустим, что у тебя есть свободные деньги и ты хочешь купить японский карманный магнитофон с наушниками. У японского комммерсанта есть партия таких магнитофонов на складе, и он мог бы экспортировать ее в нашу страну. Но торговля внутри страны идет у нас в рублях, и именно рублями ты и готова заплатить за эту игрушку. Пошли дальше. Японец продал всю партию магнитофонов и получил немалую сумму рублей. Что ему теперь с ними делать? В Японию — то ему от них никакого толку нет — в магазинах от покупателей требуют платить иенами, а не рублями. Да и с изготовителем магнитофонов рассчитаться надо тоже в иенах. Как бы ты вышутывалась из такой ситуации?

— Я? — удивилась Оля, никогда не представлявшая себя в роли японского комммерсанта. — Я бы... Я бы купила тут у нас на все рубли матрешек и продала бы их потом в Японии на иены!

— Прекрасное решение! Вполне практичное. Правда, для этого надо предварительно разведать японский рынок — разойдется ли на нем такое количество матрешек. Но в принципе ты права — страны с разными деньгами могут торговать друг с другом только в том случае, если у каждой из них есть товары, нужные другой стороне, или, наконец, — на золото. Например, долгие годы весь импорт в СССР держится на том, что мы продаем за рубеж природные богатства страны — нефть, газ, лес, руды металлов. А покупаем — лекарства, одежду, пшеницу, станки. Значит, чем больше у страны товаров, которые готовы купить другие страны, тем легче ей самой купить у них то, что нужно. При этом никаких проблем с разницей в денежных единицах не возникает.

— Значит, если хочешь, чтобы куптали твои товары, сам покупай чужие, так что ли?

— Вот именно! Международная торговля основана на выгоде для всех ее участников. Впрочем, не пора ли нам посетить порт? Ворота давно открыты и ничто не мешает нам осмотреть его поближе.

Как ни странно, но я ошибся. Вход в порт был переторожен сетчатой дверью, которой не было видно сверху, а в тумбе около нее был вмонтирован компьютерный «сторож». На его экране мы прочитали текст:

СООБЩИТЕ, ЧТО ИЗ НИЖЕПЕРЕЧИСЛЕННЫХ ТОВАРОВ
ВЫ НАМЕРЕНЫ ЭКСПОРТИРОВАТЬ В ДРУГИЕ СТРАНЫ?

1. НЕФТЬ 2. ГАЗ 3. ДРЕВЕСИНУ 4. СТАЛЬ 5. МЕДЬ

6. ГРУЗОВИКИ 7. ПОДШИПНИКИ 8. КНИГИ 9. ХЛОПОК

10. ТАНКИ 11. ПЛАТЬЯ 12. СУПЕР ЭВМ 13. ГОВЯДИНУ

14. ИНОЙ ТОВАР — ВПИСИТЕ НАЗВАНИЕ В СКОБКИ (...)

НАБЕРИТЕ НУЖНЫЙ НОМЕР И НАЖМИТЕ «ВВОД»

Не знаю уж, по какой причине, но, немного поколебавшись, Оля нажала клавишу с цифрой 5 и «ВВОД».

Компьютер издал резкую трель, и прямо поверх прежней рамочки на экране вспыхнула новая, где на красном фоне были слова:

В ЛИЦЕНЗИИ ОТКАЗАНО! ЭКСПОРТ ЗАПРЕЩЕН!
ТОВАР СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ!!!
НАЖМИТЕ «+» ДЛЯ ВОЗВРАТА В МЕНЮ ЭКСПОРТА

— В чем-чем он нам отказал? — не поняла Оля. — И почему нам не разрешили увезти медь? Я-то думала, что чем больше товаров уйдет экспортировать, тем лучше, потому что можно больше купить нужных товаров у других стран, а компьютер почему-то дурит...

— погоди, погоди, — остановил я ее. — Ты уже и так задала мне сразу несколько вопросов. Дай я отвечу, а то ты начала на бедный компьютер напраслину возводить. Ни в чем он не виноват. Просто каждая страна внимательно следит за сферой внешней торговли — кто и что ввозит или вывозит. И в частности многие страны категорически запрещают экспортировать те товары, которые они считают стратегическими, то есть важными для обороноспособности страны. И чтобы избежать бесконтрольного вывоза таких товаров, разрешают экспортные сделки только после получения в государственной организации соответствующего разрешения — лицензии.

— И что такого в меди оборонного-то? — не желала успокаиваться Оля. — Металл как металл!

— Ну, вообще-то ты не права, — заступился я за компьютер. — Медь — металл редкий и очень нужный для проводов, а без них ни страну электричеством не обеспечить, ни проводку в танке не проведешь. А сегодня, когда отношения между странами мира еще очень сложны, легко продавать, пожалуй, только товары народного потребления. А все, что в какой стране редкое или может пригодиться для военных целей, объявляется стратегическим

товаром. Например, США и другие страны НАТО создали даже специальную организацию — Комитет по контролю за экспортом (КОКОМ), которая запретила вывозить в СССР огромное количество разных товаров: компьютеры, станки для точной обработки металла, трубы, новейшие технологии и многое другое. И беда тому, кто их ослушается...

— Его сажают в тюрьму?

— Нет, его наказывают экономически. Например, несколько лет назад американцы обвинили одну японскую компанию, что она нарушила запрет КОКОМ и продала СССР такой станок, который может якобы использоваться для изготовления... бесшумных винтов для подводных лодок. Скандал был страшный! И американское правительство запретило этой компании ввозить в США любые товары, что означало для этой компании огромные убытки. На самом деле американцы просто использовали продажу того станка для нанесения по Японии очередного удара в торговой войне...

— Торговой войне? — удивленно переспросила Оля. — О таком я не слыхала. Это как же воюют?

— С улыбочкой и насмерть, — раздался вдруг чей-то голос позади.

Мы повернулись и увидели невысокого, но плотного телосложения мужчину в матросской тельняшке, брюках-клеш и заляхвываяски заломленной фуражке.

— Позвольте представиться, — вежливо приподнял он фуражку. — Пит Смаглер — здешний старожил. Временно не у дел и готов за умеренное вознаграждение помочь вам в осмотре порта ЭКСИМП. Ведь вы же приезжие, не так ли?

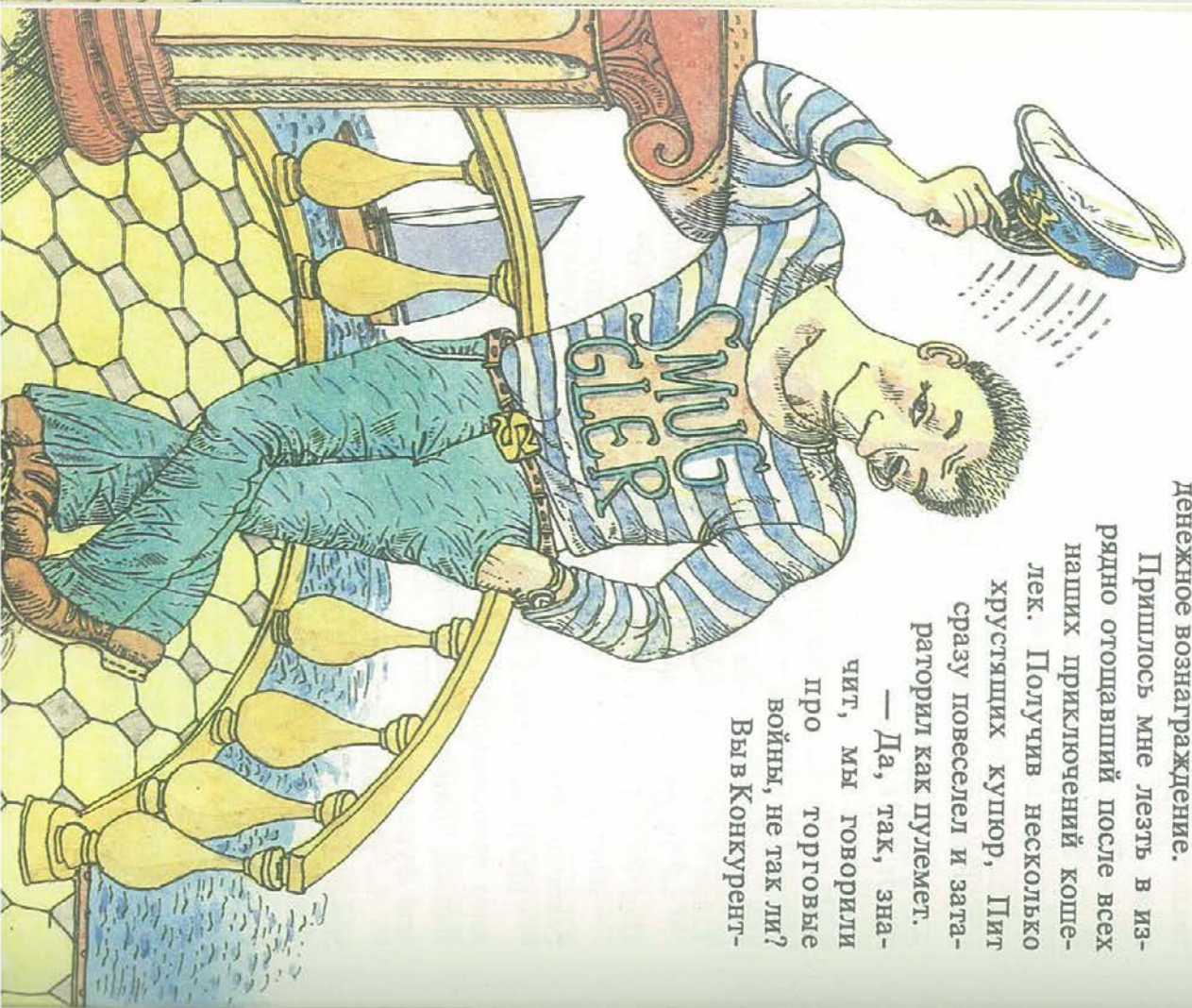
*А это разрешение, которое
надо получить у американцев
для экспорта некоторых
в А НЕ ЗАБЫТЬ!*

— Верно, — кивнула головой Оля. — Скажите, а вы знаете, как попасть в порт Международного Сотрудничества?

— Я все знаю, — важно кивнул головой Пит. — Но информация — штука дорогая. — Он явно намекал на денежное вознаграждение.

Пришлось мне лезть в ряды отощавший после всех наших приключений кошелек. Получив несколько хрустящих купюр, Пит сразу повеселел и затапаторил как пулемет.

— Да, так, зна-чит, мы говорили про торговые войны, не так ли? Вы в Конкурент-

ных Автогонках участвовали? Ага, тогда вам будет легче понять, о чем тут идет речь. Например, японская автомобильная промышленность научилась делать дешевые и надежные легковые автомобили. И их стали охотно покупать американцы. Но ведь это смертельный удар по американским автомобильным компаниям — их-то машины оседают в магазинах, прибыли падают, появляются угрозы полного разорения. Волнуются не только владельцы этих компаний, но и миллионы рабочих, которые собирают автомобили или делают для них сталь, шины, запасные части, — того и гляди они могут лишиться работы, и как тогда кормить семью?

— Ну и что же тут можно поделать — не запретить же людям покупать то, что им нравится?

— Запретить, конечно, не запретить — это уж слишком бы противоречило традициям страны Экономика, — кивнул головой Пит. — Но в торговой войне есть другое оружие — Пошлинные мины. Все государства мира издавна облагают купцов, привозящих товары из-за рубежа, специальной данью — пошлиной. Естественно, что расходы на уплату пошлины купцы возмещают себе тем, что на ту же сумму повышают цену товара. Обычно размер пошлины невелик. Но когда начинается торговая война, то на все товары, привозимые из вражеской страны, устанавливаются такие пошлины, что цены их взмывают к небесам. Проще говоря, покупать их жителям становится невыгодно.

— Но ведь и пострадавшая страна-экспортер может ответить тем же!

— Конечно, и чаще всего так и происходит, — согласился Пит. — Это и есть торговая война. Но по большому счету такая война невыгодна всем странам, и потому со временем Таможенные мины потихонечку разряжаются, пошлины снижают до разумного уровня и международная торговля снова оживает. До очередной

Оля. — Это же не золото! Что толку знать, сколько весит миллион рублей?!

— В таком взвешивании смысл есть. На этих весах определяют сравнительный вес денег разных стран, и толк в таких взвешиваниях очень большой. Недаром же на всех старинных картинах менял всегда изображали с весами... Когда надо решить — давать ли за один русский рубль один доллар, без этих весов не обойтись. В окошечках весов как раз и показываются пропорции обмена разных валют или, как чаще говорят, валютные курсы.

— А зачем они нужны — эти курсы?

— Как это зачем? — удивился я. — Да без них в мире и шагу шагнуть нельзя! Вот давай опять вернемся к той торговой сделке, о которой мы с тобой говорили: когда японец импортирует в нашу страну магнитофоны, а экспортировать собирается матрешки. Допустим, что партия этих магнитофонов обошлась ему в 10 миллионов иен. Но почему ему продавать их у нас в стране, где все расчеты идут в рублях? Как пересчитать цену магнитофона из иен в рубли, чтобы продавца была выгода и японцу, и отечественным покупателям? Вот тут на помощь и приходит валютный курс: японец берет, допустим, газету или звонит в свой банк и узнает, что в СССР официальный обменный курс иены установлен таким образом, что за 1000 иен дают, скажем, 13 рублей.

Значит, чтобы не прогадать при проведении торговой операции

«иены — магнитофоны — рубли — матрешки — иены», японец должен продать

свои магнито-

фоны не де-

шевеле

чем за

130 миллионов рублей. Сумеет продать дороже — молодец, продаст дешевле — останется без прибыли.

— Ну, а как это соотношение — 13 рублей за 1000 иен — устанавливается? Весы — то тут при чем?

— Да без них же тут никак не обойтись! — вмешался в наш разговор Пит. — Когда — то в старину, когда все страны мира чеканили золотую монету, меняла просто клали монеты разных стран по очереди на весы и определяли, сколько в каждой из них золота, а потом подсчитывали, сколько монет одной страны будут равны по весу одной монете другой страны, и наоборот.

— Но сейчас — то деньги бумажные!

— Верно, и поэтому весы Менял сегодня и выглядят совсем по-иному — сама видишь. Теперь сравнительная ценность денег разных стран определяется не по содержанию в них золота или серебра, а по стоимости корзинки с товарами — той самой корзинки, что стоит на центральном чашке весов.

— Ничего не понимаю! — пожалла плечами Оля.

— А что ж тут непонятного? — снова взял слово я. — Мы же с тобой однажды уже договорились, что деньги стоят ровно столько, сколько товаров на них можно купить. Так? А теперь давай возьмем корзинку с самыми разными товарами и подсчитаем — сколько денег надо потратить в каждой из стран, чтобы купить все эти товары. Допустим, у нас получилось, что японец должен заплатить за такую корзинку 100 000 иен, а русский — 1300 рублей. Получается вот такое уравнение:

100 000 иен = корзинка с товарами = 1300 рублей

— А если две величины порознь равны третьей, то они равны и между собой, — решила блеснуть своими математическими знаниями моя спутница. — Значит, 100 000 иен равны для покупателя 1300 рублям. Так?

— Совершенно верно, — кивнул я. — Теперь подели для удобства обе эти величины на сто и получишь как раз

В А Н Ю Т Н Ы И
НЕ ЗАБЫТЬ!
Это значит, что вы можете купить в Японии магнитофон за 100 000 иен, а в России за 1300 рублей. Значит, магнитофон в Японии стоит дешевле, чем в России. Поэтому японцы продают магнитофоны в Россию по цене, которая позволяет им получить прибыль.

тот валютный курс, который мы с тобой уже использовали — 1 000 иен по валютному курсу равны 13 рублям. Значит, чем выше в какой-то стране цены, чем большую сумму денежных знаков ее жителям приходится платить за товары, тем ниже ценность бумажных денег этой страны. А вообще-то на разнице в курсах и игре цен построена вся мировая торговля.

— Точно! — авторитетно подтвердил Пит.

Беседуя так, мы пересекли весь порт и оказались у самого причала. К нашему удивлению, мы увидели здесь не только корабли, но и гидросамолеты, плавно покачивающиеся на волнах. Один из них был прямо перед нами, и к его входному люку был протянут веревочный трап. Табличка на причале извещала, что этот самолет должен был вылететь в Центр Международного Сотрудничества и что желающие приглашаются на борт.

— Значит, так, — деловито сказал Пит, озираясь почему-то по сторонам, — вы идете в диспетчерскую — она находится вон в том домике с башней — и получаете право на вылет, а я пока буду готовить самолет. О'кей? Скажите, что с вами летит гид. Имя мое можете не называть. Это не обязательно.

И не дожидаясь нашего ответа, он нырнул в кабину самолета. Когда через полчаса, оформив все документы, мы вернулись на причал и вошли в кабину самолета, Пит был уже там и дремал в кресле, сдвинув на глаза свою заливчатскую фуражечку. Впрочем, едва мы вошли, он сразу проснулся и начал хлопотать, усаживая нас в кресла, застегивая спасательные ремни и закрывая входной люк. Едва тот захлопнулся, как на стене салона засветился экран. На нем появилась надпись:

ПРИВЕТСТВУЕМ ВАС НА БОРТУ НАШЕГО САМОЛЕТА!

ВЗЛЕТ, ПОЛЕТ И ПОСАДКА ПРОВОДЯТСЯ

В АВТОМАТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ

ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ БОРТОВОЙ МИНИ-ЭВМ «БАЛАНС»
НАШ САМОЛЕТ СНАБЖЕН СИСТЕМОЙ
ИНДИВИДУАЛЬНОГО СПАСАНИЯ ПАССАЖИРОВ —
ДЛЯ ЕЕ ВКЛЮЧЕНИЯ ВАМ НАДО НАЖАТЬ

КРАСНУЮ КНОПКУ

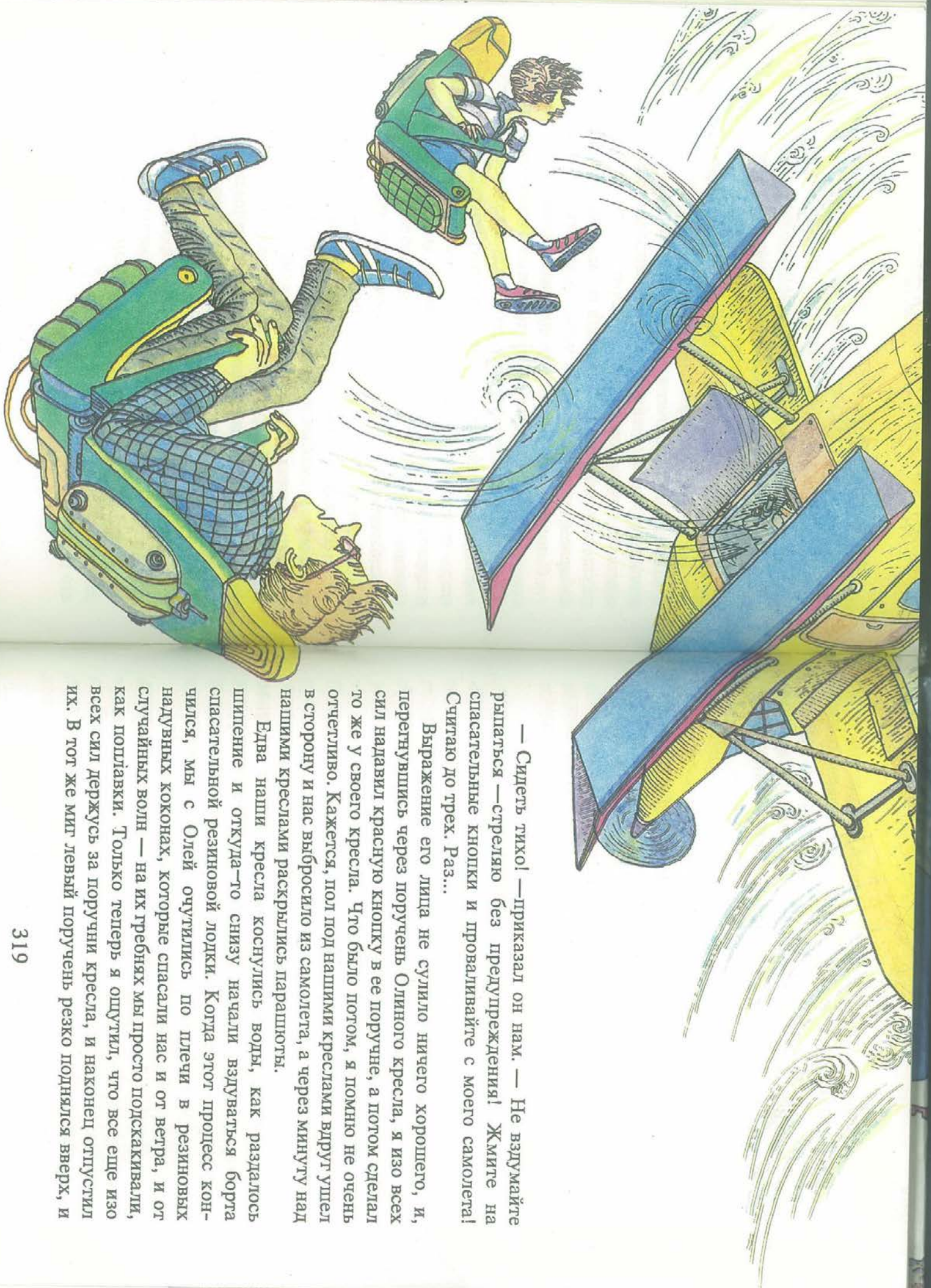
В ТОРЦЕ ПРАВОГО ПОДЛОКОТНИКА ВАШЕГО КРЕСЛА.
БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ, ЧТОБЫ НЕ НАЖАТЬ ЕЕ СЛУЧАЙНО!!!

Тем временем винты нашего самолета начали вращаться все быстрее и быстрее. Самолет дрогнул и, набирая скорость, помчался по глади порта. Мягкий толчок — ощущение зависания в воздухе, и вот мы уже стремительно набираем высоту.

С полчаса мы летели над пустынным морем, где лишь изредка можно было заметить грузовые суда, покинувшие ЭКСИМП или плывущие туда. От этого однообразного вида Оля уже начала скучать, как вдруг впереди морскую гладь что-то нарушило, и вскоре мы увидели россыпь островов, а через секунду оказались и прямо над ними. Самолет лег на крыло и начал описывать большой круг, что позволило нам лучше рассмотреть этот архипелаг, вокруг которого плавали огромные льдины.

Он состоял из двух групп островов, покрытых снегом и разделенных узким и прямым проливом. При этом та группа островов, что оказалась у нас при подлете под правым крылом, образовывала кольцо, как будто в море было озеро. На каждом из этих островов пылал большой костер, отчего острова казались сверкающим на глади моря диковинным ожерельем. Что самое поразительное — на море был штиль, а по «озеру» в центре этого «ожерелья» катились огромные волны.

Облет уже завершался, и наш самолет начал выравняться, как вдруг Пит выпрыгнул из своего кресла и в его руке тускло сверкнул пистолет.

— Сидеть тихо! — приказал он нам. — Не вздумайте рыпаться — стреляю без предупреждения! Жмите на спасательные кнопки и проваливайтесь с моего самолета! Считаю до трех. Раз...

Выражение его лица не сулило ничего хорошего, и, перегнувшись через поручень Олиного кресла, я изо всех сил надавил красную кнопку в ее поручне, а потом сделал то же у своего кресла. Что было потом, я помню не очень отчетливо. Кажется, пол под нашими креслами вдруг ушел в сторону и нас выбросило из самолета, а через минуту над нашими креслами раскрылись парашюты.

Едва наши кресла коснулись воды, как раздалось пшенине и откуда-то снизу начали вздуваться борта спасательной резиновой лодки. Когда этот процесс кончился, мы с Олей очутились по плечи в резиновых надувных коконах, которые спасали нас и от ветра, и от случайных волн — на их гребнях мы просто подскакивали, как поплавки. Только теперь я ощутил, что все еще изо всех сил держусь за поручни кресла, и наконец отпустил их. В тот же миг левый поручень резко поднялся вверх, и

под ним обнаружилась ниша, в которой лежало то, что могло понадобиться потерпевшему аварию в первую очередь: нож, аптечка, а главное — кнопка с крупной надписью «SOS». Видимо, она приволила в действие миниатюрный аварийный радиопередатчик. Нажатием кнопки я включил его и сразу же потянулся за ножом.

Меня больше всего заботило, чтобы нас с Олей не унесло далеко друг от друга. Чтобы избежать этого, я отрезал ножом одну из строп моего парашюта и попытался перебросить ее конец Оле. Волны качали наши резиновые суденышки, и потому раз за разом то я промахивался, то Оле не удавалось схватить веревку достаточно крепко. И все же наконец ей это удалось. Через минуту наши лодочки качались одна рядом с другой, крепко стянутые парашютной стропой.

— Папа, почему он с нами так поступил? — спросила Оля голосом, полным слез. Я ее вполне понимал — до возвращения домой было уже рукой подать — и тут...

— Откуда я знаю, почему! — пожал я плечами. — Хотя, постой-ка, постой... Ах ты, елки-палки! — шлепнул я себя по лбу. — Как же я это сразу не сообразил!

— Что не сообразил?

— Да ведь фамилия-то Пига — Сматтлер!

— Ну и что?

— Я все время думал, что эта фамилия мне чем-то знакома. А ведь по-английски «смагтлер» значит «контрабандист»! Как же я это сразу не вспомнил... Видно, пока мы оформляли документы на вылет, он протаскил в самолет какие-то контрабандные грузы и теперь летит, посмеиваясь над нами, к своим компаньонам. Дурак я, дурак!

— Не убивайся так, папа, — успокаивающе погладила меня по руке Оля. — Как-нибудь выберемся...

— Да уж, теперь надежда только на спасателей — может быть, они услышат наш сигнал. Хотя тут ни в чем нельзя быть уверенным!

— Почему?

— Да потому, что Пит — будь он трижды неладен! — выбросил нас из самолета над одним из самых опасных и таинственных уголков страны Экономика — лагуной Бюджетного Дефицита! А здесь, я слышал, всякое бывает — порою даже радиоволны не проходят...

— Это что — дешоний Бермудский треугольник?

— Что-то вроде того. Видишь ли, вокруг нас с тобой — острова Бюджетного Архипелага и живут тут финансисты, отвечающие за доходы и расходы государства. По ту сторону пролива — его называют проливом Сальдо — острова Государственных Доходов, а по эту сторону — вокруг коварной лагуны, где мы с тобой «загораем», — острова Государственных Расходов.

— А что такое сальдо?

— Этим старинным итальянским словом финансисты обозначают разницу в суммах расходов и доходов одного и того же человека, компании, банка или даже целого государства. Например, если ты получила зарплату 150 рублей, а потратила 140, то сальдо твоих доходов и расходов будет равно плюс 10 рублей. Потратила бы ты все 150 рублей — сальдо было бы нулевым. Потратила бы 160 — сальдо было бы минус 10 рублей...

— Постой-ка, постой-ка! — перебила

меня Оля. — Как это я могла потратить 160 рублей, когда получила всего 150?

Нельзя же потратить больше денег, чем у тебя есть?!

— На самом деле это

вовсе возможно — если ты залезаешь в долги. И вот когда целое государство залезает в долги, потому

БЮДЖЕТНЫЙ ДЕФИЦИТ =
это когда расходы государства больше, чем
доходы и это вынуждает правительство
занять займы у других государств
или у населения. Займы берутся в долг
у других государств или у населения.
НЕ ЗАБЫТЬ!

что хочет тратить больше, чем оно получает доходов, тогда салдо государственного бюджета — документа, где записаны все государственные доходы и расходы, — становится отрицательным. Образуется дефицит государственного бюджета, то есть образуется зона стихийного экономического бедствия, которое эхом отзывается по всей стране Экономика. Именно тогда обычно начинается извержение Инфляционного гейзера, разверзается пропасти Дефицита и долину Пропорциональности начинают трасти Биржевые землетрясения...

— Но почему — связь — то тут какая?

— Давай разбираться, все равно ведь до прибытия спасателей делать нечего. Помнишь, ты меня спрашивала — почему бы всем странам не договориться о введении единых денег, чтобы можно было ездить по свету, не думая, годятся твои деньги или нет?

— Помню, — кивнула головой Оля. — Ты тогда сказал, что каждому правительству выгодно иметь свои особые деньги. Я, правда, не поняла — почему?

— Да очень просто — каждое правительство ведь имеет очень много, как говорят экономисты, статей расходов. Ему надо тратить деньги на оборону, на поддержание порядка и содержание тюрем, на финансирование науки и образования, помогать развитию культуры и давать пособия беднякам и инвалидам, чтобы они не просили милостыню на улицах, ремонтировать больницы и поддерживать работы по охране и восстановлению природы. Любому государству всегда нужно куда больше денег, чем оно может получить с помощью налогов. Как быть в такой ситуации?

— Не знаю... — пожалала плечами моя спутница, — когда не представлявшая себя в роли министра финансов.

— Жизнь показывает, что в такой ситуации правительства разных стран избирают один из трех вариантов экономического поведения. Во-первых, проводят поли-

тику ограничения бюджетных расходов — увольняют государственных служащих, сокращают помощь школам и больницам, отказываются от создания новой военной техники и проектов восстановления загрязненной природы. Сама понимаешь — популярность любого правительства при этом резко падает. Второй способ — напечатать дополнительные деньги, чтобы ими оплатить расходы, на которые не хватает обычных доходов. Способ очень заманчивый — ведь только правительству принадлежит единоличное право законного выпуска денег. Но когда правительство выпускает деньги, не обеспеченные товарами, в стране как раз и разывается инфляция, и это тоже авторитета министрам не добавляет. И наконец есть третий способ — взять в долг. Способ самый честный — хотя и самый трудный.

— Взять в долг? — удивленно переспросила Оля. — Но это же значит, что вроде как целая страна одолживается. Кто же ей может в долг — то дать?

— Подожди, подожди, давай все-таки не смешивать — правительство и страна это вещи разные. Правительство как доверенное лицо народа может одолжить деньги в трех местах. Во-первых, взять кредиты у зарубежных банков. Во-вторых, взять кредиты у отечественных банков. А в-третьих, оно может занять у своего народа.

— Как это у народа?

— А вот так. Называется это заем и смысл его очень прост. Государство печатает специальные бумаги и представляет на них цену, допустим, 100 рублей. Эти бумаги, а их называют облигациями, от слова «облигативо» — обязательство, свободно продают всем гражданам страны. При этом правительство обязуется, что через определенное время оно выкупит все облигации, вернув людям стоимость каждой.

— Послушай, папа, — вдруг перебила меня Оля. — Я вот понять не могу — ты сказал, что острова вокруг нас

заселены людьми, племенем финансистов. Но почему же ни с одного острова никто не поспешил нам на помощь — они же не могли не видеть, как мы шлепнулись на воду.

— Видишь ли — люди из этого племени стараются никогда не плавать по водам лагуны Бюджетного Дефицита. Не то чтобы это для них была запретная зона, а просто им неприятно здесь плавать...

— А почему?

— Да потому, что дело финансистов — так распорядиться доходами и расходами государства, чтобы концы сошлись с концами, а страна не залезала в долги. — Значит, вообще-то такой лагуны в стране Экономика и не должно быть?

— Конечно! Бюджетный дефицит — это беда, и чем он больше, чем глубже государство залезает в долги, чем быстрее раскручивается печатный станок, тем сильнее лихорадит страну Экономика и хуже идут дела у всех ее жителей. Поэтому если в стране расходы государства оказываются больше его доходов, значит, правительство управляет неразумно и не умеет навести порядок в собственном кошельке...

Возможно, что мы бы еще долго беседовали на эту тему, такую болезненную для многих стран мира, но в этот момент увидели, что большой корабль направился прямо к нам. Это были спасатели. Наш призыв был услышан! Спасатели ловко подцепили наши лодки большим «сачком», и через несколько минут мы с Олей уже были на палубе. Нас напоили горячим чаем, и мы поднялись в рубку капитана, чтобы поблагодарить его за спасение. Там мы и застряли — уж больно увлекательно наш гостеприимный хозяин рассказывал о здешних морских приключениях, не забывая при том контролировать курс корабля. Под рассказы капитана мы даже не заметили, что приближаемся к берегу. Капитан вдруг прервал свой очередной рассказ и спросил меня:

— На каком причале вас лучше высадить?

— А что, это имеет какое-то значение? — ответила на вопрос вопросом Оля.

— Конечно, в порту Центра Международного Сотрудничества каждый выбирает себе тот причал, который ему удобнее, и ту дорогу к международному сотрудничеству, которая ему кажется самой выгодной.

— Так куда мы-то будем причаливать? — повернулась ко мне Оля.

— Я бы предпочел причал Международных Экономических Союзов. Такой союз — самая сложная форма сотрудничества разных стран, но и выгоду она дает всем участникам тоже наибольшую.

Высидевшись на берег и распрошавшись с командой спасательного корабля, мы начали осматривать город.

— Международный экономический союз... — медленно повторила Оля, как будто пробуя эти слова на вкус. — И все-таки мне это странно! После нашей поездки по стране Экономика мне теперь кажется, что здесь все стараются только для себя и норовят подставить конкуренту подножку. А уж помогать тому, кто беднее?..

— То, что ты говоришь, действительно веками вбивалось людям в голову. Но времена меняются, хотя старые законы конкурентной борьбы по-прежнему действуют в стране Экономика. Сама Земля стала как будто меньше, и ей все труднее прокормить и обеспечить чистой водой и воздухом многомиллиардное человечье племя. Сегодня жизнь в стране Экономика стала невероятно сложной из-за того, что экономические интересы отдельных людей и даже народов все острее сталкиваются с экономическими интересами человечества в целом. Если бизнесмены США экономят деньги на фальтрах для выхлопных труб, то кислотные дожди выпадают не только над американскими, но и над канадскими лесами. Если советские предприятия сбрасывают в Неву неочищенные сточные воды, то жизнь

в водах Балтийского моря гибнет и у берегов Скандинавских стран.

— Значит, теперь в стране Экономика конкуренции между странами больше не будет?

— Нет, этого я не говорил. Но наряду с конкуренцией самые разные страны начинают сотрудничать друг с другом, чтобы избежать пустой растраты сил и ресурсов. Например, страны Общего рынка столкнулись с тем, что у них производится слишком много сельскохозяйственной продукции. Из-за этого цены падают, крестьяне разоряются, некупленные продукты приходится уничтожать и экономикку всех стран начинает лихорадить. И поэтому страны этого сообщества договорились и ввели ограничения для своих крестьян: сколько крестьяне в каждой стране могут вырастить картошки, надонить молока, вырастить винограда. Если крестьяне соблюдают эти ограничения, то им оказывают денежную помощь из специальных фондов, в которые каждая из стран вносит довольно крупную сумму. Выясает, что крестьяне какой-нибудь из этих стран своевольничают и производят продуктов больше, чем разрешено, — например, выводят породу коров, которые дают до 10 000 литров молока за год, хотя Общим рынком разрешено надавивать от одной коровы за год, допустим, не более чем 7 000 литров. Тогда правительство заставляет их заплатить крупный штраф, чтобы в другой раз неповадно было.

— Не понимаю я этого! — пожалала плечами моя собеседница. — Сам же ты только что говорил мне, что в мире полно бедных стран, да я и сама в газетах читала, что в Африке и Азии люди умирают от голода. А тут готовы зарезать корову, если она даст на десять литров молока больше, хотя этим молоком можно было бы где-то спасти ребенка от смерти!

— Все ты верно говоришь, но, увы, в стране Экономика главная движущая сила пока что не сострадание и

благотворительность, а желание выручить побольше денег за изготовленные тобой товары. Будь у африканских стран деньги — их бы залили молоком и завалили мясом. Но они-то пока нищие и никак из этой нищеты не могут выбраться — голодные и необученные люди работают плохо, а от плохой работы денег в стране не прибавляется. Надо как-то разорвать этот порочный круг. Сделать это можно только общими усилиями всех народов. Но люди должны это осознать, а пока что самые богатые страны дозрели лишь до сотрудничества между собой и не очень охотно помогают развивающимся странам. А порою помогают так, что от этой помощи становится еще хуже...

— Как это?

— А так. Например, крупные банки одолживают развивающимся странам деньги на развитие экономики, но делают это на таких условиях, что страны эти расплываться просто не в состоянии и долг у них год от года растет, достигая совершенно астрономических цифр. Например, сейчас страны Латинской Америки должны только США ни много ни мало 230 миллиардов долларов. Из-за этого все, что эти страны зарабатывают, уходит на уплату долгов банкам и народы становятся еще более нищими, а их будущее — еще более беспросветным. Поэтому уровень жизни в этих странах в 11–12 раз ниже, чем в развитых странах, и разрыв не сокращается, а растет.

— И никакого выхода нет?

— Почему, есть. Сейчас во всем мире идет серьезное обсуждение того, как создать новый экономический торядок. Проще говоря, речь идет о том, чтобы помочь развивающимся странам выбраться из беды, но не слишком при этом ущемить интересы развитых стран, перед которыми бедные страны в долгу. Задача эта — высшей категории сложности, от ее решения зависит жизнь сотен миллионов людей, но решать ее надо.

— Странно, — покачала головой Оля. — Страна

Экономика существует столько веков, и до сих пор в ней еще так много нерешенных вопросов и так много несправедливости! Неужели же люди так глупы или так жадны и жестоки, что до сих пор не могут или не хотят придумать, как сделать так, чтобы все жили хорошо и никто не умерал от голода рядом с роскошными особняками богачей? Хватило же людям ума, чтобы сделать атомные бомбы или посадить человека на Луну. Неужели же экономика сложнее, чем космический корабль?!

— Конечно, сложнее! Я уверен, что еще не одному поколению лучших умов Земли придется думать, как примирить особенности людского характера с интересами человечества в целом. Ведь каждый человек — особый мир, и сама природа заставляет его думать прежде всего о себе. Но человек надежен разумом, и в этом — единственная надежда на спасение человечества и вообще сохранение жизни на планете Земля. В XXI веке, до которого нам осталось так немного, человечеству предстоит величайшая в его истории битва — схватка с собственным эгоизмом. Каждому надо будет научиться сознательно подчинять свои действия общим интересам всего человечества, осознать, что ты — не последний в великой цепи людских поколений. Это невероятно сложно, и здесь — в стране Экономика — еще будут очень непростые ситуации, потому что хозяйственная деятельность — основа основ человеческого общества. Я бы сказал даже, что именно здесь — на проспекте Интеграции — начинается тот процесс, который в будущем изменит весь облик страны Экономика, делает ее куда более удобной и приятной для человека...

Наконец-то я остановил такси. Водитель охотно согласился отвезти нас в аэропорт. Вскоре мы оказались у ворот аэропорта, откуда могли вернуться домой. Багажа у нас не было, поэтому, оформив нужные документы, мы напрямиком прошли на летное поле и по трапу поднялись в кабину

серебристого сверхзвукового ракетоплана. Два мы успели застегнуть привязные ремни, как ракетоплан начал вибрировать, готовясь к старту. Старт!

Моторы взревели, ракетоплан прыгнул в небо, и мощная сила ускорения давила нас в кресла. Она была настолько сильна, что в глазах у нас потемнело. В этот момент в салоне раздался мелодичный женский голос, и мы услышали:

Ты познакомился с чудной страной,
Не признающей застой и покой.
В этой стране, крепко помни о том,
Можешь всего ты добиться трудом.

Труд твой полезен — коль он для людей,
Если для них не жалеешь ты дней:
Стройши и пашешь, суп вариши иль сталь —
Нужному делу и силы не жалы!
Только три правила ты не забудь,
В этих трех правилах — главная суть.

Первое — дело такое найди,
Где среди всех будешь ты впереди.
Хочешь, чтоб ждал тебя в жизни успех —
Делай работу свою лучше всех!

Это усвоил? Второе учти —
Нет остановки на этом пути.
Только работа отдачу дает,
В ней вся основа движенья вперед.

Больше работаешь — лучше живешь,
Лучше живешь — больше людям даешь,
Старым и малым, и тем, кто в нужде.
А будет нужно — помогут тебе.

Правило третье — в делах не зевай,
Прибывь свою и страны умножай.
Прибыль — трудам и умению награда.
Как получить ее? Думать тут надо.

Можно путем повышения цен.
Но погляди, что получишь взамен:
Всех покупателей ты распутал,
Выиграл грош — сто рублей потерял!

Если ж затраты и цены снижаешь,
Этим ты рынок себе расширяешь,
И покупают товары твои
Те, кто богат, и те, кто бедны!

Сложно? Не просто! Но ты уж прости,
В этой стране нет другого пути.

И только этот голос замолк, как вдруг вокруг стало резко светлеть, и мы с Олей с восторгом обнаружили, что вновь сидим в компьютерном клубе, откуда волшебная компьютерная программа унесла нас в страну Экономика. И лишь чудом перенесшийся с нами Олин дневник свидетельствовал о том, что путешествие нам не приснилось.

— Ура! Ура! — завопила Оля и, вскочив, стала отплясывать какой-то диковинный танец.

Вскоре мы уже катили на троллейбусе к себе домой. Покачиваясь рядом со мной на сиденье и скотльзая взглядом по знакомым московским улицам, Оля вдруг погрузилась.

— Папа, — повернулась она ко мне. — А мы можем еще разок съездить в страну Экономика?

— Не знаю, — честно признался я. — Но ты не грусти. Взрослея, ты и сама будешь все чаще навещиваться в эту

страну, сталкиваясь с ее законами. А начав работать, ты станешь ее полноправным жителем, и уже от тебя начнет зависеть, как эта страна будет развиваться и изменяться. Ты и твои ровесники будете определять новый облик страны. Только от вас будет зависеть ваше собственное благополучие и то, смогут ли ваши дети бегать под дождем, не боясь, что он — кислотный. Страной Экономика правят жесткие законы, но это вовсе не значит, что человек не способен поставить их себе на службу. Но для этого надо знать эти законы, иначе не ты ими, а они тобой будут править. Конечно, наше путешествие — только первый шаг на твоем пути к экономической грамотности, и тебе еще предстоит многое узнать и понять, когда станешь постарше. А чтобы ты не забывала о нашем путешествии — заглядывай время от времени в дневник, что вела во время нашего путешествия. Не забывай о том, что нам с тобой удалось повидать, — это тебе еще не раз пригодится в жизни!

Москва,
декабрь 1988 — май 1989.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ

Свои задачи компьютер позаимствовал из книги С.Н.Олехина, Ю.В.Нестеренко и М.К.Потанова "Старинные занимательные задачи". — М.: Наука, 1988.

Ответ на задачу о хозяйне и работнике.

Работник не доработал у хозяина 5 месяцев и недополучил 7 рублей. Значит, месячная его плата в деньгах составляет $7/5$ рубля или 1 рубль и 40 копеек. Плата за 7 месяцев составит $7 \times 7/5 = 9$ и $4/5$ рубля или 9 рублей 80 копеек. Но работник за это время получил 5 рублей и кафтан. Значит, кафтан стоит 4 рубля 80 копеек.

Ответ на задачу о купце, который купил коня.

Всего твоздей 24 и заплатить за них купец должен 41 943 рубля и 4 копейки. Значит, купец переплатил 40 943 рубля и 4 копейки, пожалев купить лошадь за 1 000 рублей.

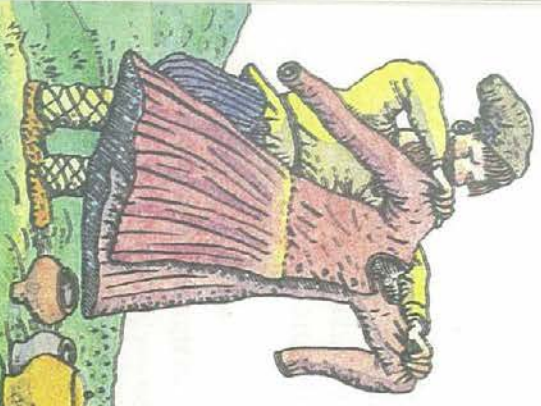
Ответ на задачу о крестьянах, которые делили собой деньги.

Возьмем 3 рубля у того из крестьян, который получил большую часть денег. Тогда сумма в 4 рубля распределится между крестьянами по-

ровну. Значит, меньшая часть разделенных денег составляет 2 рубля, а тогда большая часть равна 5 рублям.

Ответ на задачу о крестьянине, который раслицивался за свои покушки.

Третий купец получил, как легко видеть, 2 рубля, и, значит, эта сумма была у крестьянина, когда он уходил от второго купца. Сумма, заплаченная второму купцу, без 2 рублей составляет поэтому 4 рубля, и крестьянин, уходя от первого купца, имел 8 рублей. Деньги, заплаченные первому купцу, без 1 рубля составляют 9 рублей, и, значит, первоначально крестьянин имел вдвое больше, то есть 18 рублей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой происходит совсем не то,
что мы ожидали,
а мне лишь чудом удается спасти Олю от гибели (5)

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой Оле приходится добывать лазер,
а мне — садиться за руль гоночного автомобиля (46)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой приятная прогулка по реке
оказывается весьма опасным занятием (98)

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой нам приходится считать горшки и кареты,
а в конце — ночевать в древнем подземелье (136)

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой мы взмываем в небеса,
а Оля получает по лбу (164)

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой мы встречаем призрака,
а Оля нарушает закон (186)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой мы штурмуем скалы,
а Олю пытаются похитить (222)

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой мы садимся на мель,
а Оля получает страховую полис (254)

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой нас берут в плен,
а потом мы едва спасаемся от атаки с неба (278)

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой нам приходится
выбрасываться из самолета
и все же мы находим путь домой (302)

*Мамы и папы,
бабушки и дедушки,
учителя и воспитатели!*

Внимание!

*Мы рады сообщить вам, что для данной книги
есть компьютерное приложение. Оно содержит
большое количество игр, которые помогут ребя-
там усвоить новые для них понятия и разо-
браться в сути экономических законов.*

*Учителя, используя игру смогут проводить
занятия с детьми по курсу: «Основы экономиче-
ских знаний». К игре даются приложение в виде
методики и программы обучения.*

**Ваши заявки направляйте по адресу:
105043 Москва, абонентский ящик 8,
Инфосервис — Унисон**

телефон: 255-98-68

Сдано в набор 7.02.92. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура „Таймс“. Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 20,4.
Тираж 100 000 экз. (1-й завод 1—25 000 экз.). Заказ 97., С^н-1.

ТОО „Нивекс“, Москва, ул. 1812 года, 9.

Орлена Трудовой Красного Знамени Тверской полиграфком-
бинат Министерства печати и информации Российской феде-
рации.

170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

—21702

ХОБРАЧУГОВО

БИЗНЕС-СИТИ

ГОРА ДЕНОВЫХ ЛЮДЕЙ

СТАРТОВАЯ ПЛОЩАДКА
РАКЕТНО-ЛАВНОЙ

БАНИ КОКОКОВЫХ

ПОСЕЛЕНИЕ ВОЕННОГО
КОМАНДИРА

СТЕНА СОВЕСТНОСТИ
ПРОСПЕКТ КАПИТАЛА

ПРОСПЕКТ
РАБОТЫ

ПРОСПЕКТ
МИКОСТРОЯ

